

Это роман о любви, которая
никогда не бывает без грусти.

Журнал «Телнеделя»

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

● САМОЕ ЯРКОЕ ОТКРЫТИЕ 2015 ГОДА ●

A detailed still life illustration of a tea set. In the center is a large, ornate, light-colored teacup with a scalloped edge, resting on a matching saucer. A silver spoon lies across the saucer. Surrounding the teacup are several strawberries, some whole and some sliced, along with delicate pink and white flowers. In the foreground, a small white bowl contains a dark red jam or sauce. The background is softly blurred, showing a woman's face and hands, suggesting a romantic or intimate setting. The overall color palette is warm and soft, with a focus on natural elements like fruit and flowers.

Грустное
варенье

Annotation

Лара и Лиля – близнецы. Только у одной впереди огромная жизнь, а другой навсегда останется 29 лет... Лара отправилась к Байкалу – тем маршрутом, который наметила сестра для их счастливого летнего путешествия. Однако сопровождать ее увязался муж Лили, которого девушка возненавидела: потеряв жену, он не страдал, а лишь грустил. И только когда начали раскрываться тайны его с Лилей жизни, Лара поняла: даже самые близкие люди – закрытая книга. Но осознав это, все-таки не утратила желания верить, надеяться и любить...

Елена Вернер

Пролог

Глава 1. Марсианки

Глава 2. Муж. Враг

Глава 3. Начало

Глава 4. Когда меняется свет

Глава 5. Ограниченный доступ

Глава 6. Подводное царство

Глава 7. Ничего, кроме правды

Глава 8. На другом берегу

Глава 9. Гагавка

Глава 10. Шаман-камень

Глава 11. Имена вещей

Эпилог

notes

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

Елена Вернер

Грустничное варенье

© Вернер Е., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Ехала карета темным лесом

за каким-то интересом.

Инте-инте-инте-рес,

Выходи на букву С!

Детская считалочка

Пролог

С самого утра Лара чувствовала это. Она пыталась занять себя тысячей дел, но все шло наперекосяк, фотокадры смазывались и пересвечивались, еда казалась безвкусной, а в животе то и дело проворачивалось холодное веретено. И она ощущала, как надвигается что-то громадное, неотвратимое, страшное. Проклятого пепельно-серого оттенка.

Наконец она решила, что так продолжаться не может. Надо взять себя в руки. В конце концов, ну что это за глупости – какое-то предчувствие? Наверное, просто авитаминоз. Солнце уже пригревает, хотя всего-то конец февраля, небо сквозь изодранные облака просвечивает совершенно лазурное, как глаза у младенца. И нет никаких предпосылок, чудовищной беды или неприятности, просто она устала, снова не выспалась, ведь уже две недели подряд ложилась в пять утра, вставала в девять и мчалась на очередную съемку. Накопленная усталость отравляет жизнь, вот что это такое. А нехорошие предчувствия – бред, бред и еще раз бред. На них надо плюнуть, желательно через левое плечо.

Лара давно заметила, что если день не задался, необходимо принять волевое решение. Для начала признаться самой себе: день скверный. Это уже хорошо – что осознаешь происходящее, а не плещешься в вязкой жиже плохого настроения. И сразу следующий шаг: просто переломить этот день и себя. Приготовить кофе с гвоздикой и щепоткой перца. Или съесть мороженое, самое любимое, и снова плевать на диету. Рухнуть на диван с любимой книгой. И сама не заметишь, как все наладится: просто отталкиваешься от самого дна и выныриваешь, и хватаешь ртом чистый воздух.

Она погрузилась в свои мысли, и кофе перекипел, вылез из турки и залил черной пеной всю плиту. Не желая сдаваться, Лара опрокинула остатки напитка в чашку и отхлебнула: на вкус как помои. Правда, помои с гвоздикой и щепоткой перца. Пряные помои. Так что они отправились напрямиком в раковину. А вскоре в стиральную машинку полетела футболка, заляпанная потекшим карамельным крем-брюле. Лара вовремя вспомнила, что «Поющие в терновнике» сестра взяла почитать еще в декабре, потом раскритиковала за излишний мелодраматизм – но до сих пор не вернула. «Лиля всегда такая, – подумала Лара. – Странно, что она попросила почитать эту книгу, ведь любовные романы не для нее. Правда, и не для меня тоже, все это сплошь неправда, но иногда так хочется...»

При мысли о Лиле она улыбнулась и почувствовала, как в сердце отогревается какой-то дрожащий, замерзший зверек. Неужели этот зверек – она сама? Тогда тем более надо позвонить сестре, уж Лиля-то знает, как парой слов исправить мир, сделать его таким, каким он и должен быть. Понятным, уютным, спокойным и правильным. Самой Ларе правильный мир почти никогда не нравился, но только не сегодня. Сегодня ей почему-то отчаянно, до слез, хотелось, чтобы кто-то очень любимый пообещал, что все будет хорошо. А Лиля была именно таким человеком. Самым любимым в мире.

– Привет-привет, – отозвалась в трубке сестра. Лара зажмурилась от невероятно острого облегчения, когда услышала это ее звонкое «привет-привет». Все в порядке.

– Что делаешь?

– Готовлю обед, изображаю из себя примерную жену.

– Тебе не надо изображать, ты такая и есть, – хмыкнула Лара. Прижимая трубку плечом, она подошла к окну и, поглядывая во двор, машинально обрывала сухие листья на вытянувшейся за зиму полосатой традесканции. За окном дворник в оранжевой робе долбил корку грязного льда на осунувшемся сугробе. Скоро весна...

– Да уж конечно, – хмыкнула в ответ Лиля, и Ларе почудился какой-то другой смысл в этой кокетливой реплике. Не смысл даже, а тон, легкий налет.

– У тебя все хорошо?

– Еще бы, – Лиля фыркнула, и у Лары отлегло от сердца. Никакого иного тона, кроме всегдашнего Лилиного спокойствия, она не уловила. Показалось, значит. – В конце концов, это не я тебе позвонила, а ты мне. Так, может, это у тебя что-то неладно?

– Не знаю, – Лара пожала плечами, хотя и понимала, что сестра ее не видит. Впрочем, не совсем так. Может, и не видит, но точно все чувствует. Да и сама Лара прекрасно представляла себе сейчас сестру, всю до мельчайших черточек. Она, должно быть, точно так же глядит в окно – эта привычка у них одна на двоих. Лиля на кухне, на своей аккуратной чистенькой кухоньке с клетчатыми занавесками. Стоит с телефоном в одной руке, с деревянной ложкой, которой только что помешивала соус, в другой. Фартук завязан на талии бантиком. Иногда Лара подначивает сестру, что та обязательно должна хоть раз встретить мужа с работы именно в этом фартуке, на шпильках – и без всего остального, но Лиля, конечно, никогда на такое не пойдет.

– Эй, не слышу в голосе энтузиазма! – забеспокоилась в своей чистой кухоньке Лиля. – Что-то случилось?

– Настроение паршивое, если честно. Ничего не случилось, просто паршиво на душе. Как будто голуби обос...

– Ну ладно, давай завязывай с этим, – почудилась улыбка в голосе старшей сестры. – Выше нос, Кузнечик. Все будет замечательно, я тебе это обещаю, хорошо? Не слышу ответа, прием! Хорошо?

– Хорошо... – выдохнула Лара. И все-таки решилась спросить: – Скажи, ты сейчас у окна?

– Да...

– На тебе этот твой фривольный фартучек, в левой руке телефон, в правой ложка? И с ложки капает мясной соус?

– Ну... Если учесть, что я готовлю суп-пюре из шампиньонов...

– Черт, почти! – с притворной досадой зашипела Лара. Внутри у нее все ликовало.

– И кстати, фартук у меня вовсе не фривольный, – напомнила ей Лиля строго. – Просто с ромашками. Вечно ты все опошляешь.

– И я тебя люблю, Лилия Васильевна.

– Все, я побежала, мне еще хлеб на гренки резать, а духовка уже нагрелась. Попозже созвонимся, да?

– Да.

После того как трубка замолчала, Лара еще долго смотрела в окно на дворника, на соседний дом и голые остовы деревьев. Во время телефонного разговора с Лилей ей показалось, что ее предчувствие – просто блажь. Отец звонил час назад, у сестры все тоже в порядке, гонорар уже перечислен на карточку, и даже счета за квартиру оплачены. Что еще надо? Однако, закрывая поплотнее шпингалет фрамуги, от которой дул вездесущий февральский ветер, Лара видела, что пальцы у нее трясутся. Внутри ничего не починилось, «звонок другу» не помог.

– Лара, тебе пора лечить нервы, – вслух подвела она итог и выудила из холодильника бутылку пива. Да-да, плохая девочка... Который там час? Шесть двадцать три, вечер. Может, пиво поднимет ей настроение и успокоит хоть немного? А потом, после ужина, можно будет созвониться с Лилей и поболтать подольше...

Крышка с быстрым шипеньем отскочила от открывашки, и Лара сделала глоток.

После ужина они не созвонились. Они вообще больше никогда не созвонились. В шесть часов двадцать три минуты Лили не стало.

Глава 1. Марсианки

Пробка, как змея с поблескивающей чешуей, извивалась и тянулась до горизонта, насколько видно шоссе. Это ведь не секрет, думала Лара, мрачно барабанила пальцами по рулю: на майские праздники из этого города уезжает, собственно, весь город. Жаль только, что она вынуждена ехать вместе с ним. Сегодня у папы день рождения, и она обязательно должна приехать на дачу и поздравить его.

День обещал быть не по-весеннему жарким. Автомобили двигались медленно, через силу, и над раскаленными капотами дрожал и слоился маслянистый воздух. Между Лариной машиной и фургоном без поворотника пытался встроиться кабриолет с убраным верхом. В пробке он смотрелся неуместно и довольно комично: ему бы мчаться с ветерком, а не дышать выхлопами старенькой «Газели». Если бы здесь была Лиля, сестры непременно обсудили бы это.

– Как думаешь, тяжелые металлы благотворно влияют на умственную деятельность? – выдала бы Лара ехидно. – Я имею в виду, сколько нужно дышать этой гадостью, чтобы сообразить, что откидной верх надо поднять?

– Представляешь, каково ему сейчас... Бедолага, – отозвалась бы Лиля с сочувствием. – Может, он вынужден, может, у него просто крыша сломалась?

– По-любому, – молниеносно согласилась бы с ней Лара, они бы переглянулись и приснули, не в силах сдержать смех. А потом до хрипоты спорили бы, какой диск ставить в магнитола: любимые Лилей джаз и классику – или заезженного Ларой до дыр Бон Джови^[1].

Лара невольно скосила глаза на бардачок – там все еще лежали диски с джазом. Она не нашла в себе силы убрать их из машины, и слушать сил нет. Да и Бон Джови давно помалкивал, не до него теперь...

Должно быть, она все-таки отвлеклась от дороги, потому что бампер кабриолета стал стремительно приближаться. Спohватившись, Лара резко ударила по тормозам и тут же услышала красноречивый вопль клаксона из автомобиля сзади.

– Знаю-знаю! – она поморщилась и взглянула в зеркало заднего вида. Там, за рулем серой «Волги», хмурился дядечка в совиных очках, рядом с ним кипятилась дородная супруга, размахивая рукой и указывая на машину Лары.

Будь здесь Лиля, она бы обязательно сказала:

– Только посмотри на них, какая гармоничная пара!

Словно в ответ на эти так и не произнесенные слова Лара кивнула и еще раз осмотрела попутчиков в «Волге». Дачники. Он в свитерке с растянутым воротом, она в вязаной футболке, а к багажнику на крыше машины приоткрыты плодовые саженцы.

В этой автомобильной толпе все ехали встречать лето. С детьми, друзьями, семьями и питомцами. Кто-то вез мангал, кто-то – велосипеды, мотки полиэтилена для парника, рулоны поликарбоната для теплицы. В легковушке слева высунула свой розовый язык дворняжка, справа роскошный черный джип «БМВ» был весь заполнен рассадой помидоров и походил на причудливый аквариум на колесах, только вместо рыбы в нем обитала миниатюрная шатенка.

Машины ехали, медленно, но все-таки. Их водители ругались, сигналили, мигали фарами и открывали окна, чтобы выяснить отношения напрямую. Все двигались вперед. Как будто их жизнь не встала на «паузу», с которой может никогда больше не сняться.

Как будто есть какой-то смысл продолжать все это.

А вот Лара знала наверняка: смысла нет. Нет смысла ни в дисках со сладостными звуками саксофона, ни в терпких помидорных листьях, ни в тугих бутонах папиных тюльпанов, что наверняка раскрываются сейчас на клумбе у веранды. Потому что Лилля умерла, и ничто в мире не может вернуть ее обратно.

Лара коротко болезненно выдохнула и включила радио – невозможно

выносить эту тишину одиночества. Выбирая волну, на которой не крутили бы веселенькую попку, Лара вдруг подумала о папе. Вполне возможно, он увидит ее сегодня в последний раз.

Возможно. Она еще не решила.

Крепче стиснув руль, Лара постаралась сосредоточиться на дороге. Прокрутила в голове предстоявший ей путь, и на краткий миг на душе потеплело от осознания, что она все ближе и ближе к их дому с верандой.

В детстве они проводили на даче каждое лето. Тихий поселок под Сергиевым Посадом – эта дача была свадебным подарком от родителей мамы. Академик Евгений Крыжанов и его жена Александра Павловна недолюбливали Васю, тогда еще жениха своей единственной дочки Иринки, считая их брак мезальянсом. Ирина была недавней выпускницей консерватории, а Вася – всего лишь парень с мебельной фабрики. Возможно, именно поэтому подарок на свадьбу они преподнесли совершенно царский. Словно желая подчеркнуть пропасть, разделяющую простого работягу и их дочь. Но семейные дразги отошли на второй план, стоило только появиться близняшкам. Ирина привозила дочерей на дачу на лето, чтобы те могли порезвиться на свежем воздухе, бабушка с дедушкой тоже заглядывали, сперва редко, потом все чаще и чаще, оставаясь на долгие недели. И наконец, в мансарде даже появился кабинет для дедушки Жени, чтобы он мог спокойно писать свои монографии и учебники по физике. На выходные из города приезжал отец, и как-то незаметно тесть и теща примирились с зятем. Чья была в этом заслуга? Вероятно, самого дома. А может быть, долгих чаепитий на большой застекленной веранде, куда на свет лампы под бахромчатым абажуром слетались все окрестные мотыльки. Или расслабленной болтовни обо всем на свете. Или запаха ванильных ватрушек, в которых Лара и Лиля, не сговариваясь, выгрызали только серединку, а потом глядели друг на друга сквозь получившиеся бублики и залиvisto хохотали.

Однажды зимой, сразу после новогодних каникул в первом классе, ограбив копилку, близняшки умудрились сесть на электричку и отправиться на дачу, потому что Лара была убеждена – и убедила в этом сестру, – что, как только они переступят порог старого дачного дома со скрипучей лестницей, так снова наступит лето.

– Помнишь, когда мы уезжали с дачи? Мама все убрала, закрыла дом и сказала, что, когда мы сюда вернемся, уже опять будет лето? Ты помнишь? Значит, мама заперла там лето и мы уехали... Его надо освободить! – уговаривала она Лилю. Та, немного напуганная далеким путешествием, неуверенно кивала головой.

Они долго шли со станции, не столько перебираясь через сугробы, сколько перекатываясь через них, два ребенка, одетые как капуста, замотанные шарфами чуть не до самых глаз. И, лишь войдя в калитку, осознали, что ключей-то от дома у них нет. Лето, ждущее за дверями и окнами дачи, так вскружило голову, что никому из сестер не пришла в голову здравая и скучная в своей взрослости мысль про ключи.

Пока Лиля начинала потихоньку всхлипывать, Лара ожесточенно перебирала в голове варианты. Она даже попробовала открыть замок ключами от городской квартиры, а потом, чувствуя, как подкатывается отчаяние, долго скребла в замочной скважине отломанной веточкой бузины. Лето не хотело выходить, а зимний вечер ощущался все явственнее, захватывая мир вместе с быстрыми сиреневыми сумерками.

Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы их не заприметила соседка тетя Катя из дома напротив. Она привела девочек к себе, успокоила все-таки разревевшуюся Лилю, напоила кремowym топленым молоком и позвонила родителям. Примчавшаяся Ирина, уже полностью справившаяся с приливом облегчения и материнской любви еще по дороге, теперь строго отчитала обеих дочерей и потащила их на станцию. В тот день они так и не попали на дачу, и с тех пор у Лары и Лили на всю жизнь осталась уверенность в том, что с сентября по май лето заперто в их дачном доме, в полутора километрах от железнодорожной станции. И никаким рациональным сознанием это ощущение было не прогнать.

Спустя несколько месяцев произошло событие, разделившее жизнь семьи на две части, – до и после. Однажды вечером мама не вернулась домой. Учебный год только начался, и Василий, готовя ужин для дочек, думал, что жена задержалась в своей музыкальной школе из-за плавающего, не установившегося толком расписания занятий. Но к десяти он забеспокоился, и девочки, почувствовав неладное, долго не хотели засыпать, возбужденно болтали и ворочались. К одиннадцати Василий уже не находил себе места, а в полдвенадцатого побежал к музыкалке. До нее было недалеко, через парк всего минут пятнадцать пешком, и обычно Ирина ходила именно так, не обращая внимания на просьбы мужа делать крюк и огибать парк по освещенным улицам. Василий пробежал этот путь как стометровку и долго колотил в дверь и окна на первом этаже школы, не обращая внимания на то, что свет уже везде потушен. Наконец сонный сторож подтвердил его опасения: все уже давно разошлись. Да, в учительской было собрание, но собрание закончилось два часа назад.

– Велесова, говорите? Может, она к кому-то из учителей в гости пошла и засиделась? А вы вот Вере Федоровне позвоните, которая музлитературу

ведет, они вроде дружат...

Но ни приятельница Ирины, ни преподаватель сольфеджио, ни даже директриса, которую Василий поднял с постели ближе к утру, ничего не знали про Ирину.

В милиции задавали неприятные вопросы про согласие в семье и возможный роман на стороне. Василий кричал, потом устал кричать и отвечал скупо и односложно. Он чувствовал, что помогать ему искать жену никто не торопится. Когда академик Крыжанов поднял свои старые связи, искать стали Ирину Велесову, в девичестве Крыжанову. Это было уже совсем другое дело, забурлила, закипела оживленная, но довольно бестолковая деятельность. Несколько недель Василий расклеивал объявления по округе, приходя домой только переночевать, и девочек на это время взяли на попечение бабушка и дедушка.

Но все было тщетно. Время шло, а никаких вестей об Ирине так и не появилось. В дни, когда Василий не работал, он слонялся по парку, через который должна была пройти до дома его жена. Вглядывался в лица прохожих, а чаще почти не видел ничего вокруг, потому что воображение подсовывало ему картины, одна другой гнуснее и ужаснее, и он почти корчился от ужаса и бессилия, смешанных со стыдом оттого, что все это представляется ему. Что бы ни произошло с Иринкой, это было страшно, иначе она давно вернулась бы домой, к нему и девочкам... Ворчала бы из-за того, что он снова захламлял балкон досками, лыжными палками и велосипедом. Всю осень варила бы компот из яблок, которые они собирали по выходным в старом саду неподалеку. Под бой курантов записывала бы мечту на клочке бумаги, сжигала и выпивала пепел вместе с шампанским, веря в исполнение загаданного со страстью маленькой девочки. Раз в месяц плакала бы потихоньку, – просто потому, что «взгрустнулось», и потому что – женщина. И в январе они все вчетвером поехали бы в санаторий под Звенигородом. Бегали бы на лыжах и возвращались под вечер с покрасневшими щеками, и у Иринки выбивался бы из-под шапки светлый, словно льняной, локон, который так приятно заправлять обратно и смотреть при этом ей прямо в глаза... Василий так четко представлял себе все это, так верил, что это возможно, что в какой-то момент даже начинал улыбаться и расправлял плечи. А потом вздрагивал и вновь оказывался один на аллее в парке. Самыми тяжелыми и одновременно радостными минутами таких дней был путь домой, быстрым шагом, когда в сердце свивались заодно тоска и надежда на то, что сейчас, чудесно и необъяснимо, Ирина ждет его дома. Добежав до квартиры, Василий замирал, всерьез колеблясь, нажать ли кнопку звонка или открыть дверь

ключами. Умом он понимал, что никто не откроет, но – а вдруг? – этот выбор все равно маячил перед ним. И пока ключ поворачивался в замке, он еще надеялся услышать шаги с кухни, или шмыганье носа, или бормотание. Хоть что-то. Но квартира неизменно оставалась тиха, и, только переступив порог, Василий вспоминал, что девочки все еще ждут его в школьной продленке. А жены нет.

С дочерьми отец почти не говорил. От природы немногословный, он не мог придумать, что сообщить об исчезновении их мамы. Тем более что они не спрашивали, и Василий подозревал, что Ирина мать уже как-то им все объяснила. Близняшки оставались у бабушки с дедушкой, сначала на ночь, на выходные, а потом все чаще на несколько дней, и одному, без девочек, Василию было легче. Он знал, что с тещей Лара и Лиля будут накормлены и одеты, а стишок по литературе и таблица умножения – выучены. В конце концов, ведь это именно она вырастила Ирину.

Не то чтобы Василий Велесов не любил дочерей, как раз наоборот. До их рождения он не мог и представить, что будет испытывать к кому-то такие чувства. Эти девочки были для него как инопланетянки, красивые и непонятные. Он не знал, о чем они думают, чего хотят, и видел только их отличия от себя: другой пол, другой возраст, дымчато-серые глаза, доставшиеся им от матери, и розовые пяточки, и макушки, пахнущие мылом и голубями. Даже то, что внешне они были почти копиями друг друга, сбивало его с толку. Старшую Лилю от младшей Лары отделяли какие-то сорок минут... Василий любил дочерей, любил как нечто чуждое и недостижимое, он трепетал и робел перед ними. Каждую секунду, проведенную вместе, Василий боялся сделать что-нибудь не так, допустить какую-нибудь оплошность, из-за чего они, например, откажутся есть ужин, или не захотят ложиться, или им не понравится сказка, которую он принес из библиотеки. А такое случалось постоянно. Лия с оскорбленным видом вылавливала из супа кружочки морковки, Лару тошнило от молочной пенки, и обе отчаянно отказывались слушать перед сном его любимую книгу про Джека Восьмеркина.

Поэтому, когда мать Ирины, Александра Павловна, предложила ему отдать девочек им с тестем на воспитание, Василий долго молчал, а потом ответил, что подумает.

– Вась, только, пожалуйста, думай побыстрее. А то я тут на днях зашла в гимназию, знаешь, у нас под окнами. Их могут взять, там недобор в одном из классов с углубленным немецким.

– Вы все уже решили без меня? – вздохнул он. Без обиды, но с усталостью.

– Нет, просто зашла и спросила у них. Так, на всякий случай. Ты же сам прекрасно понимаешь, мне совсем не сложно за ними присматривать. Ты на работе, а мы с Евгением Петровичем уже на пенсии. Буду водить девочек на танцы, в музыкальную школу запишемся, на рисование. Это же девочки, их нужно развивать. Вкус, слух, чувство ритма. Эстетическое воспитание, одним словом!

Василий не переносил, когда Александра Павловна начинала говорить так. Она, конечно, хотела показать свое превосходство, и ей это удавалось, потому что он мгновенно начинал чувствовать себя полнейшим ничтожеством. Хотя раньше одной мимолетной улыбки жены хватало, чтобы сгладить это.

– Я подумаю, Александра Павловна. Я подумаю...

Он ответил так исключительно из гордости, не желая сдаваться прямо здесь и сейчас. Потому что уже знал, что ответит через неделю во время следующего визита. Он отдаст своих дочерей бабушке с дедушкой. Потому что не умеет с ними общаться, боится неправильно их воспитать – ну какой из него воспитатель для двух инопланетянок? Он просто испортит им жизнь. А еще они так похожи на Иринку, что каждый их взгляд и каждая улыбка вбивает гвоздь ему в сердце.

Ему и в голову не пришло поговорить с Ларой и Лилей об этом. Восемь лет – слишком мало, чтобы что-то решать, подумал он.

Вечером пятницы, как раз накануне нового посещения бабушки и дедушки, Лиля подошла к отцу, отскребававшему от сковороды горелые тефтели, и обняла его за колени. Василий даже не сразу понял, что такое сковало его ноги, и только через несколько мгновений посмотрел вниз. Он выключил воду, вытер руки и присел на корточки, сравнившись ростом со старшей дочерью.

– Ты чего, Лилечка?

– А мама что, ушла навсегда?

– Я не знаю... – признался он и бросил затравленный взгляд на стол, за которым рисовала Лара. Казалось, она поглощена процессом, но Василий знал, что она внимательно вслушивается в их разговор.

– Она умерла? – продолжала допытываться Лиля.

– Я... Нет, что ты, она не умерла! – Василий испугался этого слова так сильно, что даже ладони стали липкими. Дочь, напротив, выглядела совершенно невозмутимой, даже отчужденной. Ее глаза смотрели строго, не мигая, и ему страшно было видеть это взрослое выражение на маленьком личике в форме сердечка. – Мама не умерла.

– У нас в классе есть мальчик, Илюша. У него вот мама умерла. Анна

Сергеевна сказала, такое иногда бывает, и нам нужно относиться к нему с пониманием. Это значит – хорошо, и не обижать его. Правильно?

– Правильно.

– Но ты говоришь, наша мама не умерла. Значит, она от нас ушла?

– Нет, конечно, нет! Как она могла уйти от нас? Она ни за что бы вас не бросила, таких хороших девочек! – Василий взял Лилю на руки и уселся вместе с нею за стол, к Ларе, чтобы обнять сразу обеих. – Просто мама... у нее есть дела. Она когда-нибудь сделает их и вернется.

– Ты не знаешь.

Это произнесла уже Лара, и голос у нее был холодный.

– Что?

– Ты этого не знаешь, – повторила Лара, не поднимая глаз от рисунка. – Она может никогда не вернуться. Зачем ты нам врешь?

– Я... – отец растерялся совсем. – Ларик, девочки... я не знаю, где мама и вернется ли когда-нибудь.

Лиля и Лара переглянулись. Отец чувствовал, что сейчас они молча спорят друг с другом, одними глазами, но от этого еще более яростно. Лиля словно умоляла сестру о чем-то, а та не уступала. Наконец разговор прорвался во внешний мир. Лара положила кисточку, запачканную синей гуашью, нарочно прямо на скатерть. И обернулась к отцу:

– Ты тоже уйдешь теперь? Я знаю, что уйдешь! Ну и уходи! Давай, бросай нас! Убирайся! Мы и сами справимся.

Лара спрыгнула со стула, опрокинув стакан с грязной водой, и выскочила вон. Василий закрыл руками лицо. Плакать он не мог, глаза сухо жгло, будто в глазницы сунули по горячей головешке. «Мы и сами справимся», – все еще звенело в ушах. В этом все его девочки. Всегда вместе. Они даже умеют говорить друг с другом молча, они чувствуют друг друга на расстоянии. Когда одну кусал комар, вторая расчесывала кожу в том же самом месте. Что бы с ним ни произошло, эти двое друг друга не бросят ни за что на свете. По крайней мере, если отец их не предаст. Предательство. Он действительно собирался предать своих дочек, смалодушничать, закрыться и откреститься от всего, что произошло. Как будто он никогда не был знаком с Ириной, как будто она не родила ему детей.

И он вдруг осознал, что Ирины больше нет. Она никогда не вернется. И именно сейчас он стоит на развилке и можно выбрать одну из двух дорог: остаться одному, забыв о пропавшей жене и вычеркнув девочек из своей судьбы. Но то, что им будет лучше с бабушкой, – враки. Трусость, которую он и так позволял себе слишком часто в последние месяцы. Теперь

от стыда ему внезапно захотелось выключить на кухне свет. Но вместо этого он отнял ладони от лица. Лиля, бросившаяся было в комнату за сестрой, вернулась и стояла теперь в дверном проеме, она просто смотрела. Терпеливо и покорно дожидаясь, пока весы внутри ее отца качнутся в одну или другую сторону.

Василий медленно промокнул тряпкой грязную лужицу гуашевой воды, покрутил кисточку с синей краской. Потом подошел к старшей дочке и взял ее за руку.

– Так. Пойдем-ка мириться с твоей сестрой. Она неправа. Мама нас не бросала, она очень-очень нас любит, просто у нее появились важные заботы, понимаешь? Она же королева, а у королев иногда бывают дела совершенно неотложные, государственной важности. А я никуда от вас не уйду и ни за что не брошу. Вообще-то, если говорить правду...

– Мы всегда говорим правду! – вклинилась Лиля и прильнула к нему. Он опустил ладонь на ее белокурую головку:

– Вы у меня единственные... Не забывай этого, и сделай так, чтобы Лара тоже помнила, хорошо? А я буду очень стараться быть... для вас... я постараюсь.

И не зная, как вслух произнести все остальное, он замолчал. Лиля сощурилась, обдумывая услышанное, потом довольно кивнула и уверенно повела папу к Ларе, мириться.

Конечно, в то время ни Лиля, ни Лара не догадывались о борьбе, свершившейся в душе их отца. А Василий не представлял, что именно ему предстоит: вырастить двух девочек-близнецов. Навряд ли воспитать – дай бог познакомиться с обеими...

Утром, заходя разбудить дочерей, Василий замирал, вглядываясь в их лица. Спящие на одной кровати, они были совсем идентичны, как будто клонированные: прилипшие к вискам колечки волос, выпростанные из-под одеяла длинные руки и ноги, высокие скулы и острые подбородки с капризными ямочками посередине. В этот миг перед пробуждением даже отец не мог с точностью определить, кто из них кто. Но вот он произносил «Девочки, пора вставать», и от этих слов, словно от магического заклинания, все изменялось. Вместе с пробуждением тел пробуждались их характеры. Просыпались его дочери, такие похожие и такие разные.

– Угу... – одна из девочек тут же садилась на кровати и спускала ноги на пол. Глаза ее оставались закрытыми, как у лунатика, но Василий уже знал, что она скоро окончательно проснется и что это Лара. Сейчас она пойдет в ванную, так и не открыв глаза, двигаясь наощупь и по памяти, а

через десять минут выйдет умытая, одетая, но хмурая. Ее нельзя тормозить, нельзя ни о чем спрашивать – утром она не в духе и изменится только после завтрака.

Лиля, наоборот, при звуке отцовского голоса натягивала одеяло на голову и протестующее попискивала. Пока сестра чистила зубы, она пыталась доспать сладкие минутки, игнорируя папины просьбы встать. Лиля всегда выжидала до последнего. Наконец из вороха подушек и покрывал появлялась ее рука, которая дотягивалась до кресла, нащупывала разложенные там с вечера колготки, и снова исчезала, уже вместе с колготками. В кровати начиналось шевеление, сопение и кряхтение. Одеяло вздымалось, как волны на море, и в итоге сползло на пол, и оставшаяся без укрытия Лиля, в майке и уже в колготках, зябко поводила плечиками и улыбалась. Папа улыбался ей в ответ и шел на кухню. Только несколько лет спустя он узнал истинное значение Лилиного ритуала: оказывается, по утрам она мерзла, и колготки натягивала под одеялом, чтобы не терять драгоценное, наполненное крупичками сна тепло.

На кухню они приходили совсем непохожими. Проснувшаяся мимика успевала наложить на лица разное выражение, наивно-нежное у Лили, лукавое у Лары. За завтраком Лиля непременно рассказывала свой сон, мечтательно жмурилась, по-кошачьи зевала, и ее глаза с поволокой все еще смотрели в минувшие грезы, а не в грядущий день. Лара сначала молчала, все еще приходя в себя, и, только допив какао, начинала посмеиваться своим мыслям и загадочно, словно знает большущий секрет, поглядывать то на отца, то на сестру, что-то прикидывая и примеривая. Иногда она прикусывала нижнюю губу, стараясь удержать при себе что-то рвущееся наружу. Василий готов был дать руку на отсечение, что именно после завтрака в ее голове выстраивается план шалостей на сегодня.

Очевидно, по пути в школу Лара делилась задумками с сестрой, потому что редко когда они возвращались домой без записи красными чернилами в дневнике. Девочки были смысленные, так что замечания всегда касались не успеваемости, а только поведения:

«Сорвали урок математики хрюканьем».

«Мыли пол шарфом завуча!»

«На уроке рисования поймали мышь и дрессировали животное».

«Лара выпала в окно на большой перемене и утащила за собой сестру! Примите меры!»

Поначалу после каждого такого замечания Василий ходил в школу и долго беседовал с классной руководительницей. Та жалела девочек, оставшихся без матери, жалела самого Василия и пыталась, по ее

собственному выражению, «войти в положение». Но шло время, а проказы становились все отчаяннее. И папа стал заглядывать только на родительские собрания, а под замечаниями просто ставил свою подпись, мол, ознакомился. Он действительно выяснял у дочек, что они натворили, и те без стеснения расписывали свои похождения. И раз у него не находилось сил и желания их ругать, у Лили и Лары не находилось поводов особенно скрытничать.

На родительских собраниях Василию приходилось держать оборону. Он не собирался давать в обиду своих дочерей. Пока остальные родители, красные до самой макушки, лепетали и нервничали, очевидно вспоминая еще и свои бесславные школьные годы, он был непреклонен:

– Анна Сергеевна... Я все понимаю, вам с ними сложно. Но я отец, а вы учительница. У девочек есть я, у меня есть только мои девочки. А школа... Знаете, сколько в нашей стране школ и учителей? Пединституты работают бесперебойно, так что... То-то и оно...

Анна Сергеевна пучила глаза, хватала ртом воздух... и переходила к следующему вопросу на повестке дня. Зато матери одноклассников, особенно мамы-одиночки, поправляли прически и поглядывали на Велесова с затаенной тоской, явно испытывая нежность к его смелости и к нему самому. Одна из них как-то раз попыталась строить ему глазки, но ничего не вышло. Василий просто не понял, что с ним флиртуют, – или сделал вид.

Вопреки всеобщим опасениям, Велесов на удивление хорошо справлялся. Даже научился печь печенье в форме орешков с начинкой из вареной сгущенки и скатывать трубочкой вафли к школьным чаепитиям. Советов тещи он почти не слушал, в спорах с учительницей неизменно принимал сторону девочек. За первый год после исчезновения Иры между ним и дочерьми установилось полное взаимопонимание. Этот коренастый невозмутимый мужчина мало говорил и много наблюдал, словно учился общаться с Лилей и Ларой у них самих. Лиле нравилось быть красивой – и он наловчился заплетать ей косы с яркими лентами. Ларе хотелось веселья и приключений – и он мастерил ей костюм пиратки. Он знал, как сильно дочек раздражают разговоры окружающих об их внешней схожести, и старался дать каждой возможность самой решать, что есть, во что играть и какие вещи носить. Когда на их день рождения (девочкам исполнилось девять) бабушка и дедушка подарили им по желтому платью, он сразу заметил восторг в глазах Лили и смятение Лары.

Александра Павловна принялась уговаривать внучек примерить обновку.

– Давайте-давайте, поскорей, сейчас ваши одноклассники в гости придут, а вы их встретите такие нарядные...

«Такие одинаковые», – чуть не добавил от себя Василий. Он отвел страдающую молча Лару в сторонку.

– Послушай, Ларик... Если ты не хочешь надевать это платье, не надо, ладно? С бабушкой я поговорю. Не бойся, она на тебя не обидится.

– Правда? – с явным облегчением восторгалась девочка. – Ура-ура!

Она чмокнула отца в щеку и улизнула в комнату шушукаться с сестрой. А Василий отправился на кухню, где Александра Павловна щедро сдабривала майонезом праздничные салаты.

– Ну что, помог Ларе с платьем? Там сзади надо застегнуть крючки... – Теща уже вытирала руки полотенцем, явно собираясь наведаться в детскую.

– Александра Павловна... Дело в том, что Ларе не нравятся платья.

– Как так? Она же девочка!

– Не все девочки любят ходить как принцессы. Лиля любит, а Лара не очень.

Женщина поджала и без того узкие, в ниточку, губы.

– Между прочим, я стараюсь выбирать им лучшее. Ну вот сам посудите – если бы мы с Евгением Петровичем подарили одной из них платье, а другой еще что-нибудь... они бы ведь поссорились! Нельзя вносить в их детские головы даже самую мысль о соперничестве! О зависти... Я удивляюсь, как ты этого не понимаешь!

Василий удивлялся как раз тому, как не понимают другие. Не понимают того, что давать поровну – не значит давать одинаковое. Только став взрослой, Лара смогла оценить папину мудрость.

Но даже он, самый близкий и родной, оказывался за пределами заколдованного круга, объединявшего Лилю и Лару.

Девочки поздно научились говорить. С самого рождения проводя все время вместе, они не испытывали особого желания посвящать в свою жизнь посторонних. Между собой Лилия и Лара общались на каком-то странном языке, и когда Ирина наконец заметила это, то ужасно перепугалась. Ее дочери общались жестами, звуками и отрывочными слогами и даже умудрялись шутить – по крайней мере, Лилия то и дело хихикала, услышав какое-нибудь курлыканье Лары. Ни на один из человеческих языков все это было не похоже, скорее напоминая разговоры по-марсиански. Обеспокоенная Ирина посвятила в опасения свою мать, и тут же начались походы по врачам и логопедам. Но все это было без толку: взрослую речь сестры, кажется, понимали прекрасно, а вот выудить в ответ

хоть слово на нормальном языке ни у кого не получалось. Они просто улыбались, переглядывались, искренне забавляясь попытками родителей и озадаченных людей в халатах, и помалкивали.

Отыскались и специалисты, утверждавшие, что близняшки Велесовы не одни такие и свой собственный язык встречается у близнецов сплошь и рядом. Бабушка Саша паниковала и требовала, чтобы девочек «сделали нормальными», Ирина просто тревожилась, Василий вообще не видел в этом ничего такого. Впрочем, тогда жизнь его дочерей касалась его весьма косвенно.

А потом все незаметно сошло на нет. Когда девочек отправили в детский сад, оказалось, что взрослый язык обе знают довольно сносно. Родители не запомнили, в какой именно день детский лепет их близняшек ушел в прошлое. Зато запомнили сами сестры.

Все произошло после обеда, в сончас, когда воспитательница, уложив группу спать, прошла между рядами двухъярусных кроватей и скрылась в комнате отдыха. Лиля тут же забралась по лесенке на верхний ярус и юркнула под одеяло к сестре. Там, в уютной теплой полутьме, они стали решать, сколько времени отсидеться здесь, прежде чем осуществить задуманное. Как следует рассматривали узор на простыне, который напоминал ходы в муравейнике. Лилия водила пальцем по изгибам рисунка, пока не почувствовала, что заблудилась. Как обычно, на выручку пришла сестра и помогла ей выпутаться из узора – Ларе он казался волшебным лесом, в который Лилю нельзя пускать одну.

Наконец Лара высунула голову наружу и прислушалась. Из комнаты отдыха доносились звуки работающего телевизора, а от соседних кроватей текла сонная тишина. Девочка решительно откинула одеяло и дала знак Лиле спускаться. Та вытащила из-под подушки сокровище – припрятанные с обеда абрикосовые косточки. Технология была проста: выловить из компота разваренный урюк, съесть мякоть, а облизанные косточки оставить на сончас. Теперь оставалось только приподнять кровать, положить одну из косточек под ножку и отпустить кровать на место. Иногда, правда, этого было недостаточно, и приходилось еще и прыгнуть сверху. Если повезет, оболочка косточки расколется, а вкусное ядрышко останется целым. Если повезет чуть меньше, косточка превратится в кляксу из осколков скорлупы и маслянисто-ореховой мякоти, но и это можно будет съесть не без удовольствия. Кое-кто из мальчишек предпочитал колоть абрикосовые косточки в дверном косяке, но после того, как однажды Лара дверью прищемила себе пальцы до синих ногтей, ее любовь к такому методу угасла.

Они с сестрой уже удачно раскололи несколько штук и обсудили это на своем птичьем языке. Торопыга Лара предлагала попробовать колоть косточки, подкладывая их сразу под две ножки кровати, а Лиля утверждала, что лучше не торопиться, чтобы потом не пришлось есть лакомство вперемешку с крошками песка с пола и кусочками скорлупы. Так-то оно так, упрямылась Лара, но вдруг зайдет воспитательница? Или кто-нибудь проснется, чего доброго, и тогда придется делиться...

– Эй, – прервал их птичьи разговоры тоненький голосок. С соседней кровати свесилась Даша Копылова, любимица воспитателей и мальчиков. Ее черные смоляные косы скользнули вниз с деревянного бортика.

– Вы что, правда отсталые? Моя мама думает, что вы отсталые, потому что не умеете разговаривать, как мы. Наверное, вы прикидываетесь! Вот что она тебе сказала сейчас?

Вопрос был обращен к Лиле, и та заметно смутилась и промолчала. Но Лара и ухом не повела, только коротко велела сестре не обращать внимания и заняться делом. Даша, так и не получив внятного ответа, прыгнула вниз и прикрыла рот ладошкой. Но говорила по-прежнему громко:

– Значит, правда! Вы отсталые, отсталые! Вы не понимаете, что я говорю?

Вокруг стали шевелиться одеяла, подушки, со всех сторон на Лару и Лилю смотрели любопытные глаза. Даша, почувствовав молчаливое одобрение большинства, захлебывалась от восторга:

– А я всем расскажу, что вы не понимаете. Они не понимают! Я же говорила! Они как обезьянки. Я в зоопарке видела! Они тоже так общаются друг с другом. Вот смешно!

И она радостно засмеялась. Кое-кто из ребят тоже хихикнул. Лара и Лиля, забыв про косточки, стояли рядом со своей кроватью. Лиля покраснела и опустила вниз глаза, а Лара смотрела прямо на обидчицу, спокойно и даже слегка задумчиво.

– Обезьянки тоже едят с пола! Я кинула им вареное яичко, и они подрались, – рассказывала Даша одному из мальчишек. – Эй, вы, дать вам яичко? Я завтра принесу. Ам-ням-ням, вкусно!

И она улыбнулась уже совершенно издевательски.

Лара вытащила из-под ножек кровати оставшиеся косточки и аккуратно ссыпала их в карман. Потом положила руку на плечико Лили и тихо, непонятно для остальных бормотнула, чтобы та не вешала нос. И только после этого подошла к Даше.

– Все мы понимаем, – отчетливо произнесла Лара. – А ты дура.

И безо всяких дальнейших объяснений вцепилась той в волосы. Даша

закричала, стала отбиваться руками, но Лара оказалась ловчее и черные косы не выпускала. Любое новое движение причиняло Даше еще больше боли, и вскоре она перестала дергаться, только ревела в голос, и по ее щекам горохом катились неправдоподобно крупные слезы.

На крики прибежала воспитательница, поднялся шум и гам, и теперь спальня детского сада действительно напоминала зоопарк. Подравшихся с горем пополам оттащили друг от друга, и Лару с Лилей в наказание отправили в изгнание в закуток перед туалетами. Они выполнили приказ встать по углам и не разговаривать лишь формально. Слушая, как из игровой долетают звуки считалочки, девочки нисколько не сожалели о своем положении. Вполголоса Лиля уверяла Лару, что та отлично наподдала этой противной Дашке. Давно, мол, было пора. Лара и сама знала, что была на высоте. Наказанные близняшки стояли лицом в угол и жевали поделенные на двоих абрикосовые ядрышки. Они были горьковатые, с привкусом миндаля и пыли.

С того дня Лара и Лиля, не сговариваясь, перестали пользоваться своим родным языком при чужих. Чужими для них оказались все остальные.

Глава 2. Муж. Враг

Лара оставила машину у ворот и быстро, чтобы не растратить силы на болезненные воспоминания, прошла к крыльцу. За дробным, витиеватым остеклением веранды, за ее белыми резными переплетами угадывалось чье-то быстрое мелькание. Девушке даже не надо было присматриваться, она тут же узнала Риту, жену отца. Не мачеху – это было бы слишком. Просто жену отца. Рита вышла замуж за папу восемь лет назад, когда близняшкам исполнилось по двадцать одному году, и этого возраста было вполне достаточно, чтобы воспринимать ее на равных.

Когда в жизни Василия Велесова появилась женщина, дочери не сразу приняли ее. Одно дело сидеть с папой в обнимку на диване и убеждать его, что он еще привлекательный мужчина, достойный житейского счастья. Слушать его заверения в том, что ему никто не нужен, кроме его принцесс, и хохотать в ответ, и намекать, что жена – это не то, что две дочки, есть же разница! И совсем другое дело – видеть рядом с ним живую женщину из плоти и крови, в кофточке с леопардовым принтом, с громким голосом и пружинистыми кудряшками, выкрашенными в медно-рыжий, почти красный. На это потребовались годы.

– А кто это тут у нас? – Рита, распахнув перед Ларой двери, повисла у нее на шее. Противиться ее настырной радости девушка не могла. – Совсем

запропастилась, Ларочка, ну разве так можно?

В ее голубых, ярко подведенных глазах Лара прочитала то, о чем на самом деле твердила ей Рита: отец грустит, Рита переживает за него, но ничем не может помочь. А Лара не навещала их с самых сороковин Лили, и это плохо, плохо для всех.

– Работала, знаешь, столько всего... – даже не стремясь убедить ее или себя в правдивости очевидной лжи, состроила Лара гримаску.

В доме было тихо, от стен пахло теплой древесиной, от окна – солнцем и свежестью сада и влажной земли. В темной прихожей, ища глазами крючок, на который можно повесить кожаный пиджак, Лара заметила в зеркале отражение и на мгновение замешкалась. В последнее время смотреть на себя ей было неприятно, это слишком напоминало о сестре. Расчесываться она наловчилась на ощупь, редко, иногда даже пальцами, а не щеткой, и косметика давно пылилась на полке, никому не нужная. Так что утром, собираясь на папин день рождения, Лара просто не глядя поплескала в лицо воды, собрала каштановые волосы в хвост, поменяла майку на точно такую же, но пока еще белую, и натянула джинсы, даже не заметив, что они стали ей велики. Сейчас она задержалась у зеркала, оглядывая ставшие почти незнакомыми черты. Бескровные губы, посеревшая от долгого скорбного затворничества кожа и темные впалые глазницы, из глубины которых смотрел кто-то другой.

Отшатнувшись, Лара кинула пиджак на банкетку и быстро прошла в комнату. Отец устроился в кресле и, кажется, дремал, положив сложенную втрое газету на колени. Лара подошла ближе, стараясь не замечать, как посветлела, посеребрилась отцовская шевелюра со дня их прошлой встречи. Он проснулся от звука ее шагов.

– Привет, пап...

Василий отложил газету и порывисто встал ей навстречу. Они обнялись и замерли, и Лара ощутила и колючую щеку его, и сухое тепло, пахнущее одеколоном, и мирную дрему, которая всегда охватывала ее в отцовских объятиях.

– Ларик, приехала все-таки...

– Конечно, приехала. Прости, что раньше не выбралась.

Внутри щипало и дергало как нарыв чувство вины. Теперь, именно приехав на дачу, Лара с ясностью вдруг увидела череду дней, протянувшихся с сороковин по Лиле, – с папиной стороны. Одна дочь мертва, а вторая почти исчезла, редкие телефонные разговоры не в счет, они как в тумане. И тем хуже, что в глазах Василия не было укора, который Лара заметила у его жены. Он просто и смиренно тосковал, и от этого стало

совсем уж невыносимо. Лара отстранилась и улыбнулась так широко, как могла, до ломоты в щеках:

– С днем рождения, папуля. Я привезла подарок! Подожди, сейчас принесу.

И пока Лара нарочито шуршала оберточной бумагой, заскочившая с веранды Рита стала искать вазы для охапки нарциссов и тюльпанов и расставляла по тумбочкам кучерявые, дурманно пахнущие гиацинты. Женщина рассказывала о чем-то занятом и незначительном, и Лара была благодарна ей за то, что эта трескучая болтовня немного рассеивает тягостное уныние, темным дымом стелющееся по дому.

Переместившись на веранду, все трое сели пить чай. Рите на удивление впору пришлась роль хозяйки дачи. Она, вообще-то медсестра, словно была рождена, чтобы печь здесь кружевные блины, заваривать чай со смородиновым листом и раскладывать по крохотным стеклянным розеткам мед и варенье из крыжовника, малины и – свое фирменное – из райских яблочек с грецким орехом, со смешным уютным названием «щечки».

При Рите, такой шебутной, похожей на глоток шипучей минералки, лгать было куда проще. Лара сидела и почти вдохновенно рассказывала о том, что делала на прошлой неделе: две студийных фотосессии, а одна на природе, для календаря. И договоренность с издательским домом на оформление буклетов к фестивалю. Но на периферии внутреннего Лариного взора маячила правда: захлавленная однушка, батарея пивных бутылок под столом, так и не помытое по весне окно, ворох коробок из-под корейской лапши и засохшие чайные пятна, делавшие скатерть похожей на карту затерянных земель. Все время, прошедшее со смерти Лили, она провела в анабиозе, только изредка спускаясь в магазинчик у подъезда, где продавщицы смотрели неодобрительно и осуждающе, и, уже не спрашивая, выставляли на прилавок пиво и лапшу быстрого приготовления. Если бы не дата папиного дня рождения, забитая в подсознание, как сигнал в будильник, Лара бы и сегодня с трудом разлепила глаза, причесалась пятерней и весь день изучала бы рисунок трещин и потеков на старом потолке. Бывали дни, когда она скучала по фотокамере или выстраивала на потолке кадр и смутно желала его запечатлеть, но одна мысль о том, что для этого надо встать с кровати, навевала сон. И Лара сдавалась. Во сне она забывала о том, как сильно ненавидит себя наяву. С каждым осознанно прожитым часом она становилась все старше своей старшей сестры, и это ощущение затапливало Лару черной ненавистью к себе. И тогда глаза сами собой упирались в белый пузырек со снотворным на тумбочке, купленный

ею не для того, чтобы спать... Хорошо, что отец не видел всего этого.

Внутри шевельнулось беспокойство. Отец и не должен этого увидеть. Если Лара все-таки решит сделать то, о чем так часто думает, если пузырьку суждено опустеть, нужно будет перед этим навести в квартире чистоту. Чтобы не позорить никого, когда ее тело обнаружат, она ведь не какая-то опустившаяся пьянчужка. Она прежде всего его дочь – и Лилина сестра. Это обязывает.

Василий пил чай. У него до сих пор осталась эта манера, так веселившая Лару в детстве: отхлебывая из чашки, непроизвольно приподнимать брови. И Лара грустно улыбнулась, на полуслове забыв свою стройную ложь. Ей было жалко папу, и жалко себя, и больно за то, что все прожитое и пройденное, выдержанное ими с таким упорством и терпением, на самом деле ничего не значило. Ради чего было расти, учиться, влюбляться, морочить голову себе и другим, узнавать мир, – если все кончается так скоропостижно и так нелепо?

Видимо, отчаяние отразилось в ее лице, потому что Василий тут же нахмурился и стал вглядываться в дочь настороженно, как будто в поисках симптомов скрытой болезни. Лара отвела глаза и торопливо поднесла чашку к губам.

И тут вдруг от ворот раздался звонкий гудок. Рита встрепенулась:

– О-о! Кто там! – и выскочила на улицу. А Лара вытянула шею, стараясь рассмотреть машину с веранды. Узнав мужчину, заглядывавшего через калитку, она побледнела и в негодовании вскочила из-за стола:

– А он что тут делает? Нет-нет-нет, так не пойдет!

– Ларик...

– Нет, папа, нет! Что ему здесь делать? – кусала губы Лара. На щеках у нее лихорадочными пятнами вспыхнул румянец гнева. Василий тоже встал:

– Лара, прекрати. Я не знаю, что происходит, что ты себе там думаешь... Но Егор – муж Лили, и, пока я жив, двери моего дома будут для него открыты!

Лара скрестила руки на груди, всем своим видом выказывая несогласие с отцовской волей. Пусть со стороны ее поведение и кажется дурным сумасбродством, но она не видит никакого смысла лицемерить и улыбаться Егору. Только не ему.

А ведь когда-то она думала иначе.

Он зашел на веранду вслед за Ритой и сердечно обнялся с Василием. Лара, опершись бедром о подоконник, искоса оглядывала Егора. Рослый, с прямой спиной, он казался даже выше, чем Лара его помнила. Недавно постриженные волнистые волосы, гладко выбритый подбородок с

улыбчивыми губами, зеленовато-карие глаза, глядящие прямо и уверенно, дорогой кашемировый джемпер, накинутый на плечи и небрежно связанный на груди рукавами. И это вдовец ее сестры! Ларе так нестерпимо захотелось съездить Егору Арефьеву по физиономии, что она даже испугалась: не сдержится. Стиснула руки в кулаки и отвернулась к окну, по которому с той стороны скребла яблонея ветвь.

– Привет, Лара, – донеслось до нее. Девушка обожгла Егора взглядом через плечо и весомо промолчала. Маховик времени закрутился, и всех присутствующих словно отшвырнуло на два месяца назад.

В тот скандал.

Тогда они собрались решить, как поступать с похоронами. Сначала Лара вообще не могла понять, зачем собираться вместе, зачем говорить слова, шевелить языком, двигаться, даже дышать. Ее тело налилось свинцом, и она застыла на стуле у плиты. Однажды в детстве Лиля потянула связку голеностопа, и у Лары тоже разболелась нога, – теперь правильнее всего было заledenеть так же, как заledenело в холодильнике морга Лилино тело.

Лара очнулась, когда где-то вдалеке ее сознания зазвучали голоса родных, спорящие насчет кладбища.

– Никакого кладбища. Нужно кремировать, – с трудом проговорила она.

Рита всплеснула руками и переглянулась с Александрой Павловной. Кажется, они впервые с момента знакомства были солидарны друг с другом.

– Ларочка, как же так! Сжечь... Не по-христиански, Лара, что ты...

– Она не будет лежать в земле. Я не отдам ее на съедение червям, – проговорила девушка и приложила похолодевшие ладони к горлу. Василий накинул ей на плечи шерстяной платок с кистями. Платок был Лилин, и запах от него истекал – Лилин, и это подействовало на Ларину боль как наркоз.

– Надо все сделать по-людски, достойно. Похороны, поминки... – Александра Павловна пальцем, обернутым в салфетку, вытирала непрерывно набегающие слезы. Лара посмотрела на нее, как будто видит впервые:

– Бабушка. О каком достоинстве ты говоришь? Нет в смерти ничего достойного, ничего! Ты забыла, как она умерла? Она подавилась куском хлеба! И никого не было рядом, чтобы ей помочь. Никого. Просто кусок хлеба в горле – вот как умерла моя Лиля. А ты заботишься о том, что скажут другие люди? О достоинстве?

Отец попытался приобнять Лару, но она высвободилась, нервно дернувшись:

– Я знаю, что она не хочет всего этого. Похорон, поминок, веночков. У меня волосы дыбом встают от этого! И у нее тоже, – заговорила девушка с жаром. – Это же ужасно, вы что, не понимаете? Это ведь моя Лиля, ее нельзя так, с нею нельзя так!

– Уже же и место есть, на кладбище-то, рядом с Евгением Петровичем... – не сдавалась бабушка, насупливаясь.

– Не нужно никакого места!

– Так, а что же тогда, в колумбарий? – подал голос растерявшийся отец. Лара взглянула на него ошеломленно, полубезумно.

– Ко-лум-ба-рий... Мерзкое слово. При чем здесь Колумб? Или это от «клумбы»? Клумба для мертвых, так, что ли? Не надо, – со страшной улыбкой погрозила она пальцем. – Не надо этой гадости, пожалуйста. Ну зачем же вы прикидываетесь, вы что? Люди! Я развею ее прах где-нибудь. Она будет свободна. Она не будет лежать замурованной. Ни в стене, ни в могиле. Господи, неужели это еще и вслух надо говорить!

Лара, совершенно обессилевшая, откинулась на спинку стула, и ее руки повисли безжизненными плетьюми.

– Как же так... А куда же приходиться, памятник, цветочки... – начала было Рита, но Василий покачал головой, и она замолчала. Василий повернулся к зятю, все это время простоявшему в дверном проеме, прислоняясь плечом к косяку:

– Егор, решай...

– Да кажется, это не мне решать, а Ларе, – чуть заметно вздохнул Арефьев и машинально взъерошил волосы рукой. И тут, совершенно без видимого повода, Лара взорвалась:

– Вот именно, мне это решать, мне! Не тебе. Не смотрите на него! Как вы можете?! И ты сам, как ты можешь? Как ты вообще можешь тут сидеть! Тебе не стыдно?

– Не понял, – сморгнул Егор.

– Ты же всего лишь голубоватый, просто грустный! Не синий, не черный от горя. Чуть-чуть синевой отливаешь! – взвыла Лара. – Если так, то ты не имеешь права! Я не позволю тебе распоряжаться ее телом. Это ее тело, ее. Это же Ли, моя Лиля!

И Лара затряслась всем телом, как собачонка на морозе. И все повторяла:

– Это Лиля, это моя Ли. Моя Лиля... Лилечка...

У нее началась истерика. Через десять минут, так и не сумев успокоить

девушку, Рита поставила ей укол седативного. Лара не знала, что после того, как она провалилась в сон, окончательное решение все-таки принял Егор:

– Если Лара говорит, что надо кремировать, значит, так и надо поступить. Она знает лучше всего.

Василий согласился, Рита и бабушка Саша дали понять, что не в восторге от этой идеи, но перечить не стали. О странных словах Лары про «синеву» Егора никто ничего не сказал, и так было ясно, что девушка не в себе.

В день кремации она вообще онемела, не произнесла ни слова, даже не отвечая на соболезнования многочисленных знакомых. Многие плакали, Егор стоял стиснув зубы, так что на щеках проступили желваки, бабушка Саша то и дело начинала вполголоса причитать, Василий тяжело опирался на руку Риты. А Лара только смотрела на гроб своими подернутыми красной мутью, выжженными глазами. И знакомые перешептывались, с благоговейным ужасом и любопытством сравнивая два лица – ее и Лилино. Они были одинаково мертвы.

Теперь, два месяца спустя, когда Лара, как всем казалось, начала приходить в себя и оправляться от утраты, никто не ожидал, что ее враждебность к Егору продолжится. При жизни Лили, все шесть лет ее замужества Лара относилась к Егору дружелюбно и мягко. Иногда они путешествовали вместе, иногда встречали Новый год – и отлично ладили. И не было никакой видимой причины для такой разительной перемены.

Сейчас, пока Рита хлопотала у стола и усаживала Егора, Лара продолжала, отвернувшись, смотреть на скребущую по стеклу ветку. В этом было что-то тоскливое, просящее, как в протянувшейся за милостыней руке, и Ларе хотелось стиснуть в ответ эту руку, дать ей что-то, чего и у нее самой-то не было. Мягкий ровный голос Егора раздражал ее больше, чем Ритина трескотня, и, когда через пару минут терпению пришел конец, пришлось сбежать на улицу, чтобы снова не устраивать сцен.

От крыльца в сад вела дорожка, вдоль которой ярким ультрамарином цвели крохотные мускари. Или мышинные гиацинты – это название всегда нравилось сестрам больше. Было в нем что-то милое и таинственное, как будто эти цветы и правда растут для мышек, или для гномов и фей, что наверняка хозяйничают в саду по ночам, седлают соловьев и запрягают ночных мотыльков по шестерке в колесницу. Лара улыбнулась, вспоминая все легенды, и сказки, и страшилки, что она рассказывала сестре. Выдумщицей ведь была именно Лара. Большую часть того, что носило гордое название «легенды», она сочиняла на ходу, летом на чердаке, где

всю ночь донимали комары, а с рассветом становилось душно от жестяной крыши, или за баней, под полом которой жил то ли банник, то ли овинник, то ли кикимора – сейчас Лара уже точно не помнила.

Лиля всегда слушала с восторгом. В детстве придуманные Ларой легенды и сказания, в юности – ее вольные пересказы книг из школьной программы. Пересказы были настолько вольные и цветистые, что до семнадцати лет Лиля была полностью уверена: гоголевская история о заколдованном месте произошла не иначе как в их дачном товариществе несколько лет назад, ведь Лара убедилась в этом. Да и при словах «хутор близ Диканьки» в голове первым рождался образ темного чердака, загадочно поблескивающих глаз Лары и июльских звезд, видных через распахнутое слуховое окошко, – и только потом вспоминался писатель с темной гладкостью волос и усами, лицо с портрета в кабинете литературы.

Где-то здесь, в саду, на веранде или на чердаке, родилась и страсть обеих сестер к путешествиям. Новые места означали для них новые легенды, не важно, были ли они совсем неправдоподобные или вполне себе исторические, был ли это пражский Голем или запертые в резных теремах нелюбимые царицы. Перед каждой новой поездкой Лара читала в путеводителях вставки в рамочках мелким шрифтом, начинавшиеся обычно словами «легенда гласит», и переиначивала, дополняла, фантазировала, чтобы потом, оказавшись в описываемом месте, увлечь сестру вместе с собой в другой мир. Так было все студенческие годы, когда зимой сестры строили планы, копили деньги, перебиваясь случайным приработком, чтобы в июне, после экзаменов, вывалив деньги на покрывало, пересчитать их и прикинуть, куда хватит на этот раз. Европа чаще всего оказывалась неподъемно дорогой, но и в пределах государственных границ мест, заманивающих своими секретами, оказывалось предостаточно.

После окончания мединститута все изменилось. Лара поняла, что выбранная профессия ей не подходит, и с облегчением распрощалась с белым халатом, предпочтя ему фотоаппарат. Лиля, напротив, погрузилась в научную работу, конференции, съезды, лабораторные опыты и присутственные дни в больнице. А потом и вовсе вышла замуж за Егора. Иногда им удавалось выбраться куда-нибудь, теперь уже втроем, но с каждым годом графики их совпадали все реже.

Лара обошла дом. Возвращаться через веранду, где продолжали общаться отец, Рита и Егор, ей не хотелось. В дальней комнате была приоткрыта форточка, и девушка без раздумий забралась на выступ

фундамента и, просунув в форточку руку, нащупала оконный шпингалет. После зимы он открылся неохотно. Распахнув окно, она легко, по давней привычке, подтянулась на руках и забралась в комнату. Это была их с Лилей детская. Узкая, как пенал, отгороженная фанерой от родительской спальни после того, как девочки подросли, с единственной кроватью на двоих, что занимала большую часть пространства. Кровать была застелена покрывалом из разноцветных лоскутов старого атласа, – его, насколько помнили сестры, шила еще их мама. Лара присела на краешек, провела ладонью по прохладной атласной гладкости и огляделась. На тумбочке с Лилиной стороны лежала стопка книг, на Лариной стоял какой-то безвкусный, незнакомый ей вазон оттенка слоновой кости. Наверное, Рита притащила.

Книги привлекли девушку, она потянулась к ним так же неосознанно, как тянулась к книгам в любом месте, где бы ни встречала. На обложке первой, лежащей поверх остальных, была изображена физическая карта какого-то региона, по очертаниям до смешного напоминавшего голову зайца в синем ошейнике. Уши, нос – Лара не сразу поняла, что это такое. А потом на синем ошейнике обнаружила надпись: «о. Байкал», и, наконец, сообразила. Заяц оказался Иркутской областью, а ошейник его – знаменитым озером. Тут же вспомнилось: этим летом Лиля собиралась осуществить мечту и отправиться на Байкал. По давней привычке готовиться она начала загодя – это помогало ей коротать холодные месяцы, и Лара припомнила, как сестра хвасталась еще в ноябре, что купила книги по истории Сибири и путеводители по Байкалу. И вот теперь они лежали на тумбочке в детской, уже никому не нужные.

Лара с ногами забралась на кровать и принялась перелистывать страницы. Здесь был даже атлас автомобильных дорог с прочерченным цветными маркерами маршрутом через всю страну. Путеводитель был испещрен пометками от руки, в которых Лара с щемящим сердцем узнавала Лилин почерк, мелко-бисерный, убористый и понятный, так не похожий на обычный учебный. Номера местных телефонов, названия придорожных гостиниц, адреса музеев в небольших городках, фразы наподобие «Обязательно надо попробовать!» или «Такой сувенир – лучше, чем магнитик на холодильник», – кажется, мысленно Лиля уже не раз и не два скаталась в Сибирь. Во всем этом, в каждой аккуратной закладке, в каждой галочке на полях, Лили было так много, что Лара почти увидела ее рядом с собой. Сбранную, правильную, вдумчивую. Идеальную.

Лара считала сестру красивее себя. Лиля вся была как Одри Хепберн с тревожными серыми глазами, точеная и резная, как французская

геральдическая лилия, под стать своему цветочному имени. Эти ее волосы, остриженные в каре и эффектно растрепанные на концах (их видимая небрежность была плодом получасовых стараний каждое утро, пусть даже ценой жестокого недосыпа), нечастая улыбка... Ухоженные руки медика с коротко остриженными ногтями, с нежным рисунком голубоватых веночек на запястьях, неброские золотые сережки в мягких мочках ушей, две ямки-оспинки на левой щеке от ветрянки, перенесенной в детстве. То, как она слушала собеседника, склонив голову чуть набок, или разминала рукой затекшую шею, или сжимала пальцами тонкую переносицу, когда уставали глаза, – во всем этом она была красива. Лару это вполне устраивало и нисколько не уязвляло, ей и в голову не приходило соперничать в чем-то с Лилей, ведь это все равно, что пловчихе соревноваться с теннисисткой. Просто Лиля умница и красавица, а Лара выдумщица и пацанка – эти правила были установлены словно и не ими даже, а кем-то свыше, кто наказал Лиле быть старшей, а Ларе младшей, пусть и всего с сорокаминутной разницей. Мир был достаточно велик, чтобы его хватило им обеим без дележки. Поэтому в школе Лара делала за двоих упражнения по английскому и писала сочинения, а Лиля решала алгебраические примеры и уравнения валентности. Поэтому у Лары один за другим вспыхивали и гасли несерьезные романы, а Лиля вышла замуж сразу после ординатуры. Поэтому Лара не вылезала из маек и дизайнерских тертых джинсов с дырками, а Лиля облачалась в юбки-карандаши и джемпера с воротником-стойкой и рукавами чуть ниже локтя. Лиля любила планировать и все делать вовремя, невозможно было даже представить, чтобы она куда-то опаздывала. Вот и поездки она продумывала долго, со вкусом – то, на что Ларе ни за что не хватило бы терпения. Лара носилась, поднятая порывом странствий и перемен, по зову новых историй из новых земель.

Однако сейчас ее позвали не истории и не земли. Это был зов сестры. Лежа на кровати с атласным покрывалом, Лара прикрыла глаза и вспомнила ноябрьский глухой вечер и оживленное бормотание Лили на кухне за чашкой кофе:

– Кузнечик, ты только представь всю эту красоту. Огромное озеро, разлом вглубь планеты, заполненный кристальной водой. Река Ангара, Шаман-камень, сопки, ветра... Дикость – где ты такую дикость в европейской части найдешь? Это же нетронутый край, как... как Африка!

– Как Африка, только Сибирь, – согласилась Лара. – Но там же холодно?

– Там солнечных дней – как в Калифорнии!

– С ума сойти, Африка пополам с Калифорнией, и все у нас под боком, даже виза не нужна, – продолжала веселиться Лара. Лиля вздохнула:

– Ах вот ты как? Ну вот и не возьму тебя с собой!

– А я бы тебя взяла, – тут же отозвалась Лара и показала ей язык.

Вспышка, стоп-кадр. Воспоминание оказалось до того ярким, что во рту появился привкус кофе с горчинкой. Лара резко села на кровати, оглядываясь вокруг. И снова заметила незнакомый вазон на тумбочке. В нем было что-то некрасивое, противоестественное, отчего девушка стала присматриваться внимательнее – и никак не могла понять, что же в этом предмете ее настораживает. Ваза как ваза, только почему-то с крышкой. Стиль греческий, но видно, что новодел, да еще и дешевый. И появился этот вазон совсем недавно, уже после того, как Лиля...

И тут Лара похолодела, сердце ухнуло куда-то вниз, в вату. Она под села чуть ближе, еще ближе, не сводя с вазона глаз, и наконец протянула руки и взяла его. От предмета шел холод, который был уже не просто холодом керамики.

Это была она.

Лара вскочила и, держа вазон в вытянутых руках, почти бегом бросилась в коридор, а из него на веранду и ворвалась туда на середине монолога Егора. Увидев Лару, мужчина замолчал и помрачнел, когда его взгляд опустился на вазон в ее руках.

– Папа... Это она? – вот и все, что спросила Лара. Василий медленно, через силу кивнул, и тогда девушка прижала вазон к груди и объявила:

– Нам пора.

Лара сделала шаг к двери, продолжая стискивать ладонями крутые бока керамического сосуда. Она никогда до этого не видела урны для человеческого праха – только в кино. После кремации Лара сразу же уехала домой и не спрашивала ни у отца, ни тем более у Егора, во что превратилось Лилино тело. Она не знала, каких трудов и хитростей Арефьеву стоило забрать урну с прахом домой, ведь по правилам ее нужно было тут же похоронить на кладбище или поместить в колумбарий. Она даже не думала обо всем этом, забившись в нору и переживая свое горе на границе с безумием. Кто же знал, что ей станет легче только теперь, когда она прижмет к груди прах сестры, словно ушедшая Лиля вдруг прислала от себя весточку. словно Лиля не закончилась, а все еще длилась и в этом мире тоже. И даже такая дурацкая ваза, – мелькнуло в голове у Лары, – все-таки лучше, чем вопиюще-красочные венки на холодном холмике земли.

– Стой, ты куда?

– Нам пора ехать, – повторила она. – Собираться. Скоро мы с Лилей

едем на Байкал, как она и хотела.

Рита и Василий беспокойно переглянулись.

– Лара, – начала Рита вкрадчиво, как будто обращалась к душевнобольной. Девушка прочувствовала ее тон и вздохнула, вернулась, обняла одной рукой (в другой была урна) и чмокнула женщину в нарумяненную щеку:

– Не переживай так, все хорошо, – и улыбнулась отцу тоже. – Все хорошо, правда. Я просто нашла в комнате книги. Атлас и путеводители. Помните, Лиля планировала поехать на Байкал летом? Ну так вот, она поедет. Я отвезу туда прах и развею над Байкалом. Ей бы это понравилось.

Лара произнесла все это и удивилась сама себе. Не встало в горле кома, слова не перекрыли дыхание. Впервые она говорила о Лиле вслух, впервые после... И ей даже, кажется, удалось произвести впечатление вменяемого, адекватного человека.

– Тебе не обязательно уезжать от нас прямо сейчас. Побудь еще, – попросила Рита. И Лара поняла, что дым из головы выветривается, и мысли приходят в порядок, как будто решение, только что ею принятое, расставило по своим местам все внутри ее существа. В ней воцарился порядок. К ней вернулась способность рассуждать.

– Да, я останусь, – согласилась она. – До обеда, хорошо?

Это удалось ей впервые за долгое время: просто разговаривать с другими людьми. С отцом, с Ритой... Лара все еще смотрела на них как бы издали, но уже была способна воспринимать их эмоции, их слова, перемены настроения, все то, к чему обычно она была так удивительно чутка. На Егора не обращала внимания, хотя Василий то и дело старался вовлечь их в одну на двоих беседу. Такие, довольно неуклюжие, попытки дипломатии Лара попросту игнорировала.

Василий видел поведение дочери, но напрямую ничего так и не спросил. Ему было достаточно уже и того, что она приехала и осталась на полдня. Теперь, после смерти Лили, больше всего на свете он боялся, что Лара тоже как-нибудь исчезнет. Он никогда не предполагал, что кто-то из его дочерей уйдет раньше него, и хотел верить, что их мать, Ира, была единственной его утратой. Это оказалось несбывшейся надеждой, и теперь Василий ощущал себя старым, потеряннным и очень испуганным. Страх, поселившийся в его сердце, могла унять теперь только Лара, а до сегодняшнего дня он не видел ее с самых сороковин. Слишком долго. Он с трудом сдерживался, чтобы не схватить ее, не сжать до боли, до хруста, врасти в нее – хотя даже и тогда его желание *быть рядом* с дочерью

осталось бы неутоленным. Потому что способа быть со своим ребенком так близко, как ему этого хочется, просто не существует в мире.

После обеда Лара еще раз поздравила отца и ненадолго снова очутилась в надежном тепле его рук. А потом расцеловалась с Ритой и направилась к машине. Достав из багажника небольшое покрывало, она распахнула дверь и принялась устраивать урну с прахом Лили на переднем пассажирском сиденье, где сестра всегда так любила ездить. В юности Лара всегда уступала ей это сиденье в старой отцовской «Ниве». Лиля так и не научилась водить машину, предпочитая, чтобы ее возили: сначала папа, потом Лара или Егор. Вечная спутница... – подумалось Ларе.

– Мы собирались поехать с нею вместе, – раздалось сзади.

Лара не слышала, как он подошел. Она все еще укладывала вокруг урны свернутое покрывало на манер гнезда, чтобы при торможении та случайно не разбилась.

– Куда? – пришлось все-таки спросить.

– На Байкал.

Лара усмехнулась. Осторожно прикрыла пассажирскую дверь и выпрямилась, смерив Егора уничижительным взглядом. Он стоял, опершись одной рукой о крышу автомобиля, и всем своим видом излучал спокойную уверенность. Ларе снова до смерти захотелось отвесить ему оплеуху, чтобы сбить эту невыносимую спесь. Вместо этого она хохотнула:

– Ага! Ну-ну, – и направилась к своей двери, собираясь сесть за руль. Но Егор оказался проворнее. Он обогнул автомобиль сзади и преградил Ларе путь, мешая открыть дверцу, и Лара зло сощурилась и замерла. Их тела разделяли всего каких-то тридцать сантиметров раскалившегося воздуха.

– Лара, послушай. Я не хочу ссориться. Лиля была моей женой. Да, у вас связь другого рода, я знаю... Но она была моей женой! Это кое-что значит. И это прах моей жены. Равно как и прах твоей сестры. И его дочери, – Егор кивнул в сторону крыльца, где стоял Василий и напряженно вглядывался в происходящее за оградой между его второй дочерью и зятем. – Эту утрату мы понесли все вместе, понимаешь? Так что перестань себя так вести. Не ради меня – ради отца.

Лара продолжала молчать, изучая лицо Егора иронично, почти издевательски. Но это его не смутило. Лара вообще сомневалась, что Егора Арефьева можно чем-то смутить.

– Ты мне не враг и никогда им не была, – признался он мягко. – Я вообще не понимаю, что происходит, если честно. Но давай не будем враждовать, очень тебя прошу!

Он подождал, ответит ли она что-нибудь, и не дождался.

– Развеять прах над Байкалом – это хорошая идея. Правда. Ты молодец. Лиля так мечтала об этой поездке. Мы много раз обсуждали это. Так что у меня есть предложение...

Обнадеженный Лариным молчанием, Егор перевел дух, прежде чем продолжить:

– Мы можем поехать на Байкал с тобой. Вдвоем. Рейсы до Иркутска летают каждый день, по несколько штук. Дорогу я тебе оплачу, это не проблема. И вместе исполним Лилину мечту...

Лара не могла поверить в то, что действительно это слышит. Она отшатнулась, словно рядом с Егором ей стало нечем дышать:

– Ты просто конченный псих. Зачем ты все это мне говоришь? Кого и в чем ты хочешь убедить? Зачем ты сюда таскаешься? Зачем вся эта игра? Да ты ведь недостоин даже имя ее произносить, не то что прах развеивать. Ну уж нет, дудки. Я сама ее отвезу, уж кто-кто, а ты тут не помощник!

– Да что с тобой?! – Егору вдруг изменило самообладание, голос его взмыл вверх.

– Что со мной? Ах, что со мной? – она мстительно усмехнулась. – А то со мной, что ты ее не любил! Что ты о ней грустишь не больше, чем о проигрыше ЦСКА в прошлом матче, вот я о чем! А она была твоей женой. Пошел вон с моей дороги!

Мужчина зажмурился несколько раз, как будто у него устали глаза:

– Лара, какая муха тебя укусила? Что произошло? Почему ты так ко мне относишься? Что я тебе сделал?

– Оказывается, ты ее не любил. Этого достаточно, – непримиримо заявила она.

– Ты этого не знаешь...

Лара пожала плечами и выразительно посмотрела на дверь, намекая, что разговор окончен, и пора дать ей уехать. Егор нервно вытер ладонью рот и подбородок, словно преграждая путь рвущимся наружу словам, кивнул и отступил от машины на шаг. Когда он засовывал руки в карманы джинсов, ему пришлось разжать кулаки.

Лара быстро села за руль и ударила по газам.

Всю дорогу до Москвы она прокручивала в памяти эту сцену с Егором. Да, он был вполне убедителен, и на месте любого другого человека, при взгляде со стороны, Лара уверовала бы в его искренность и ее, Ларину, бабскую сущность. Но вся загвоздка была в том, что Лара всегда, абсолютно всегда, знала истинные эмоции людей. Потому что это

был ее дар. «Почему ты так ко мне относишься?» – спросил ее Егор. Что ж, у нее была причина, потому что она видела его истинные чувства к Лиле.

Лара не могла сказать точно, когда это началось. Ореолы. Любого человека она видела в ореоле, в нежной, но довольно различаемой разноцветной дымке. Поначалу, в раннем детстве, она понимала значение каждой такой дымки интуитивно, а постепенно стала узнавать и их названия. То вишневое, что охватывало одноклассника, когда он демонстрировал привезенный из-за границы пенал с кнопочками, называлось гордостью. Желтое, цвета одуванчиковой пыльцы облачко, окутывавшее при этом большинство ребят в классе, именовалось завистью, хотя у некоторых она все же перемежалась с искренней, апельсиново-яркой радостью. Болотного цвета завеса опускалась на обиженную кем-то девочку из первого «Б», ревущую в раздевалке. В любой момент времени такая дымка, чуть ярче или чуть тусклее, была у каждого – кроме папы, мамы и Лили, – и Лара воспринимала ее как часть жизни, не более и не менее странную, чем все остальное. Складывалось впечатление, что так было всегда, и до поры до времени девочка думала, что и другие видят мир так же, как она. И не обсуждала это даже с сестрой. Не всегда ведь есть повод обсудить то, что воздух прозрачный – он просто прозрачный, и все. Так что Лиля узнала о странной особенности зрения своей сестренки совершенно случайно, только в середине первого класса.

Маленький саботаж был назначен Ларой на третий урок. По расписанию было чтение, а Лиля так и не выучила стихотворение, заданное на дом, и ее нужно было спасти во что бы то ни стало, так что комочек пластилина, принесенный из дома, уже размягчался в кармане от тепла сжимавшей его Лариной ладошки. Он неминуемо должен был оказаться в замочной скважине кабинета, запертого на большую перемену, когда все одноклассники во главе с Анной Сергеевной отправятся в столовую, и сестрами уже владело веселое предвкушение от задуманной выходки. Но в конце второго урока Анну Сергеевну вдруг вызвали к телефону в учительской, и, когда до перемены та не вернулась, на завтрак ребят повела завуч.

Быстро проглотив бутерброд с сыром и не выпив и половины сладкого, неприятно-тепленького чая, Лара воспользовалась случаем и улизнула в коридор, подмигнув на прощание Лиле. Все должно было пройти гладко, как вдруг в холле девочка наткнулась на Анну Сергеевну. Та сидела на лавочке, где обычно переодевали сменку, и смотрела прямо перед собой, а вокруг нее сгустилась дымка тяжелого, грязно-синего цвета с изумрудными сполохами. Лара насторожилась и замерла, спрятавшись за стендом

расписания. Она уже знала, что все ореолы синих тонов не сулят ничего хорошего, а такие изумрудные сполохи то и дело замечала у старшеклассниц, когда они крутились возле молодого учителя физики и с неприязнью косились на своих соседок. Что такое физика, Лара пока не знала, и истинного значения изумрудно-зеленых чувств тоже не понимала, но ощущала за этим что-то болезненное, как от занозы в пальце, только сильнее. И пока девочка раздумывала, что ей делать дальше, Анна Сергеевна вдруг вскочила и выбежала на улицу, прямо на мороз, хотя на ней была только юбка и тоненькая белая блузочка. Лара метнулась к окну, припала лбом к прохладному стеклу и успела заметить, как Анна Сергеевна вытирает рукой глаза, стаскивает с пальца на правой руке кольцо и зашвыривает его в сугроб, только что так любовно сооруженный школьным дворником дядей Гришей.

– Ну что, готово? – шепнула Лиля сестре, когда та вернулась в столовую. Лара покачала головой. Когда завуч попросила детей встать в пары, она тихо объяснила Лиле, что у Анны Сергеевны сине-зеленое настроение, и, наверное, урока не будет.

Так и вышло. Завуч объявила, что их учительница заболела, и остаток дня одноклассники просто просидели в кабинете под ее надзором, мастера из цветной бумаги аппликации. Тут же, в уголке, Лиля и выпытала у сестры правду о том, что она видит всех «в цветных облачках».

– Я не понимаю, как это! – хмурилась она. Лара была сбита с толку:

– Ну как же так, Ли! Не придуривайся!

– Я и не придуриваюсь, – насупилась Лиля. Лара в растерянности вздохнула.

В этот момент завуч как раз отчитывала одного из мальчишек, только что щелкнувшего линейкой соседку по парте:

– Миша, если тебе нравится девочка, не надо ее бить!

Мальчик покраснел, и вокруг него начал наливаться аметистовый ореол стыда.

Лара зашептала Лиле:

– Ну вот....посмотри на Мишу. Ему стыдно. И вокруг него все сиреневое...

Лиля пристально оглядела одноклассника. Миша как Миша. Она пожала плечами:

– Я ничего не вижу!

Сначала Лара обижалась на сестру, думая, что та нарочно упрямится. Но вскоре с удивлением поняла, что та и правда не замечает оттенков чужих настроений. Как не замечает и мама, и папа, и все остальные.

Родители не обратили на ее слова большого внимания, приняв это за очередную выдумку, одну из тех, что все время завладевали богатым Лариным воображением. Девочка не стала их переубеждать, достаточно было того, что через пару недель ей все-таки поверила Лиля. Лара взяла с сестры торжественное обещание, что та никому не скажет. Это был еще один секрет, такой же, как их тайный язык.

Только много позже Лара разобралась в нюансах человеческих эмоций – не во всех, но в большинстве. Изумрудно-зеленое чувство с резким, металлическим отблеском называлось ревностью. Она частенько оттеняла мягкий свет первых влюбленностей, которые рождались в стенах школы. Лару не переставало удивлять, как неравномерно порой распределяются цветные ореолы. Грядущая контрольная по математике была способна перекрасить настроение двадцати ребят в холодную сероватость уныния. Появление Лили заставляло почти всех мальчиков в классе покрываться нежной розовой дымкой, и стоило ей предпочесть кого-то одного, чтобы позволить ему донести свой портфель до подъезда, как остальных начинало лихорадить: от завистливого желтого до соломенно-палевого отчаяния. По отношению к самой Ларе такого ажиотажа вовсе не наблюдалось, но это было даже к лучшему – она просто не представляла, как себя вести в этом случае. Даже смотреть на все это со стороны было довольно утомительно, кроме того, она смущалась своей обреченности невольно подглядывать за людьми, замечать то, что они не хотели бы показывать первому встречному. Так что Лара постепенно училась приглушать цвета ореолов, словно не обращать внимания, глядеть вскользь. Это требовало колоссальных усилий и долгой практики, к вечеру особенно насыщенного дня от усталости давило голову и тошнило. Но с каждым годом становилось все проще не замечать, что продавщица в бакалее чем-то расстроена, а сосед ревнует жену, и, кажется, за дело, если учитывать ее лавандово-лиловую вину. Лару часто сбивало с толку, когда люди вели себя совсем нелогично, и во власти синих и серых эмоций пытались шутить и смеяться. Она чувствовала себя неловко, ей становилось не по себе, потому что в этом несовпадении было что-то неестественное. Ничто так не пугало ее, как людское стремление выдать за правду то, что правдой не является. Но с годами Лара научилась примиряться и с этим.

Тем более что она знала о мире то, чего не знал больше никто: как много вокруг ровного опалово-белого света, похожего на свет миниатюрного солнца. Этот ореол был больше всех остальных. Такой же непостоянный, изменчивый, часто затуманенный другими эмоциями, даже притушенный, он все равно был главным. Опаловый свет охватывал пап и

мам, когда те приходили забирать из школы своих чад, – и самих детей при виде родителей. В одной дымке на двоих сидели на скамейках парочки, обнимаясь или держась за руки. И когда Ларе по вечерам становилось грустно, она непременно смотрела на здание через дорогу. Это был районный роддом, и, когда на ночь в палатах гасли лампы, сквозь темные стекла все равно были видны мягкие блуждающие огоньки. Осознание того, что в мире есть это теплое ровное свечение, делало ее сильнее.

И конечно, Лара не была бы собой, если бы иногда не пускала свою способность на служение шалости. Она не могла удержаться, чтобы не похвастаться обновкой перед приятельницей, основное настроение которой всегда было желтым, и после обмена парой фраз с Ларой девушка и вовсе становилась лимонной. И не упускала возможности получить задаром хорошую оценку, воспользовавшись максимальным душевным подъемом учителя.

После школы сестры поступили в мединститут. Строго говоря, это была мечта Лили, а Лара решила просто поддержать ее. Тем более что профессия врача казалась благородной и возвышенной. К тому же Лара не боялась признаться себе в том, что в ее выборе присутствовала изрядная доля эгоизма: Ларе хотелось как можно чаще *видеть* благодарность людей, которых она вылечит. Благодарность в виде шелковистой коралловой дымки – чертовски приятное зрелище.

Она училась различать оттенки, выискивала названия для них. Оттенков было в разы больше, чем имен, но, чтобы точно различить, ей нужно было познакомиться с каждым из них. Как таковых слов для обозначения цвета было немного, остальные возникали из аналогии с предметом. Из разных книг, чаще всего старых, Лара узнала, что «брусничный» когда-то означал оттенок не красного, а зеленого, по цвету листочков этой сибирской ягоды. Что бледно-розовый может быть цветом «аврора» или цветом «бедрa испуганной нимфы», а земноводные подарили русскому языку два названия: серый «лягушка в обмороке» и зеленоватый «влюбленной жабы». Уже в мединституте выяснилось, что женщины различают больше цветов, нежели мужчины – в силу большего количества клеток в глазу, отвечающих за цветовое восприятие, и она обрадовалась, что в кои-то веки ее пол наградила ее преимуществом: вообще-то к женщинам Лара относилась довольно скептически.

– Как ты думаешь, почему это твое видение не распространяется на нас с папой? – однажды полюбопытствовала Лилия. Лара и сама раздумывала над этим и приходила к выводу, что во всем виновато близкое кровное родство. Если вообще можно объяснить такое смутное явление в

терминах биологии.

– Меня ослепляет любовь! – отшутилась она.

– Слушай, а почему мы за столько лет никак не назвали твои способности? Нужно название! А то вдруг когда-нибудь я открою тебя как медицинский феномен? – поддразнила сестру Лиля. – И получу Нобелевку!

– Вечно тебе все надо упорядочить, Ли... – с готовностью оторвавшись от учебника по анатомии человека, отозвалась Лара.

– Почему нет? Когда все лежит на своих местах...

– Ничто никогда не лежит на своих местах, – отозвалась Лара беспечно.

Лиля с сомнением приподняла тонкую бровь и назидательно постучала ногтем по корешку затертого учебника под редакцией Привеса. Лара поняла ее без слов: как можно говорить о беспорядке, если изучаешь медицину, а строение человеческого тела – венец всему, Космос, порядок, возведенный в абсолют. Лара в ответ только хмыкнула.

Сестра сосредоточенно обдумывала что-то, покусывая изнутри щеку. Лара посмотрела на толстый библиотечный том с тоской и решила продолжить болтовню:

– Может быть, это и есть аура? Я вижу ауры?

– Никакие это не ауры! Аура – это почти душа, она ведь постоянная, а у тебя обычное видение эмоций.

– Обычное... – усмехнулась Лара. – Сказала мне величайший эксперт по аурам...

– Ты понимаешь, что я имею в виду! – отозвалась Лиля и вдруг вскрикнула: – Да, знаю! Я назову этот феномен «эмоциональным рентгеном»! Мы будем изучать тебя в лучших лабораториях мира.

– Отлично. Тогда с тебя белая шуба. Хочу как можно точнее вжиться в образ подопытной мыши. Красные глаза прилагаются.

Обе, конечно, знали, что такого рода беседы – не более чем способ сделать перерыв в зубрежке. Выдать Ларин секрет Лиля не согласилась бы и под пыткой. Кроме этого, она мечтала быть инфекционистом и никакой «эмоциональный рентген» исследовать не собиралась. Несмотря на постоянный недосып и почти реальное ощущение кипящих мозгов, Лиля училась самозабвенно и целеустремленно. Чего никто не сказал бы о Ларе.

Иногда Ларе становилось тягостно оттого, что сестра не может взглянуть на реальность ее глазами. Но чаще она просто боялась за Лилю, ведь та, по ее мнению, совершенно, даже катастрофически, не разбиралась в людях. Хорошо еще, что она почти всегда прислушивалась к чутью

младшей сестры. Лет с шестнадцати главным поводом посоветоваться были, конечно, парни: вокруг Лили, несмотря на ее серьезность, их всегда кружил хоровод. Из двух симпатичных сестер, обладающих почти идентично стройными ножками, серыми глазами и лицами в форме сердечка, мужской пол безошибочно выбирал менее опасную. Лара была на них не в обиде.

Она очень хорошо помнила тот день, когда в жизни Лили появился Егор Арефьев. Это было вскоре после того, как Лара бросила мединститут на последнем курсе, а Лилю взяли на практику в лабораторию при НИИ эпидемиологии.

Несмотря на то что настроений сестры она в буквальном смысле не видела, Лара прекрасно замечала все остальное: учащенное дыхание, блуждающую улыбку, глаза, которые, еще немного – начнут сыпать искрами, как электросварка. Лиля вернулась домой всего несколько минут назад, а Лара уже знала:

– Ты влюбилась.

Сестра смутилась, как школьница, чем только подтвердила догадку. Лара с удивлением отметила, что впервые видит ее такой встревоженной и восторженной одновременно.

– Кто он? На работе? Он что, лаборант, как и ты? – забросала ее Лара вопросами. – Будущие супруги Кюри?

– Не будь такой едкой.

– Я не едкая, я проницательная!

Лиля присела на диван и взяла руки сестры в свои:

– Послушай. Завтра у нас свидание. Пойдем со мной?

Лара закатила глаза:

– Не думаю, что стоит начинать отношения с такого поворота? Что ты ему скажешь? Знакомься, это мой дубликат, на случай, если...

– Кузнечик, не передергивай, пожалуйста! – взмолилась Лиля. Она и правда была на взводе. – Просто ты придешь в то же место, посидишь за соседним столиком и потом выложишь мне все, что у него на уме.

– А ничего, что мы с тобой... как бы это помягче сказать... немного похожи? У мальчика не будет легкого дежавю? Или тебя это не смущает? – еще больше развеселилась Лара. И все-таки дала себя уговорить. Ей было до чертиков любопытно, кто мог так вскружить Лиле голову.

Строго говоря, он был не «с работы». И далеко не мальчик – как позже выяснилось, на десять лет старше сестер Велесовых. Лиля познакомилась с ним в НИИ только потому, что он представлял компанию, поставляющую новое оборудование. Более того, он был вице-президентом этой компании,

и администрация попросила Лилю провести ему небольшую экскурсию по лаборатории, после которой они просидели в кафе через дорогу весь обеденный перерыв и условились встретиться на следующий день. Лиля влюбилась уже к вечеру.

Назавтра сестры провернули все, как и условились. Лиля встретилась с Егором в ресторане, а Лара устроилась неподалеку, прикинув, что без ущерба для семейного бюджета в этом заведении она может позволить себе только чашку капучино. Собирая ложечкой кофейную пенку, припудренную корицей, она не спеша наблюдала за сестрой и ее спутником.

У Арефьева были повадки человека, уверенного в своих силах. Двигался он без суеты, даже, пожалуй, красиво, темный костюм отлично сидел на подтянутой фигуре, а верхняя пуговица рубашки была небрежно расстегнута. С легким беспокойством Лара отметила, что по положению и достатку этот человек сильно превосходит их семью. К ресторану, куда девушки добрались на метро, он прикатил на серебристом «Вольво».

Внешность у него тоже была выше среднего, и это еще мягко говоря. В юности его наверняка можно было назвать смазливый. Сколько ему лет сейчас, гадала Лара, тридцать? Больше? В его облике уже не было мальчишеской мягкости. Ставшие заметными первые морщинки добавляли мужественности и одновременно выдавали веселый нрав. Лара заметила все детали его внешности, даже необычный разрез глаз. Внешние уголки не подняты, как у большинства людей, а опущены, из-за чего все лицо приобретает выражение серьезное и интересно-грустное. Женщины наверняка в очередь выстраиваются, чтобы испытать свои чары на этом загадочном мужчине, в котором расслабленная грация успешности сочетается с опытом особого рода. Сочетание убийственное. Но Лару было не обмануть, уж она-то знала, что мужчины пользуются преимуществами своей внешности едва ли не чаще и беззастенчивее женщин, если, конечно, эти преимущества есть. Поэтому сама Лара всегда держалась подальше от красавцев: себе дороже, нет на свете хищника опаснее, чем нечестный привлекательный мачо.

Но Егор Арефьев был не из этой породы, тут же решила она. По крайней мере, по отношению к ее сестре. Когда мужчина вошел и увидел уже ожидающую за столиком Лилю, вокруг него закружилась оранжевая радость. Теперь, когда девушка звонко рассмеялась какой-то его шутке, Лара рассмотрела вокруг него тонкий ореол цвета гортензии, редкостный, мимолетный перелив розового в голубой. Нежность. Надо же, – поразила Лара, – не вождение от близости новой женщины, не тщеславие от очевидной своей победы, и даже не робкая надежда на продолжение вечера,

а нежность. В эту секунду все и решилось: Егор Арефьев прошел ее личный отбор, сам того не ведая.

Разглядывая Егора, она так увлеклась, что не сразу сообразила, когда он встал и направился напрямиком к ее столику. Остановившись рядом, мужчина лукаво взглянул на нее.

– Судя по... – он сделал большую паузу. – По вашему пристальному взгляду, мы заочно знакомы. Лара?

– Верно, – кивнула она, ничуть не стусевавшись. Разведчицы из нее не вышло, ну так что же...

– Присоединитесь к нам? – предложил Егор.

Лиля розовела, как креветка, чем изрядно веселила и сестру, и Егора, если судить по его улыбкам. Но в целом они отлично провели вечер.

Егор оказался едва ли не первым в жизни сестер, кто ничего не сказал про их схожесть. Не пошутил убогой банальностью, как частенько бывало, если знакомый желал блеснуть остроумием. Вблизи он показался Ларе таким же безопасным и подходящим для ее сестры, как и издалека.

– А он смысленый, – признала она по возвращении. – Наверное, самый умный из всех, кто за тобой ухлестывал. По крайней мере, никаких комментариев в стиле «о, близняшки, круто...»

Лиля вспыхнула, явно обнадеженная этими словами, и стиснула Ларину руку.

– Только дальше вы уж как-нибудь без меня, – предупредила ее Лара. – Справитесь?

Они справились.

Они справились на «отлично». Через год Лара взирала на предсвадебную суматоху с легким недоумением и улыбкой: что ж, Лиле всегда хотелось быть настоящей принцессой. И уж коль скоро английские и шведские принцы далеко, Егор вполне достойная им замена.

В день свадьбы Лара отвела Егора в сторону, пока остальные суетились вокруг невесты. Ему хватило одного взгляда на сестру своей избранницы, чтобы разулыбаться:

– Знаю вплоть до каждого слова то, что ты хочешь мне сказать.

– Да ну? И что же?

Глаза Егора были серьезны, и он даже взял Лару за руку, пожал ее прохладные пальчики.

– Лара, я обещаю тебе заботиться о ней. Я знаю, как сильно ты ее любишь. И я ее люблю. Не волнуйся, я буду ее беречь.

– И жили они долго и счастливо? – прикусила Лара губу.

Егор развел руками:

– Насчет долго – кто знает. Но счастливо – обязательно! Подходит тебе такое?

Лара кивнула, и он скрепил их маленький уговор, чмокнув ее в щеку.

Она поверила. Тогда у нее не осталось никаких сомнений в том, что этот человек сделает ее сестру счастливой. Иначе и быть не могло: Егор был просто обязан. И все годы, последовавшие за этим событием, свою обязанность он исполнял.

А потом что-то произошло.

За год до Лилиной смерти Лара познакомилась на одной из выставок с веселым бородачом-британцем. Его звали Дэвид Крент, он оказался известным фотографом, они разговорились. Лара показала Кренту свои работы и уже спустя неделю собирала чемодан. Она уехала в Лондон на восемь месяцев, на импровизированную стажировку в качестве нового ассистента мистера Крента. Конечно, поначалу она еще раздумывала, но, обсудив все с Лилей, они пришли к общему решению: второго такого шанса может и не выдаться, это сказочное везение. На поприще фотографии Ларе вообще повезло куда больше, чем в качестве студентки медицинского, и она ни разу не пожалела, что бросила институт. Единственной трудностью теперь стала разлука с сестрой, которую обе переносили тяжело, даже несмотря на ежедневные созвоны и разговоры по Интернету.

Лара скучала по сестре. Но лондонская жизнь, насыщенная, другая, закрутившаяся вокруг вихрем, относила ее все дальше от Лили, и та, вместо того чтобы признаться в своих переживаниях, лишь задорно подмигивала ей в веб-камеру и говорила, что все хорошо. И Лара почему-то верила, хотя и чувствовала недосказанность, легкую заминку. Это было удобно. А теперь оказалось непростительно.

Когда она возвратилась в Москву, обзаведясь знакомыми и отличными предложениями и наперед устроив свое будущее, в жизни Лили все уже было как будто в порядке, и Лара решила, что трудности сестры позади, и если она не рассказывает, то и не стоит лезть в Лилину душу. Все прошло, а жизнь продолжается. Сейчас Лара понимала, как страшно ошибалась, потому что несколько месяцев спустя Лилина жизнь не продолжилась, а бессмысленно оборвалась.

И теперь, не зная, что произошло в ее отсутствие, Лара во всем винила мужа своей сестры.

Ей снова и снова вспоминался тот скандал на кухне накануне кремации. Никто не понял ее воплей, все посчитали Лару убитой горем истеричкой. Она и была убита. Но даже когда слезы вытравили ей глаза и

половину души, она не перестала видеть. Она видела, что лицо отца осунулось, почти почернело, и он разрушен, как только может быть разрушен отец, потерявший дочь, которую вырастил в одиночку. Она видела, что вокруг бабушки Саши сгустилось облако горя, почти антрацитовое и непроницаемое, как ноябрьская тьма. Она видела, как скорбит Рита, окруженная сполохами цвета синей стали. И на их фоне бледно-голубой отсвет вокруг Егора казался ей немислимым, оскорбительным, невыносимым. Она желала бы, чтобы этот мужчина бился в рыданиях, ночевал у гроба и целовал холодные руки своей ушедшей жены, но при этом обреченно видела все, что он чувствует, – а это было только уныние, только грусть. Грусть? Как он смеет... Грусть – по Лиле, которой никогда больше не будет? И она возненавидела Арефьева, потому что никогда не ожидала от этого мужчины такой подлости. Только не от него.

Припарковав машину у подъезда, Лара бережно взяла с соседнего сиденья урну с прахом своей близняшки. Она не жалела, что съездила на день рождения к отцу, даже несмотря на стычку с Егором, – ведь теперь с ней снова была ее Лилия.

– Скоро поедем на Байкал, Ли, – погладила она керамическую вазу и даже слабо улыбнулась. – Там будет хорошо, вот увидишь. Только ты и я. Никто нам больше не нужен, особенно твой Арефьев. Теперь опять только ты и я.

Глава 3. Начало

Все переменилось. Апатия и безысходность, владевшие Ларой все эти недели, сменились болезненным оживлением. Мысль о том, что она должна отвезти Лилию на Байкал, действовала сродни наркотическому уколу: боль утихла, и мир вокруг, – события, люди, даже предметы, – все это ускорило. «Отвезти Лилию» стало главной целью, идеей фикс, конкретной и абстрактной одновременно, потому что Лара не представляла себе ни дорогу, ни итог этого путешествия. Она словно забыла, что в конце пути ей предстоит не посидеть с сестрой на скале, глядя на зачарованную гладь древней воды, а опрокинуть в порыв ветра урну с серым пеплом, в который превратилось ее тело.

Для начала Ларе нужны были деньги. За те месяцы, что она просидела дома, равнодушная к работе и всему, что ее окружало, деньги утекали со счета на оплату всевозможных платежей, которыми непременно обростаёт взрослый человек. А скопить много, даже при ее неплохих заработках, Лара

не могла, просто не умела, предпочитая спускать все деньги сразу, на подарки Лиле и отцу, или на развлечения, причем ее одинаково радовала и дружеская вечеринка в клубе, и прыжок с парашютом или ночной оглушительный полет по городу со знакомыми байкерами. Она обожала все, что приносило ей новые эмоции, и еще больше любила попадать в цветастый вихрь чужого восторга.

Так или иначе, денег на счетах почти не осталось, и, обнаружив это, Лара принялась за дело. Больших заказов ей не делали, и работать приходилось помногу и без прежних гонораров. Лара видела, что недотягивает до своего уровня, что ей часто изменяет глаз и чутье, и ничего не могла с этим поделать. К утру, когда заканчивалась очередная ночная съемка и остывали, потрескивая, осветительные приборы, а обманчивое волшебство глянцевого жизни постепенно таяло, Лара выходила на улицу. Прислоняясь к машине, она пила кофе из картонного стаканчика, обхватив его ладонями, и пыталась как можно дольше продлить это благословенное оцепенение, сонное отупение, накрывавшее ее после долгой работы. Она ни о чем не думала, просто изучала трещины в стене напротив, причудливо вьющийся от стаканчика ароматный пар, бесконечный узор тротуарной плитки. И это было прекрасно – ни о чем не думать. Потом на окраине сознания начинала зудеть какая-то мысль, навязчивая, но неуловимая. Всплывало слово «Байкал», и за ним из памяти тут же увязывались образы, звено за звеном, и каждое причиняло боль. Встрепенувшись, Лара отшвыривала от себя стаканчик в сторону мусорного бака, открывала большую спортивную сумку с оборудованием, камерой, объективами и шарил там в панике, пока не натыкалась на керамическую урну. И тут же замирала, потрясенная своим облегчением и горем, сплетающимися воедино, как змеи в клубок. Тогда она ехала домой и ложилась спать.

Пузырек со снотворным все еще ждал на тумбочке. Вместо него Лара видела белый вопросительный знак. Она пока не знала ответа на вопрос, но точно была уверена, что найдет его в своем путешествии.

Несколько раз звонил Арефьев. Но Лара, видя его номер на определителе, попросту не брала трубку. Она была уверена, что его настырность сойдет на нет, причем скорее рано, чем поздно. Так и вышло, через несколько дней сообщения о пропущенных звонках перестали высвечиваться на дисплее. И в ту же секунду Лара вычеркнула Егора Арефьева из своих мыслей, будто его и вовсе не существовало на свете.

Все дела были улажены только к началу июня. Наступил день, когда Лара посчитала, что заработанного должно хватить. Сумму она поделила

пополам: им с Лилей на большое путешествие, и папе в конверт, который она оставит на своем столе. С короткой запиской на случай... На всякий случай. Следующее предложение о работе она отвергла и сразу после окончания разговора вытащила из телефона сим-карту. Неожиданно через анестезию ее теперешнего состояния к Ларе пробилось чувство удовлетворения, ей даже понравилось ощущать себя невидимкой. Она растворилась, исчезла для всего мира, для всех, кто ее знает. Значит, пора. Значит, завтра утром ее квартира будет пуста и бездыханна, а на парковке под окнами уже не будет стоять ее машина. Наверное, так и Лиля сейчас порхает, невидимая и беззаботная... Что ж, пора исчезнуть вместе.

В этот последний день Лара принялась за уборку. В отличие от старшей сестры, оплота чистоты и аккуратности, она была довольно безалаберна. Их детскую комнату некогда раздирали противоречия: островки порядка тонули в море неразберихи, с повисшими на стульях колготками, разоренным ящиком шкафа и добрым десятком раскрытых книг – Лара читала их все сразу, принимаясь в течение дня то за одну, то за другую, в зависимости от настроения. Переделать Лару было невозможно, и, когда Лилино терпение заканчивалось, она без единого упрека принималась раскладывать все по местам. Лара тут же приходила на помощь, хоть и знала, что к вечеру ей снова что-нибудь понадобится или на самом дне ящика с носками, или в третьем ряду книжного шкафа – и то, что встретится ей на этом пути, окажется непременно брошенным на середине комнаты. В крайнем случае, на подоконнике.

С тех пор мало что изменилось. Лара увидела свою квартиру глазами постороннего и почувствовала укол совести. В раковине посуда навалена горой, так что невозможно набрать в чайник воды из-под крана. Девушка тут же припомнила, что, кажется, последние несколько дней наполняла чайник в ванной. Она и в лучшие времена не видела ничего страшного в том, что днем сок наливается в ту же чашку, на которой засохли следы утреннего кофе. Лара могла есть борщ, покачиваясь в кресле и держа тарелку на весу, догадываясь, что непременно обляпается. И когда пара капель красной жидкости падала на белую футболку, она только понимающе фыркала, мол, так я и думала. Лилю это всегда потрясало:

– Я не понимаю. Тебе ведь самой потом стирать все это. И убирать тоже. Куда проще поддерживать чистоту, чем...

– А, ты не понимаешь. Это скучно. И потом – я ленива.

– Творческой личности творческий беспорядок? – приподнимала Лиля бровку. Лара трясла головой:

– Не-а. Творческий беспорядок... Ерунда это все! Просто надо

смотреть правде в глаза: я ленива.

Иногда на Лару нападало оживление, и она за пару часов наводила в квартире блеск, исступленно оттирая тряпками с чистящими кремами зеркала, холодильник и плиту. Потом обводила глазами сияющую квартиру, вздыхала спокойно – и забывала о порядке еще на две недели.

Теперь все обстояло куда хуже. За время, прошедшее с гибели Лили, Лара не обращала внимания на свою квартиру. И она ужаснулась, представив реакцию сестры. А ведь она здесь – вон и урна стоит на табуретке рядом с кроватью... Лара бросилась за шваброй.

К вечеру зеркало в ванной наконец-то стало отражать, тапки перестали липнуть к полу, всюду пахло освежителем воздуха с лимоном, а растения в горшках, усыпанные сухими листьями и трескучими соцветиями, отправились вниз, к подъезду. Оставлять их все равно было некому, а так – может, сердобольная соседка сжалится. Даже зарядивший с прошлой недели дождь был сейчас внимательнее к растениям, чем Лара. Ее заботила только урна, книги с Лилиными пометками и путешествие, которое начнется завтра. Ближе к вечеру Лара отправилась в магазин и купила рюкзачок, небольшой, изящный, сшитый из светлых и темных кожаных лоскутов. Дома она первым делом поместила в него урну с прахом и осталась довольна: рюкзак будто специально сшили для урны и для их поездки.

Потом она собралась с духом и позвонила отцу.

– Привет, пап. Это мой новый номер, на время поездки. Я завтра утром уезжаю... На Байкал.

– Уже?

– Да.

В трубке послышался вздох.

– Хорошо. Позванивай иногда.

– Конечно... Передавай привет Рите.

– Удачи... вам двоим.

Ночью она плохо спала. Большая дорога, еще не начавшись, уже волновала, смущала разум и разгоняла дрему. Лара то и дело открывала глаза, разбуженная стуком собственного сердца. Никогда до этого она не отправлялась в путешествие вот так. Даже самой себе Лара не решалась произнести слово «одна», поэтому предпочитала неопределенное «вот так».

Утро выдалось хмурое, в воздухе дрожала мокрая взвесь дождя, в шесть часов было еще сумрачно и сонно. Лара взяла дорожную сумку, закинула на плечо рюкзачок с урной, сунула в левый карман джинсов

пузырек с таблетками снотворного и заперла квартиру, сама не зная, вернется ли она сюда когда-нибудь.

Но все пошло наперекосяк. При повороте ключа двигатель старенького «Опеля» только натужно хрипел.

– Здравсте-приехали... – с отчаянием пробормотала Лара и вылезла, открыла капот, словно это как-то могло помочь. Водителем она была хорошим, но вот механиком никудышным. Когда через несколько минут неподалеку остановился автомобиль и хлопнула дверь, Лара в нерешительности грызла заусенец, уткнувшись в безликие клеммы и провода, и не смотрела по сторонам. Она обдумывала неясные перспективы.

– Доброе утро.

Не веря своим ушам, Лара повернулась. К ней неспешно направлялся Егор Арефьев, выспавшийся и доброжелательный. В серой толстовке с капюшоном, джинсах и кедах он выглядел лет на десять моложе. Лара замерла, чувствуя недоброе:

– А ты что здесь делаешь?

– Прости за машину, – вместо ответа проговорил он. – Я не знал точно, во сколько ты собираешься выехать, так что пришлось поколдовать над ней вечером...

– Что? – задохнулась Лара. – Ты?

Она в ярости сделала шаг навстречу. Мужчина обезоруживающе поднял руки:

– Эй-эй, спокойно... Не дерись.

– Что тебе надо?! Почему ты не можешь оставить нас в покое?

– Я обещал твоему отцу.

– Что ты сделал с моей машиной? Мне надо выезжать! Верни все как было и проваливай!

Лара проклинала завладевшую ею так не вовремя растерянность и старалась не показывать это. Егор покачал головой:

– Нет. Сейчас ты положишь вещи в мою машину, потом сядешь, и мы поедем вместе. Иначе никак. Я обещал твоему отцу, что не отпущу тебя одну в эту поездку. Сама ты не справишься, одной отправляться через всю страну – безумие. Опасное. И Лиля была моей женой, так что – смирись. Это мой совет. Так всем будет проще...

К Ларе постепенно приходило осознание его слов. Он ведь заранее все подстроил, сломал ее машину, заручился поддержкой отца (вот что значило это папино «удачи вам двоим»!) и теперь пытается загнать ее в угол. Подлец...

Она набрала в легкие воздуха, как для крика, но заговорила тихо.

– Ты подлец. Если тебе хоть сколько-нибудь дорога Лиля, сейчас ты исправишь мою машину, а потом дашь мне уехать. А впрочем, знаешь? – сообразила она. – Ничего мне от тебя не надо! Я вызову ребят из сервиса, они все исправят, и я поеду. Понятно? Тебе понятно?

Егор явно колебался.

– Лара, черт, ну зачем? Ты меня вынуждаешь на крайние меры! – он достал из кармана куртки MP3-диск и потряс им перед нею. – Знаешь, что это?

Девушка молчала, испепеляя его взглядом. Он кивнул:

– Именно. Это диск, который Лиля записывала в поездку. Ты ведь знаешь, она всегда перед путешествием так делала.

Это была правда. Лиля любила готовиться заранее. Привыкшая к тому, что Лара с детства пичкала ее легендами, в замужестве она изменила лишь механизм изложения. Теперь Лиля наговаривала диск с импровизированной экскурсией, озвучивая все, что вычитала в путеводителях и на форумах, чтобы не отвлекаться в дороге. Важную информацию о новых местах она перемежала своими любимыми мелодиями, шутками, рассуждениями, так, чтобы в пути не приходилось ловить радио – это было собственное радио с диджеем Лилей, внутренний эфир для своих.

И сейчас диск, радужно поблескивающий лазерной стороной, хранил ее голос. Лара нервно сглотнула.

– Врешь.

Егор развел руками и вернулся в свой джип. Вставил диск в магнитола и выкрутил звук на максимум. Лара забыла, как дышать.

– Привет-привет! – зазвучал из динамика любимый смешок ее сестры. – Ну что, значит, Байкал?..

Егор нажал на «стоп», и Лара дернулась всем телом. Он вытащил диск и вышел из машины.

– Поедем, Лара... – предложил он едва слышно.

– Отдай. Отдай мне! – она налетела на него и принялась колотить по его груди кулаками, так что ему пришлось перехватить ее запястья. – Отдай, слышишь!

Дядечка, гуляющий неподалеку с собакой, уставился на них с любопытством. Лара боялась, что не выдержит и расплачется, и вырвалась. Ей хотелось убежать, но Лилины слова, все еще эхом звучащие в ушах, держали крепче поводка. Егор смотрел на Лару с горечью, и вокруг него слабо вспыхивал голубой ореол. Грусть. Ну хоть что-то...

– Я не могу отпустить тебя, – в его словах звучала убежденность. –

Мне надо поехать.

– Зачем тебе? – взвыла она.

– Мне надо. Понимаешь, надо. Кое в чем разобраться. Для этого ты тоже должна ехать.

Егор видел, что она не уступит. Он помрачнел, снова вытащил диск и взял его обеими руками:

– Ты хочешь, чтобы я его сломал?

– Нет! – она подалась вперед быстрее, чем осознала свое движение.

– Ты поедешь со мной?

Она почувствовала себя загнанной в угол. Если бы она была собакой, то сейчас присела бы на лапы и заскулила от безысходности. Радужный диск был так хрупок в руках Егора, и она боялась: одно легкое движение, и голос Лили навсегда исчезнет, так никем и не выслушанный.

– Ты хочешь, чтобы я его сломал? – с угрозой повторил Егор. Он не шутил, Лара видела это.

И тогда она поняла, что сдается. Что поджимает хвост. Пусть лучше сломается она, чем диск с голосом Лили, диск, где она радуется, что осуществляет свою мечту... Все, что угодно, лишь бы он не сломал это сокровище!

– Я превращу эту поездку в ад для тебя, – прошипела ему Лара.

– Это уж как тебе будет угодно.

Она безвольно смотрела, как Егор невозмутимо кладет ее сумку в багажник своего джипа, пристегивается ремнем, задает в навигаторе маршрут. Наконец он опустил стекло:

– Ты садишься или как?

Лара открыла переднюю пассажирскую дверь и поставила на сиденье рюкзачок.

– Там Лиля, – пояснила она с вызовом в ответ на вопрошающий взгляд Егора.

Потом устроилась на заднем сиденье и уставилась в окно. Она не собиралась больше показывать слабость, но с замиранием сердца замечала любое движение Егора, изнывая от нетерпения...

Это произошло, как только машина свернула с кольцевой автодороги. Москва осталась позади.

– Привет-привет! – хихикнула из динамика Лиля. – Ну что, значит, Байкал?

До него еще ехать и ехать, я до сих пор не могу поверить, что мы выбрались. Но раз мы это слушаем, значит, все-таки ввязались в эту

авантюру! И это здорово. Поскольку я записываю этот диск задолго до поездки, все мои мысли носят гипотетический характер. Наверное, сейчас раннее утро, и пробок еще нет. Дождь или солнце – неважно. Впереди пять с половиной тысяч километров. Какая огромная у нас страна, рехнуться можно. Взять хотя бы новогоднюю ночь. Новый год идет по стране – сколько? Восемь часов? Когда он уже наступил в Петропавловске-Камчатском, в Москве только три часа дня. Не говоря уж о Калининграде. Просто в голове не укладывается.

И пока это все еще «не укладывается», мы уже едем. Кстати, едем мы по трассе М7, знаменитой Владимирке, Владимирскому тракту, по которому гнали в Сибирь заключенных. Правда, там попадались и хорошие люди. В любом случае, хорошо, что мы едем в джипе с кондиционером и подушками безопасности, а не гремим кандалами на ногах, стертых в кровь. Не знаю, каков состав нашего экипажа, нас или двое, или Лара все же выбралась с нами. Буду обрабатывать ее всю весну и, может быть, даже уговорю послать к чертям работу на несколько недель. Короче, если она в машине, то это просто фантастика. Если нет, то я уже скучаю по своей сестренке. Она любит путешествовать, у нас обеих это с детства. Так что, думая о ней, включаю ее любимое...

Из динамиков хлынул рок-н-ролл, и Лара поняла, что не может унять дрожь в похолодевших руках. Все было как во сне, – кроме Лилиного присутствия в машине, напротив, до невероятности реального. Лара сидела, упорно отвернувшись к окну: только бы не смотреть наискосок вперед, на сиденье, где лежит кожаный рюкзачок с горестным своим содержимым. Он был самым невозможным в мире, самым неправдоподобным, и, пока голос Лили звучал в салоне машины, проще всего было верить, что рюкзака не существует.

Но музыка, сменившая ее веселую речь, заставила Лару задуматься – и ужаснуться. Она не представляла себе, как получилось, что она едет на Байкал с мужем своей сестры, с человеком, которого презирает. Это не просто поездка, не встреча на даче у отца. Это минимум две недели наедине, две недели, отравленные его присутствием. И кстати о папе... Как он мог ее предать! Согласиться на участие Арефьева в поездке, зная ее отношение! В дальнюю дорогу ведь врагов не посылают, папа...

Лара с ненавистью уставилась в вихрастый Егоров затылок, выглядывающий из-за подголовника переднего сиденья. И стиснула зубы, уговаривая себя, что должна вытерпеть. Ради мечты Лили.

– Лилин атлас дорог у тебя с собой? – Егор поискал Лару в зеркале заднего вида. Она сползла ниже, чтобы не видеть в зеркальном

прямоугольничке его лица, и промолчала. – Там должны быть помечены места, про которые она тут что-нибудь наговорила.

Лара демонстративно отвернулась к окну, не заметив усмешки, мазнувшей по губам Егора. Но минут через пять осторожно, стараясь не привлекать его внимания, все-таки выудила из сумки атлас автодорог и убедилась в его правоте: на каждой странице синели пометки-снежинки, и первая из них как раз относилась к началу трассы.

Рок-н-ролл, записанный Лилей, вскоре снова сменился ее голосом:

– Хорошего помаленьку. О, как же меня будоражит наше путешествие! Пока это не очень понятно, мы ведь еще в Московской области, но тут главное – предвкушение. Впереди столько всего... Почему-то дорога всегда ассоциируется с приключениями, ведь правда? Надеюсь, нас ждут только приятные... Ладно, много болтаю. Мне пора включить что-то ненавязчивое, для фона... Ехать еще долго, а мне вовсе не хочется надоедать – ни самой себе, ни тебе, Егор... Ты и так чересчур терпелив.

Лара насторожилась. Она слишком хорошо знала свою сестру, чтобы не распознать здесь какого-то намека. Что имела в виду Лиля, она не знала и никогда уже не узнает, не спросит. Лиля обращалась к самой себе и Егору и, возможно, даже представляла направление разговора, которое последует в салоне за ее репликой, под нежные звуки блюзовой композиции. Несмотря на слова, Лиля, конечно, вряд ли всерьез надеялась, что ее сестра окажется в машине Егора по пути на Байкал. Только если в качестве третьего члена экипажа, а сама Лиля всю дорогу сидела бы рядом с мужем и пропускала бы треки, записанные не для чужих ушей.

Лара вдруг впервые засомневалась, правильно ли все это: ехать, слушать Лилин голос, обращающийся, конечно, только к Егору. Но тут же одернула себя. Это все глупости. В жизни всегда были главными они вдвоем, Лиля и Лара. Сестры, близнецы, и кому как не ей знать, что это означает. Все остальные отношения второстепенны, и только это имеет настоящую ценность. Одна кровь на двоих, одна ДНК, чья двойная спираль опутывает крепче всех других уз на земле. Все люди рождаются одинокими, а им повезло родиться вдвоем! И знают они друг о друге все, вплоть до мельчайших подробностей.

Воинственно, словно Арефьев спорил в голос, Лара взглянула на него. Ей не хотелось знать его настроений, не она, а этот мужчина был чужаком, лишь водителем, везущим ее исполнять мечту своей любимой сестры. Он никто.

Наконец Лара почти полностью успокоилась, правда, ей не терпелось взять с переднего сиденья урну и обнять ее, но девушка не собиралась

делать это при Егоре. При Егоре! Неужели теперь две недели, одну туда и одну обратно, он будет повсюду путаться у нее под ногами? Что ж, если он неотделим от желания Лили... Лара отыскала в картах следующую пометку-снежинку – неподалеку от Владимира. Больше сотни километров... Устроившись калачиком на заднем сиденье, она накрылась ветровкой, прижала к груди атлас автодорог и принялась вслушиваться в наизусть выученную саксофонную партию. Кенди Далфер и Дейв Стюарт. Лили всегда любила эту музыку, в том числе за название – «Lily was here». «Здесь была Лили».

В глазах защипало. Лара уткнулась лицом в кожаную обивку, гладкую, прохладную и терпко пахнущую роскошью, и почувствовала, как горячая влага защекотала переносицу.

Через пару минут она в слезах задремала.

Под ветровкой, которой Лара укрылась с головой, стало трудно дышать. Сощурившись, девушка открыла глаза и зашевелилась, чувствуя, что отлежала руку и плечо. Магнитола молчала. От неудобной позы, в которой Лара, видимо, провела немало времени, ломило шею. С трудом подавив стон, она села, стараясь остаться незамеченной.

– Проснулась? Если ты обещаешь спать и дальше, дорога будет вполне сносной, – весело заявил Егор.

Лара собиралась огрызнуться, но вовремя спохватилась. За окном проносились невыразительные среднерусские пейзажи, луга и леса. Она бросила взгляд на промелькнувший верстовой столбик. 211-й километр.

– Мы проехали! – вскрикнула она.

Егор хмыкнул:

– Это вряд ли. До Байкала еще, скажем, несколько... дней. Навигатор показывает...

– К черту навигатор! Прекрати! Мы проехали Владимир! Ты меня не разбудил, а там – там была Лилина запись.

И, вне себя от злости, Лара перегнулась вперед и включила магнитолу. Смотреть на Егора у нее просто не было сил.

– Скоро Владимир, – ошибалась вслух Лилия. – Я была там уже дважды, и Бог знает сколько еще буду... Сегодня едем по объездной, так что красоты останутся в стороне. И не только соборы, но и Владимирский централ. Говорят, отсюда не совершалось удачных побегов, ни одного. Прямо русский Алякрас... Простите, но творение Михаила Круга включать не стану. И так уже мотивчик закрутился в голове, ведь правда? Надо чем-то его перебить.

При вступительных аккордах новой песни Егор на миг отвлекся от дороги, обернувшись к спутнице:

– Эй, я же не знал, где включать. Я тебе сказал – посмотри. Ты ничего не ответила. Пеняй на себя. Ты же, видимо, со мной не разговариваешь?

– Следующий раз – около Нижнего Новгорода, – процедила Лара.

– Понял, около Нижнего Новгорода, – легко согласился он. – Санитарная остановка нужна?

Лара демонстративно сложила на груди руки. Она видела, как Егор покачал головой:

– Если ты и дальше собираешься играть в молчанку – дело твое. Тогда я буду останавливаться, когда считаю нужным и где считаю нужным. Идет?

Он подождал пару секунд.

– Чудненько.

И включил радио на волне бизнес-новостей, давая понять, что больше ничем не побеспокоит. Лара присмотрелась к его настроению: постепенно рассеивается легчайший лавандовый дым. Что-что, никак чувство вины? Неужели ее вспышка пробила броню в его хладнокровном бытовании? Ведь он только что даже пытался оправдываться... Ну что ж, возможно, Арефьев не совсем безнадежен, с мстительным удовлетворением размышляла Лара, и ей очень захотелось, чтобы он мучился подольше. Неважно, из-за чего – таким черствым это полезно.

Через две сотни километров они остановились на заправке. Пахло бензином и пылью, но порывы ветра доносили запах влажного дождевого леса. Пока Егор жевал хот-дог и потягивался, разминая затекшие мышцы, Лара успела сделать пару кадров. Просто жанровые зарисовки: кот дремлет в выставленном на продажу цветочном кашпо, молодая женщина кормит грудью ребенка, прикрыв его одеялком и распахнув пошире пассажирскую дверь, случайно встретившиеся знакомцы-дальнобойщики хлопают друг друга по плечу. Дома Лара долго колебалась, брать ли ей фотоаппарат, но уже сейчас понимала, что едва не совершила огромную ошибку. К счастью, в сумке с камерой, которую она, скорее по привычке, чем осознанно, схватила в последний момент в коридоре, оказались и сменные батареи, и карточки, так что на ближайшие дни занятием она обеспечена. Едва ли не впервые пришла в голову мысль, что ей вряд ли когда-нибудь еще придется предпринять что-нибудь настолько же масштабное – даже если она не умрет в ближайшее время. Почти вся Россия промчится мимо, а они так и останутся странниками, летящими, скользящими, ничего не касаясь и ни на чем не оставляя своего следа... Как призраки. Для этого пути Егор, Лара и

Лиля были равны.

Дорога шумела неумолчно, как бурливая река, и заправка была на ней лишь маленьким островком, куда пристают суденышки, чтобы пополнить запасы и снова двинуться в путь. Уже пропали приметы близости большого города, не было ни торговых центров, ни вездесущего Макдоналдса, а номера регионов на машинах попадались сплошь незнакомые.

К полудню Лара и Егор добрались до окрестностей Нижнего Новгорода. Лара уже давно не находила себе места, изнывая от желания включить диск и услышать голос сестры. Бизнес-волну Егор сменил на что-то свое, электронное, Ларе глубоко чуждое. Под такую музыку она, бывало, проводила ночи в клубах, но для этого требовалась текила, каблуки и мужские взгляды. Сейчас был пасмурный день, джип и навязанная компания не из числа приятных. Лара стиснула зубы и уговаривала себя выждать еще три километра, а потом поступиться принципом, засунуть упрямыню куда подальше и все-таки заговорить с Арефьевым, напомнив об очередной Лилиной записи. Но то ли Егор вспомнил и сам, то ли Лара ерзала слишком явно, однако клубный транс прервался на середине.

– А впереди – Нижний и Ока, между прочим! – радостно возвестила Лиля, и у Лары в который раз сбилось дыхание: она почти видела, как сестра кивнула головой в подтверждение своих слов и выразительно поиграла бровью. – Мост, через который мы поедem, может завалиться в любую минуту, сложиться, как карточный домик! Хотя его и ремонтировали в прошлом году, но я не очень-то верю в наши ремонты. Весь смак в том, что при постройке мостика бетонные блоки не сваривали, а склеивали – эпоксидкой. Хорошо не соплями. Забавнее, чем ехать по такому мосту, наверное, только летать на самолете из картона. Хотя вообще-то я не инженер, а мост стоит уже много лет, так что зря я иронизирую! Местная достопримечательность, между прочим, как Пизанская башня: та тоже все никак не упадет. В любом случае, нам нужен этот мост! И сейчас послушаем что-нибудь бодренькое, чтобы – если мост сложится, то хотя бы с музыкой... Так, что у нас тут есть... А, вот, знаю.

Бразильская певица нежно запела, умоляя своего друга взять ее с собой в Аруанду и обещая, что там их ждет рай. Лара не знала, где это, Аруанда, но ее помимо воли заворочил жаркий южный мотив босановы. Безмятежность, надежда, легкость, все то, о чем она уже забыла и чего навсегда лишилась, замелькало где-то вдалеке, в самом дальнем уголке ее души.

Когда они въехали на мост, облака расступились, выглянуло солнце и

подожгло реку.

Ока, полноводная от нетерпения, готовая слиться с Волгой, была широка и искриста от полуденного света. Егор опустил козырек, а Лара, прищурившись, все смотрела на текущую воду, деревья по берегам, красные ленты на капотах едущего навстречу свадебного кортежа. И думала о том, что только что сказала сестра: мост может разрушиться. Несмотря на то что долины Аруанды полны золотого песка и счастья, несмотря на радостный гудок свадебных клаксонов. В любое мгновение. Как карточный домик.

На следующей остановке Лара привела себя в порядок. Она выходила из дома в полной уверенности, что может выглядеть как ей заблагорассудится, все равно там, куда она едет, никто ее не знает. Точнее, она вообще обо всем этом не думала. И уж тем более даже в страшном сне ей не могло привидеться, что Егор Арефьев станет ее сопровождать. Теперь, при каждом новом взгляде на него, она нервничала – и бесилась из-за этого. Кудрявые волосы его были аккуратно причесаны, хотя неизвестно, каких сил ему это стоило. Рядом с ним, подтянутым, спортивным и, кажется, совсем не уставшим, Лара казалась себе драной кошкой, пусть и с вымытыми, но наспех собранными в хвост волосами, бледными покусанными губами и кругами под глазами от недосыпа и слез. Сон на заднем сиденье автомобиля ее тоже не красил, футболка была уже изрядно помята, а взгляд стал совершенно чумной. Так что она молила бога, чтобы на следующей заправке оказался нормальный туалет с зеркалом, а не просто конура с дыркой в полу и буквами М и Ж, начертанными чьей-то некрепкой рукой.

К счастью, ее мольбы были услышаны, и к машине она вернулась умытой, причесанной и явно посвежевшей. Ей не хотелось, чтобы Арефьев решил, будто она прихорашивалась для него или что-то вроде этого. Но еще больше не хотелось, чтобы он глядел на нее с жалостью, как на приبلуду с перебитой лапой. Сам-то он всегда был безупречен.

Егор ждал, открыв дверь и держа на коленях два стаканчика с дымящимся кофе. Лара подошла неожиданно, и, обернувшись, он заметил ее, сглотнул, на горле нервно дернулся вверх-вниз кадык. Резко двинувшись вперед всем телом, он чуть не опрокинул на себя горячий стакан: несколько капель кляксами упали на светлую джинсовую ткань. Егор крепко выругался вполголоса, и Лара удивленно замерла. Она не слышала раньше, чтобы он ругался, и не поняла, что произошло, а гамма чувств, вспыхнувшая вокруг него, пронеслась так быстро, что не удалось уловить и половины.

– На, я взял тебе кофе, – Егор протянул стаканчик довольно грубо, почти всунул ей в руки, чудом не облив теперь и ее, а сам тут же скрылся в здании заправки. Лара проводила его ошарашенным взглядом. Она впервые видела выдержанного, застегнутого на все пуговицы Егора Арефьева в таком смятении.

С каждой новой сотней километров молчать становилось все тяжелее. Злость на Арефьева рассеивалась, исподволь оттесняемая скукой, и Лара уже не очень понимала, зачем так себя ведет. Наверное, из принципа. Снимать она могла только на остановках – из окна, даже открытого, толковых кадров не получалось, слишком быстро все мелькало и менялось. Другой мир, жизнь дороги, со своими правилами, с дружественно настроенными водителями на встречной, которых не знаешь не то что по имени, а даже в лицо. Верстовые столбики, незнакомые, часто забавные названия населенных пунктов, указатели, посты ДПС и мобильные экипажи, притаившиеся в кустах с радарам, о которых предупреждали миганием дальнего света несущиеся навстречу машины. Каждый раз, когда встречные моргали фарами, Егор сбрасывал скорость и поднимал в ответ раскрытую ладонь – в знак благодарности. Вроде бы мелочь, но Лара обращала на это внимание. И исподтишка следила, тянутся ли пальцы Егора к рычажку под рулем, чтобы в свою очередь дать знать другим, что за поворотом их поджидают гаишники. Такое маленькое добро без награды, услуга, не требовавшая ничего взамен, а оттого еще более ценная.

После обеда в придорожной кафешке с выгоревшими пластиковыми стульями и обжигающе острым харчо, настолько острым, что невозможно было есть, Лара позвонила отцу.

– Как дорога? – Велесов-старший спрашивал явно не о состоянии дорожного полотна. Лара зажмурилась:

– Да, папа, как дорога? Как может быть дорога, когда ты отправил меня в нее вместе с... У меня даже слова нет подходящего! Спасибо тебе

большое.

– Ларик...

– Знаешь, как ты меня подвел? – грустно вздохнула она. – Уж от тебя-то я подставы не ждала...

В машину она вернулась смурная, и Арефьев сразу это заметил.

– Ты поговорила с отцом? – и, видя, что насупившаяся Лара не собирается отвечать, покачал головой:

– Все-таки высказала ему свое «фу», не утерпела. Зря. Не бурчи на него, бурчи лучше на меня. Он заботится о тебе. И знает, что в поездке о тебе могу позаботиться я. Все лучше, чем пускаться одной во все тяжкие по нашим дорогам.

– Ну да, ты же у нас защитник... – пробормотала она сердито и отвернулась. Арефьев наступил на больную мозоль. Она и сама была не рада, что дала волю раздражению. Одно дело – они с Арефьевым в машине, и совсем другое – папа, который теперь сидит и переживает за нее, и будет переживать еще долго. Черт, стоило бы и промолчать. Однозначно стоило промолчать! Это ведь папа... Кто знает, увидятся ли они еще? А ведь он всегда был рядом, когда Лара в нем нуждалась.

Она представила его удивительно явственно. Наряжающего с ними елку, или тянущего по сугробам двое санок вместо одних. Он всегда был рядом. Водил в парк, в цирк, в поликлинику, не пропуская на диспансеризации даже гинеколога. В очереди к педиатру именно он сидел молча и терпеливо, среди переругивающихся мамаш со своими сопливыми хнычущими чадами. А позже, когда у Лары и Лили разыгрывались первые любовные трагедии, именно он утешал девочек и вытаскивал их, рыдающих из ванной.

С тяжелым чувством Лара закрыла глаза. Она то выныривала, то утонула в тяжелом обморочном сне без сновидений и с каждым пробуждением чувствовала себя все более разбитой. И тут же начинала маяться, дожидаясь лишь очередной нарисованной Лилиной рукой снежинки на карте. Собираясь проехать за рулем весь путь сама, она и не предполагала, что придется вот так мучиться от безделья и тягостных мыслей. Арефьеву-то хорошо, он следит за дорогой, а ситуация на ней все время меняется, так что ему не до скуки.

Заговаривать Егор больше не пытался. Иногда он искал Лару глазами в зеркале заднего вида, а может, ей так казалось, и Арефьев просто изучал дорогу позади. Бывало, он на мгновение оборачивался к Ларе, проверяя, спит она или нет, и то уменьшал звук, чтобы не мешать ее сну, то с

облегчением включал на полную громкость, чтобы взбодриться, и даже легко постукивал большим пальцем по рулю в ритм. Лара не могла решить, что из этого раздражает ее больше.

Ближе к вечеру она стала гадать, где они заночуют. Казань уже проехали, и от чак-чака^[2], купленного на подъезде к городу, остались только желтые сладкие крошки на дне пластиковой коробочки. Они съели сладость вместе, хотя Лара и не снизошла до того, чтобы поломать для Егора слипшийся кусок печенья и меда на мелкие части. К ее досаде, он вполне справился сам, хотя Лара и видела, как Арефьеву неудобно вести машину, держа в одной руке сладкий липкий чак-чак. Но он не попросил – а она не предложила.

На закате она проснулась оттого, что машина больше не едет. Не было подпрыгивания на трещинах в асфальте, музыки и шума трассы, похожего на близкий прибой. Егора в машине тоже не оказалось, и Лара выпрямилась, оглядываясь по сторонам и силясь понять, что происходит. Голубое небо покрывали розоватые родимые пятна облаков.

Дверь распахнулась.

– Вылезай, приехали. Я снял номер, – бросил Арефьев и открыл багажник. Пока она выбиралась, неповоротливая и почти больная от проведенного в дороге дня, он уже подхватил сумки и понес к небольшому трехэтажному дому с вывеской «Отель», одному из представителей настоящего дорожного китча с непременно кирпичной башенкой и крытой металлочерепицей крышей. Схватив рюкзачок с урной, Лара последовала за Егором, и джип пикнул включившейся сигнализацией.

Номер оказался небольшой, чистый и безликий, как все гостиничные номера в мире. Не разбирая сумку, не ужиная и не расстилая постель, Лара, как была, в футболке и джинсах, рухнула на покрывало. Все тело ныло, как побитое, – она давненько так не уставала. Как будто разгружала вагоны. А ведь просто день в пути, один-единственный, большую часть которого она дремала. Думать про состояние своего спутника Лара себе запретила. Он сам напросился.

После этого упрямого вывода она накрыла голову второй подушкой и отключилась.

Глава 4. Когда меняется свет

Скрежет. Кхр!.. Кхр!.. Громкий отвратительный скрежет разбудил Лару среди ночи.

Проснувшись от испуга и не сразу понимая, где находится, она села на кровати. Тьма стояла кромешная до плоскости, до одномерной бархатности,

будто глаза все еще оставались закрытыми. Лара несколько раз моргнула. В ушах гулко, молотом бухала кровь, а откуда-то сбоку снова загрохотало, громко, однообразно и тревожно, как будто от ударов сминалось что-то большое и металлическое, и Лара все никак не могла уяснить, что происходит.

Она вскочила и тут же больно запнулась – судя по ощущению, о сумку, брошенную у кровати. Замерла на мгновение, скорее догадываясь, чем различая окно, закрытое плотной шторой и, очевидно, распахнутое за нею настежь. Противное скрежетание выматывало, дергало по нервам, и нужно было непременно узнать, что это такое. Выставив руки вперед, Лара добралась до окна, нащупала тяжелую ткань и слегка дернула. За ней обнаружилась дверь на балкон.

За асфальтовой парковкой при гостинице начинался пустырь, и границу между ухоженностью и запустением означил одинокий фонарь. В круге его желтого, тусклого света существо непонятного пола, в одеянии, больше всего напоминавшем халат, топтало большую грудку чего-то, вытряхнутого прямо на землю и слабо поблескивающего. При каждом новом ударе ноги по округе и разлетался этот невыносимо резкий звук, одновременно скрежещущий и хрустящий.

Лара ловко перелезла через перила балкона, радуясь, что комната оказалась на первом этаже, и направилась к фонарю. Она была заинтригована происходящим и изо всех сил пыталась разобраться, кто это существо и что оно топчет. Страшно ей почему-то не было, хотя вокруг стояла глухая безлюдная ночь.

При ее приближении существо перестало хлопотать над своей блестящей кучей и обернулось. Лара увидела морщинистое лицо, золотые сережки в дряблых, оттянутых мочках, остриженные седые волосы и ухмылку, в которой сбоку не хватало одного зуба.

– А, привет, – проговорила старуха. – Разбудила тебя?

– Да...

– Извиняй, – развела она руками. – И так вроде на пустыре топчу... Но люди, они везде, куда ни плюнь. Всегда кого-нибудь да разбужу. Ты хоть не вопишь, и на том спасибо.

Только сейчас Лара разглядела, что под ногами хрумкали обычные алюминиевые банки от пива и газировок. Их было столько, что не сосчитать, почти все уже скомканные, стоптанные, похожие на диковинные скорлупки. Старуха развернула и встряхнула мешок из-под картошки и принялась бросать их туда.

– Давай-ка, – деловито кивнула она Ларе. – Помогай, вдвоем быстреей

управимся.

Ее звали Сорочиха – так она представилась. На глаз Лара определила, что навряд ли Сорочиха бездомная нищенка: пахло от нее обыкновенно, а точнее, не пахло никак, а бесформенное одеяние, которое девушка издали приняла за халат, оказалось кофтой и красной юбкой, вполне опрятной, но надетой почему-то поверх штанов. На смуглом чистом лице пронзительно выделялись водянистые, почти бесцветные глаза. Была Сорочиха худая и даже костистая, и руки ее, проворно завязавшие мешок узлом, напоминали птичьи лапы.

– И зачем все это? – поинтересовалась Лара.

Старуха смерила ее насмешливым взглядом с ног до головы:

– Москвичка? Сразу видать. Сорок копеек за банку, а в килограмме банок по сорок набирается, стало быть, шестнадцать рублей за кило... Время разбрасывать банки, и время собирать банки... Разбросала я довольно, теперь вот собираю, – она перекинула мешок за плечо и зашагала прочь. Обернулась: – Идешь? Чаем напою.

И отчего-то Лара пошла за нею. Девушка отчетливо видела настроение своей новой знакомой, злого умысла в нем не было. Ночь достигла своего темного зенита, спать не хотелось, и больше Ларе в этот час делать было нечего.

Вдвоем они быстрым шагом пересекли пустырь. Здесь начинался район низкой, деревенской по виду застройки, самая окраина города. Старуха отперла дверь последнего домишка на улице и пригласила девушку войти.

– А мы где? – Ларе вдруг пришло в голову, что она и правда не знает. – Что за город хотя бы?

– О-о, милая моя, ты с такими вопросами завязывай, до добра не дойдешь... Набережные Челны, слыхала про такие? КамАЗы делаем тут! Как тебя к нам занесло-то?

– На Байкал еду.

– Далеко, – цокнула языком Сорочиха. Она уже ставила на плиту чайник и доставала из буфета блюдце с печеньем. Лара оглядела кухню, маленькую и чисто прибранную, с кружевной салфеткой на холодильнике, домотканым цветастым половичком на полу и щербатой посудой на столе. Старая чайная заварка, с вечера – если не раньше – оставленная в большой чашке из серого дешевого фаянса, уже подернулась маслянистой пленкой.

– Вы тут одна живете?

– Одна, – лаконично отозвалась хозяйка, и вокруг нее на мгновение

всплеснула такая темно-синяя тоска, что Лара предпочла не вдаваться в дальнейшие расспросы. Она молча изучала обстановку и обитательницу дома. И снова уверилась в том, что не похожа Сорочиха на побирушку.

– Рассказывай, – велела вдруг старуха, отхлебнув из чашки воду, едва подцвеченную чаем.

Лара растерялась:

– Что рассказывать? Нечего...

– Да и правильно, кому это все интересно? – тут же весело отозвалась Сорочиха. – А если серьезно, не просто же так ты ко мне притащилась...

– Вы позвали! – совсем опешила Лара. Она во все глаза смотрела на старуху, начиная побаиваться, что та не вполне в своем уме. А психи ведь и с добрыми намерениями могут таких дел наворотить... Лара начала обдумывать благовидный предлог, чтобы побыстрее убраться восвояси, удивляясь, как она вообще тут оказалась.

Сорочиха подперла щеку кулаком и посмотрела на собеседницу почти с умилением. Потом в оживлении, обрадовавшись чему-то, хлопнула себя по худой коленке, обтянутой застиранной тканью штанов:

– Вот люблю я людей! Хотят попросить – а не просят, хотят спросить – а не спрашивают. А если спрашивают – то не то. А все почему? Потому что себя боятся. Других тоже боятся, но себя – больше.

Лара не сообразила, к чему относились слова Сорочихи, и ждала пояснений. Но старуха встала и, потеряв всякий интерес к госте, принялась рыться в ящиках. Выдвинув их один за другим, она долго перебирала мешочки, кульки, свернутые в полиэтиленовые комочки. И в огорчении села на табурет, вздохнув:

– Закончились. Карамельки. Люблю «Раковые шейки», с молодости, хоть ты что со мной делай, люблю, и все. Не верь никому, кто говорит, что люди меняются. Как вырастем, так до старости все те же. А что до тебя...

Сорочиха сощурилась, глядя на девушку так пристально, что той окончательно стало не по себе. Бесцветные, будто вылинявшие глаза буравили и выпытывали, вынимали из Лары что-то сокровенное.

Это все длилось и длилось, подобие сна наяву, и вдруг навалилось такое оцепенение, что невозможно стало даже пошелохнуться.

Наконец старуха отвела взгляд и захрустела печеньем. Лара с какой-то неуютной дрожью осознала, что чай давно остыл, а за окном светает. Сорочиха кивнула:

– Все будет благополучно. Выдержишь. То, чего тебе так хочется, произойдет. Все будет. Только потерпи, и получишь, что хочешь.

– И что, будто вы знаете, чего я хочу? – недоверчиво улыбнулась Лара.

– Ой, вот уж секрет! – Сорочиха махнула рукой. – Ответ. Ты хочешь найти ответ на вопрос. Вот и поезжай дальше. Все ж правильно делаешь, собралась в дорогу, начала дорогу – надо и заканчивать. А там и ответ подоспеет. В конце дороги.

– И какой же?

– Ишь ты, хитрая. Ответ только в конце дороги, говорю ж. Так-то было б совсем просто! – Сорочиха глянула на нее строго и погрозила пальцем: – Так что пока не трогай то, что в кармане. Не время.

– В каком кармане? – испуганно замерла Лара, и рука ее непроизвольно легла на выпуклость джинсовой ткани, надежно скрывающей пузырек со снотворным.

– В таком кармане! – передразнила ее хозяйка. – Не торопись. Ты торопыга, все тебе сразу нужно. А так не бывает. Только дорога, только время... Время – единственное, что дает ответы.

– Ничего время не дает! – Лара неожиданно рассердилась. Ей до смерти надоели эти глупости, которыми так любят сыпать окружающие: «время лечит», «все проходит», «утро вечера мудренее» и так далее, и тому подобное. Она не понимала, что происходит, кто эта странная старуха перед ней, откуда она знает про карман, и все это стало ужасно раздражать. И пугать.

– А вот ты почему знаешь? Не болтай, чего не знаешь, и за умную сойдешь.

Лара подскочила:

– Что ж. Кажется, мне пора.

– Сядь, – приказала Сорочиха.

От испуга Лара послушно опустилась на табурет.

– Расскажу сказку, и пойдешь, – тоном, не терпящим возражений, заявила старуха. И тут же начала:

– В одной крохотной деревеньке жила-была девочка. Деревеньку окружал высокий забор, а за ним начинался большой и страшный дремучий лес, и был он наполнен чудищами. А в деревеньке жили одни дети. Они не знали, как появились на свет, и велик ли этот свет, но знали, что их деревушка – самое лучшее, что есть на земле. А лес за воротами дик и непроходим, и нельзя туда даже шагу ступить, чтобы тебя не съели. Они и не ступали, ведь им и в деревушке было замечательно. А у ворот росли белые ягоды, что звались грустником, и ребята лакомились ею по утрам.

Те, кто ел грустнику, понимали язык птиц и зверей. Но всему свое время, и для каждого из них непременно наступал день, когда, подойдя к ягодному кусту, малыш замечал, что ягоды покраснели. Для каждого

грустника покраснела в свой, особый день. И, покраснев, становилась для него ядовитой. Об этом твердили птицы, прилетавшие из леса. Они предостерегали детей, и дети их слушались.

Однажды девочка, придя к воротам, увидела, что грустника вся красная-красная.

«Никто ведь не знает, какой именно я ее вижу, белой или красной. Я еще никому не сказала!» – подумала она. И съела сперва одну ягодку, а потом, распробовав, и целую горсть. А к вечеру захворала, занемогла и вскоре умерла. И жизнь потекла в деревеньке уже без нее.

Но была и другая девочка. Когда и для нее покраснела белая грустника, она решила попробовать – всего одну ягодку. Красная была слаще, чем вчерашние белые, и хотелось съесть еще и еще, но девочка удержалась. И на завтра была все так же здорова. Тогда стала она есть понемногу, по одной ягодке каждый день.

Как-то раз, гуляя у самого забора, услышала она птичьи разговоры. Птицы болтали без умолку, не думая, что она все еще понимает их язык. Но девочка понимала. Они твердили о большом и красивом мире, простирившемся за темным лесом. Тогда девочка перелезла через забор и отправилась в лес.

В лесу клубился туман, было тоскливо и боязно, и из-за каждого дерева смотрели чьи-то глаза, но девочка все шла и шла. Вдруг прямо на тропинку выскочило чудище лесное, мохнатое и свирепое. Девочка испугалась, но все равно решила заговорить с ним. Это оказалось не сложнее, чем говорить с птицами – ведь она все еще ела по одной красной ягодке, а их был у нее целый карман. И тогда чудище, удивившись ее смелости, предложило проводить ее через лес. «Если ты захочешь вернуться, пока мы будем в лесу, я доведу тебя обратно, но как только мы выйдем из лесу, повернуть назад будет уже невозможно». Девочка решила, что в деревеньке ее ничто не держит, да и очень уж хочется хоть одним глазком заглянуть, что же там, за лесом...

Долго они шли с чудищем, переправляясь через бурливые реки, обходя топкие болота, отбиваясь от диких зверей. И наконец вышли из лесу и увидели мир вокруг. Он был больше и краше всего, что девочка видела в своей лесной деревушке, чудеснее того, о чем твердили птицы. И когда лес сомкнулся за нею и чудищем, превратившись в непролазную чащу, они даже не обернулись. И зашагали дальше, встречая повсюду грустничные кусты, усыпанные красными ягодами. Чудище сплело корзину из ивовых прутьев, и на привалах девочка, напевая, собирала грустнику, которую теперь, оставив лес позади, можно было есть без опаски.

Сорочиха сосредоточенно пожевала губы и кивнула, давая понять, что «сказке конец, а кто слушал...»

– Зачем? – подала голос Лара. – Зачем собирать ягоду, если она и так растет повсюду?

– А она вообще девочка запасливая. Варенья наварит, – отозвалась Сорочиха.

Старуха как ни в чем не бывало улеглась на диванчик и укрылась до самого носа покрывалом. Лара в нерешительности помолчала, не зная, идти ей уже или нет, пока не услышала тихий храп с присвистом.

– Спасибо за чай, – пробормотала она в растерянности, но Сорочиха не отозвалась. Тогда Лара пожалала плечами и вышла на улицу.

Теперь, когда уже полностью рассвело, и в пернатое от облаков небо на востоке поднималась пылающая кромка солнца, Лара рассмотрела палисадник Сорочихи и приоткрытую дверь сарая, который ночью не заметила. Из чистого любопытства она заглянула внутрь.

Повсюду лежали алюминиевые смятые банки. Наваленные кучами, разложенные по пакетам, мешкам, старым картонным коробкам – целый сарай металлолома. Лара заметила тот мешок, что помогала наполнить старухе минувшей ночью, – он был небрежно брошен у самого входа. Должно быть, навсегда.

Егор был рассержен, хотя и пытался скрыть облегчение от появления Лары: она видела переливы его сливового гнева с тонким золотистым отсветом. Но он не позволил голосу выдать свою внутреннюю бурю.

– Где ты была?

– Гуляла, а что? – нарочно невинно улыбнулась она.

– Прекрасно...

Его влажные волосы топорщились после душа, а на чистом, выбритом подбородке свежо краснели два бритвенных пореза. Лара поймала себя на том, что надеется: порезался он, потому что переживал из-за ее отсутствия. Ей все же удалось досадить Арефьеву, пусть даже она этого и не планировала.

– Собирайся. Буду ждать тебя внизу, в кафе. Через полчаса выезжаем, – объявил он и вскинул на плечо ремень спортивной сумки. Лара взяла из его рук кожаный рюкзачок с урной:

– Это мое, не трогай. И вообще... Приказывать будешь своим подчиненным, у тебя это наверняка отлично получается. Только вот офис остался в Москве, какая незадача! Может, тебе вернуться?

Егор смерил ее свирепым взглядом, но выпад снес молча. Только дверь

за ним захлопнулась чуть громче нужного.

Быстро приведя себя в порядок, Лара повесила рюкзачок на живот, как носят маленьких детей, и ласково погладила мягкую выделанную кожу. Почувствовав, как накатывает щемящее чувство, ставшее таким привычным за последнее время, она поспешила спуститься вниз.

Женщина-администратор, угрюмая, с нездорово припухшим лицом, не обратила на нее никакого внимания, даже глаз не отвела от маленького телевизора, в котором мельтешили беспричинно радостные ведущие ток-шоу.

– Извините...

– Да? – вяло бормотнула она, все еще уткнувшись в экран.

– Вы знаете женщину, которая тут ночью... топчет банки? От пива.

Администраторша довольно хмуро покосилась на Лару:

– Ну?

– Сорочиха ее зовут, – пояснила девушка. – По крайней мере, она мне так сказала.

– Сорочиха, да, а в чем дело? – женщина еще больше насупилась. – Если на шум жалуетесь, то это дохлый номер, сразу говорю. Не в себе она.

– В смысле? – нахмурилась Лара, сознавая, что ее опасения подтверждаются. Администратор вздохнула и любовным движением руки пригладила желтоватые волосы с отросшими черными корнями. Возможность выболтать местные сплетни добавила ее облику живости:

– Она же... это... Чеканашка, чокнутая, не видно, что ли? Детей нет, мужа нет, а на старости лет еще и история эта. Ехала на своей задрипанной «четверке», ночью, в дождь. И под колеса вылетел пацаненок на велике. Детдомовский. Алюминиевые банки собирал, как раз вез сдавать. Ну она его и сбила. Банки по всей дороге разлетелись...

– А мальчик, спасли?

Женщина махнула рукой:

– Какой там, как же, у нас спасут... Говорят, она рядом с ним «Скорую» ждала и все рассказывала ему какую-то сказку. Ну, как утешала, что ли... чтоб не боялся. Посадить-то ее не посадили, свидетели были, что он сам выскочил не глядя. Но ей все равно хватило... Теперь вот как бессонница – тащится банки собирать. Из ума совсем выжила. Да и к пенсии, поди, прибавка. Я вот иной раз думаю, почему сдает-то? Дорого, нет? Вы не знаете случайно?

Лара покачала головой и вышла на улицу. «Время собирать банки», – звучали в памяти слова ночной знакомой. Потом она долго разыскивала продуктовый магазин, а найдя, купила килограмм конфет «Раковые

шейки», отнесла к фонарю, под которым ночью познакомилась с Сорочихой, и оставила под рослым кустом полыни, взломавшим старый асфальт.

За этими хлопотами она безнадежно опоздала на завтрак и спохватилась, только увидев, что Егор дожидается ее возле джипа, готовый ехать. Выражение его глаз не сулило ничего приятного, и без того чеканный подбородок совсем окаменел, так что она уже приготовилась ко взбучке или выговору и, вышагивая к машине, лихорадочно придумывала, как поэффектнее дать Арефьеву отпор. Это вдруг напомнило ей искристое и шипучее, до покалывания в носу, предвкушение новой проделки – как в детском саду или начальной школе.

Но Егор не доставил ей такого удовольствия. Он сел за руль, завел двигатель, и машина рванула с места, едва Лара забралась на заднее сиденье.

Несколько километров они пронеслись в гнетущей тишине.

Вдруг, без видимой причины, Егор припарковался у обочины и заглушил мотор. Потом обернулся к Ларе, положил руку на спинку свободного кресла рядом с собой и долго, испытующе глядел на нее. Глаза его стремительно темнели.

Своего он добиваться умел: Лара разнервничалась, даже живот свело. Егор неожиданно показался ей большим и опасным, было в этом мужчине что-то львиное, и не только благодаря кудрявой гриве волос или светлым бровям-кисточкам.

– Ты знаешь, что животные специально распушают мех, чтобы казаться противнику больше своих размеров? Коты даже скачут боком... Не желаешь попробовать? – ехидно предложила Лара. Это была отчаянная попытка расхорохориться, она не могла придумать, как еще вести себя с ним. Внутри Арефьева явно созрело какое-то решение.

– Лара. Нам надо прийти к согласию.

– Какое у нас может быть согласие, с ума сошел? – вставила она, но стоило ему шевельнуться, как она замолкла: в едва заметном движении ей почудилась угроза.

– Ты не пришла на завтрак. А нам далеко ехать.

– Я не голодна!

Это была неправда, она не ела со вчерашнего обеда, и, что гораздо хуже, Арефьев это знал. Но Лара упрямо поджала губы, предпочитая скорее умереть с голоду, чем признать, что ведет себя неразумно.

Егор нахмурился. Ей показалось, что он собирается сказать что-то резкое, но речь его осталась все так же спокойна и строга одновременно:

– Давай я объясню, как обстоят дела. Отношения у нас не очень. Раньше мы ладили, теперь нет. Я не понимаю, что стало причиной, потому что то, что ты говоришь про мои чувства к Лиле, полнейший бред. Но! – он повысил голос, видя, что Лара хочет вставить комментарий, и в этом слове сквозила незнакомая ей властность. – Но речь сейчас не об этом. Мы все равно едем, уже едем. И в любом случае мы все дальше от Москвы. Ни ты, ни я не собираемся отступать, так что нам нужно определяться. Ты, похоже, не совсем отдаешь себе отчет в том, что мы в дороге, и в дороге нас с тобой только двое. Путь неблизкий, дальняя дорога – предприятие рискованное, случиться может всякое. Мне нужен надежный спутник, если угодно, даже сообщник.

Он дал Ларе время осмыслить сказанное, кивнул и продолжил:

– Я хочу быть уверен в тебе. Хочу доверять тебе. Хочу знать, что ты не будешь вот так уходить, не предупредив и заставляя меня гадать, где ты, все ли в порядке с тобой и когда ты вернешься. Что не будешь больше играть в молчанку. Мне надо быть уверенным, что ты не голодна, не терпишь, если хочешь в туалет, только потому, что тебе взбрело в голову мне насолить. Понимаешь, о чем я? Я хочу тебе доверять.

Лара в задумчивости покусывала щеку:

– Но я-то тебе не доверяю.

– Переживу, – хмыкнул Егор. – Раз уж не могу это исправить. Но мне нужно, чтобы я мог тебе доверять.

Арефьев не нападал, не давил, и Лара вынуждена была признать, хотя ей это и не особо нравилось, что в его словах есть доля здравого смысла. Вчерашнее враждебное и ребячливое молчание выматывало ее больше, чем тысяча километров, пронесшаяся под колесами. Но признавать это вслух? Ни за что.

– То есть ты пасуешь! – вскинула она голову, строя из себя победительницу. – Мне, лично, великолепно едет, это у тебя какие-то проблемы. И если ты просишь меня о перемирии – пусть так. Только это ты должен идти на уступки. Потому что это ты сдаешься, а не я.

Она не ожидала от себя такой детской наглости и замолчала. Но Егор был по-прежнему сдержан, а в глубине его глаз промелькнула теплая искорка веселья:

– Хорошо, слушаю встречное предложение.

– Ты даешь мне руль. Скажем, – она быстро прикинула в уме, – меняемся каждые четыре часа.

– Я в состоянии вести машину, кажется, я это уже доказал, – Егор поморщился. – Вчера мы проехали тысячу километров. Надеюсь тебя

утомить дорогой, чтобы не сильно вредничала.

Лара проигнорировала рискованную реплику:

– Или меняемся, или все продолжится!

– Хорошо, ты будешь вести, – согласился он.

Лара расцвела. Она не ожидала, что Егор так легко сдастся, и уже потянулась к двери, чтобы выйти и пересесть. Но он, как выяснилось, и не сдался, и дверные замки с тихим щелчком заблокировались. Солнце заливало салон горячим светом, и Егор сощурил один глаз. Вид у него был шуточный, а в улыбке засквозил азарт:

– Ведешь один час, потом я три, потом снова ты один час.

– Не-ет! Нечестно! – задохнулась Лара. – Я три часа, потом ты три часа!

– Давай ты два, а я три. Соглашайся, это хорошее предложение.

Она еще колебалась. Егор протягивал ей руку, широкую открытую ладонь. Вздохнув, Лара пожала ее. Кожа у Арефьева была горячая, сухая, и от его длинных пальцев в Ларину руку, чуть покалывая, потекло надежное спокойствие и сила.

– Только первым веду я, – Егор улыбнулся и повернул ключ в зажигании. С уютным урчанием машина встроилась в дорожный поток.

– А ты отличный переговорщик, – заключил мужчина. – Может, бросишь свою фотографию? Возьму тебя к себе в штат, в компанию.

Лара легкомысленно фыркнула.

Синяя снежинка в атласе намекала на новое сообщение, и Егор, уже без Лариного напоминания, включил заветный диск.

– *Немыслимо...* – с готовностью вздохнула Лиля. – *Уже не верится, что где-то там далеко шумит Москва, правда? А ведь еще недавно мы были там! В дороге все отдаляется быстрее, и сейчас Нижнекамская плотина ГЭС гораздо реальнее, чем гигантский город-дракон, оставшийся дышать где-то там... Да и вообще, что такое реальность без человека, наблюдающего ее? Только идея. А плотина, наверное, производит впечатление. Великолепное зрелище, да?*

Никакой плотины Лара не заметила. Егор, внимательно следя за дорогой, все равно ощутил ее вопрос и счел нужным пояснить:

– Вчера проехали. Прямо перед ночевкой. Было и впрямь красиво, но я не стал тебя будить.

– *Итак, – перебила его Лиля. – Мы проехали первую тысячу километров. Не буду говорить, что дальше будет легче и первая тысяча самая сложная. Все равно что утверждать: первый год брака самый тяжелый. Какой дурак это придумал! Первый год после свадьбы как раз*

легче легкого, потому что всем еще кружат голову гормоны, молодожены влюблены и счастливы одним присутствием в жизни друг друга. Сложнее становится позже. Так и с дорогой. Вчера мы были влюблены в саму идею дороги. А сегодня осознаем, что дорога – это все, что у нас есть, она еще только предстоит, хотя уже началась, и нужно собрать все силы, чтобы преодолеть это. Преодоление...

Лиля тихо вздохнула и поставила очередную песню – «Sweet dreams». Лара помнила ее с юности, с энергичной басовой партией группы «Eurythmics», под которую протанцевала не один раз на всевозможных вечеринках, под которую при помощи сестры перекрашивала однажды волосы в зеленый цвет, запачкав всю ванную. Но сейчас Лиля, удивив сестру, выбрала самую медленную кавер-версию, давая вслушаться в неожиданно глубокие слова:

Сладкие грезы сотканы из этого...

Кто я такая, чтоб не согласиться?

Пересекая мир и семь морей, вижу:

Каждый на свете чего-то ищет.

Кто-то хочет использовать тебя,

Кто-то – быть использованным тобою,

Кто-то хочет оскорбить тебя,

А кто-то – быть оскорбленным тобою...

Что имела в виду Лиля, рассуждая о первой тысяче километров, что хотела этим сказать? Почему вдруг такой выбор музыки? Лара снова чувствовала себя лишней в этом джипе, летящем на восток. Салон автомобиля был до краев полон Егором, его мыслями, подернутыми синей дымкой, и вздохом Лили, чей прах – в урне, на кресле возле ее вдовца. Не осмеливаясь признаться даже самой себе, Лара вздохнула с облегчением, когда трек с Лилиного диска закончился.

Через час ее стал одолевать голод, и, несмотря на уговор, Лара все еще не находила в себе сил сказать об этом Егору. Она молча гадала, через сколько времени они завернут на заправку, и раз за разом делала тоскливый

вывод: нескоро.

– Я захватил кое-что, если вдруг захочешь перекусить. Посмотри в пакете, – посоветовал Егор, словно невзначай прочтя ее мысли.

Лара постаралась не разводить суеты, чтобы не давать ему лишнего повода убеждаться в собственной правоте. Но блины с мясом оказались жирными и вкусными, и крепкий кофе, побулькивающий в колбе термоса, разлил утренний аромат по всей машине. Лара почувствовала, как ее охватывает благодарность. Она мысленно согласилась с сестрой: сейчас этот завтрак, эта дорога и этот человек за рулем были ее реальностью. Все остальное сквозило за окнами, оставалось позади, мимо и в стороне.

Это была Россия, которую она так любила и которая иногда ее тяготила. Деревушки, хмурые и живописные в своем упадке, с серыми неприветливыми заборами, щедро и снисходительно прикрытые густой зеленью разгорающегося лета, так не похожие на ухоженные селенья, что она видела в Англии, – те и деревнями-то назвать язык не поворачивался. Двухполосная дорога то ныряла меж холмов и оврагов, то снова выравнивалась, направляясь к очередному мосту через речку с каким-нибудь смешным названием. У Лары давно уже зрело желание записывать забавные топонимы, которыми изобиловали все их с сестрой путешествия: Недомерки, Долгая Щека, Добрые Пчелы... Но в отличие от Лили ей недоставало организованности, и это желание год за годом так и оставалось желанием.

На границе Татарстана и Башкортостана сменился часовой пояс, о чем не преминула сообщить из динамиков Лиля. Наручные часы показывали на два часа меньше, чем вдруг стало в окружающем мире. Условность, решила про себя Лара, хотя в ее голове и заворочалось ощущение разлада, несовпадения: пролетая сквозь время на самолете, она принимала такие правила игры, но ехать на машине и знать, что по эту сторону указателя восемь утра, а по ту – уже десять... Удивительно и вместе с тем как-то тревожно.

Теперь и знакомство с Сорочихой казалось ей обрывком сонного морока. Даже память фотоаппарата, давно превратившаяся для Лары в своеобразную летопись ее жизни, не сохранит следов этой встречи. Будто и не было ее, как нет уже того времени, что все еще отсчитывается стрелками ее часов.

Завороженная своим странным, летучим настроением, Лара машинально пролистывала на дисплее камеры сделанные вчера фото.

– Есть хорошие?

Она не сразу сообразила, о чем спрашивает Егор.

– Что? А, снимки... Попадаются.

– Всегда хотел спросить... Почему ты стала фотографом? Даже нет, не так – почему ты бросила медицинский? Да еще на последнем курсе... Ты не похожа на любительницу лабораторий, но ведь зачем-то же поступала? – И не утерпел, сыронизировал: – Неужели морга испугалась?

Егор даже не догадывался, насколько он прав. Лара действительно не любила лаборатории – их любила Лиля. С юности старшую сестру пугало несовершенство, и она всеми силами стремилась его исправить. Лилия не переносила следов пальцев на солнечных очках, бокалы с рельефным оттиском губ на тонком крае, брызги зубной пасты на зеркале, разлинованные дождевыми потоками окна – во всем, что касалось стекол, ее стремление к чистоте носило характер мании, о чем знали только самые близкие. Как только это стало возможным, она сбежала в сияющую белизну и неяркий кафельный блеск лабораторных кабинетов, укуталась в халат научного сотрудника – и стала счастливой. Свежесть, мерцание ртутных ламп и их неживое треньканье и пощелкивание, нарушающее тишину, электронные микроскопы и идеально, кристально прозрачные колбы доставляли ей удовольствие.

– Разве не прелесть? – глаза Лили мерцали, как серый жемчуг, вдохновенно и таинственно. В одно из редких Лариных появлений на работе у сестры та решила провести ее по своему прохладному царству. – Когда я надеваю перчатки, готовясь к исследованию, или вскрываю упаковку стерильных пипеток...

– Это все как игрушечное. Будто не по-настоящему. Колбочки, мензурки, впору устраивать чаепитие с куклой Ирой, – пошутила в ответ Лара.

– Еще как настоящее! – возмутилась сестра. – Иногда мне кажется, что только в микроскоп и видно настоящее. Реальный мир, понимаешь? А мы его не улавливаем, слишком слабое зрение. Хотя твое не в счет!

В этом-то и оказалась вся загвоздка. Собираясь стать врачом, Лара наивно мечтала помогать людям, исцелять даже, и в этом она искала свое предназначение. На деле оказалось, что в лаборатории ей скучно, а в больнице и того хуже – страшно. Потому что ни на секунду она не переставала видеть страх других. Главная эмоция, завладевавшая всеми, кто переступал порог больницы, от испуга внезапно напавшей хвори до тягостного ожидания вердикта и ледяного ужаса неизлечимости. Лара очень скоро осознала, что никакое облегчение, радость от удачного лечения или благоприятного прогноза не сравнится по интенсивности с этим нервно-бирюзовым, на грани с флуоресцентностью, цветом «электрик».

Страх шел неравномерно, закручивая человека в вихрь дробной ряби, как волновые помехи в старом телевизоре. Она встречала его и раньше, но никогда еще – так много. И если с грязью и физиологичностью человеческого нездоровья она еще могла справляться, то не с этим.

Тогда Лара решила, что понимает собак. Если они видят подобно ей, неудивительно, что они склонны кусать испуганных людей – мало что может так же сильно вывести из себя, как эта электрическая рябь. Кто-то что-то утверждает о запахе адреналина? Лара мысленно закатывала глаза: бог с вами, люди, никакой запах не сравнится с этой пульсирующей бирюзовой пыткой, имя которой – страх. Просто удивительно, что только ей суждено видеть это, в то время как все остальные почти слепы. По этой же причине она не ходила на ужастики в кино: слишком ярко становилось в темноте вокруг, от внезапного испуга зрительный зал коротило, как гирлянду с оголенной проводкой. От одной только мысли, что за это удовольствие еще и нужно платить, на нее нападавал нездоровый смех.

Но, конечно, Лара не собиралась посвящать в свои переживания Арефьева.

– Нет. Просто это не мое, – ответила она. – Лиля мечтала заниматься наукой, а я вот фотографирую. Каждому свое.

– И то и другое – подглядывание за жизнью, исподтишка, – довольно неожиданно резюмировал Егор. Он словно подслушал ее воспоминание о словах Лили. Только самой Ларе никогда не приходило в голову, что в известном смысле она занимается тем же, чем занималась сестра: наблюдает, не касаясь.

– А в детстве – кем ты мечтала быть, когда вырастешь? – допытывался Егор. Лара поморщилась:

– Если мы заключили перемирие, это еще не значит, что у нас тут дружеские посиделки!

– Перемирие? – он искренне удивился. – Как остро ты все воспринимаешь, будто у нас война... А все-таки? Кем?

Их взгляды неизбежно скрестились в зеркале заднего вида. Вокруг глаз Егора стали собираться морщинки, и бледная дымка его настроения абрикосово вспыхнула. Он улыбался. Сдержаться и не улыбнуться в ответ оказалось невозможно:

– Я хотела стать Мэриан. Знаешь, которая была спутницей Робин Гуда?

– Что, бродить по Шервудскому лесу и стрелять из лука?

– Примерно, – кивнула Лара серьезно. – А потом выяснилось, что это невозможно. И Деда Мороза не существует. Вот такой облом.

Она тут же пожалела, что позволила себе ослабить оборону: в воздухе

что-то изменилось, и над Егором мягко всколыхнулось то самое, невыразимое, редкого оттенка гортензии. Лара тотчас отшатнулась, ее словно отбросило в самый угол автомобильного салона.

– Хотя тебе не понять, – грубовато заявила она оттуда, скрещивая руки на груди.

Со своего места она уже не видела лица Арефьева, но заметила, что напугавшая ее дымка мгновенно потухла, словно костер, в который опрокинули ведро снега.

– Верно, – согласился Егор тихо. – Я не мечтал о чем-то определенном. А потом вообще – просто захотел стать богатым.

– Тебе удалось. И что, это того стоило?

– Ты знаешь... Стоило. Деньги сильно помогают добиваться желаемого.

– Не всего, – Лара мотнула головой.

– Практически всего.

– Ну да, конечно, за исключением такой малости, как любовь!

– Ты удивишься... – Егор вдруг решился на рискованный обгон, так что встречная машина наградила его возмущенным сигналом и вспышкой фар, а Лара вцепилась в ручку двери. – Так вот, ты удивишься, но деньги помогают даже с любовью.

Лара, ноги которой запоздало сделались ватными от арефьевского лихачества, молча вскипала. Ей не нравился разговор, не нравились слова Егора, все это почему-то ужасно задевало.

– Ну же, Лара! Не держи все в себе, выступи с гневной отповедью, – усмехнулся он. – Что, циник и капиталист?

– Да! И я жалею, что ты был мужем моей сестры! – губы ее предательски задрожали. – Потому что она заслуживала другого! Лучшего, чем человека, который заявляет, что за деньги покупается все. Что, скажешь, Лилю ты тоже купил?

– Нет, не купил. Скажем... Я ее заинтересовал. Деньгами и тем, что они мне дают. Вкусная еда в ресторане, хорошее вино. Машина вместо толкучки в метро. Свежие цветы. Вечер в театре... А потом она влюбилась. И я тоже.

Лара пыталась взять себя в руки: нет, она не будет говорить все, что об этом думает! Арефьеву не дано понять.

– А скажи, для чего деньги тебе? Например, зачем ты работала на прошлой неделе в студии на Покровке? Там, в подвале? Тебе этого не хотелось, это было не вдохновение. Ты зарабатывала деньги, чтобы отправиться на Байкал. То есть деньги помогли тебе осуществить

желаемое, как я и сказал, – жестко заключил Егор.

– Ты что – следил за мной?! Откуда ты знаешь...

– Ты не брала трубку. Я волновался, – он оставался невозмутим. –

Пришлось навести справки.

– Останови машину, – процедила она. – Сейчас же.

– Что? Да брось, ты решила продолжить пешком?

Она была готова убить его.

– Останови!

Арефьев откровенно потешался над ней и не думал слушаться.

– Сейчас мой черед ехать, – запротестовала Лара. – Если твое слово хоть что-то значит...

Егор бросил взгляд на часы:

– А и правда, твой черед.

Покладисто, как ни в чем не бывало, он тут же затормозил. Лара вылетела из машины, как камень из рогатки, и чуть не столкнулась с Егором, обегая капот. Он протянул ключи:

– Прошу!

Она выхватила их намеренно резко, но подвела сама себя. Брелок выскользнул из пальцев и шмякнулся в придорожную пыль. Поднимая ключи, Лара спиной чувствовала насмешливую ухмылку Егора.

Звук взревевшего двигателя как нельзя лучше отразил ее внутреннее состояние. Так что Арефьев поступал довольно умно, давая ей время на передышку и помалкивая. Теперь, когда она смотрела на дорогу, ей не нужно было смотреть на него – уже счастье, подумала Лара раздраженно.

Егор пролистал атлас, убедившись, что новая метка Лили еще не близко, и включил музыку. Только спустя три трека он признался:

– Я знаю, она влюбилась в меня раньше. Раньше, чем мы пошли в ресторан, в театр... Я тоже влюбился в нее раньше всего этого.

Он помолчал, ожидая реакции Лары, но та не сводила глаз с серой ленты асфальта, разматывающейся перед ними.

– Я помню тот день, – наконец негромко признался он. – Когда нас представили друг другу, она стянула медицинские перчатки, чтобы пожать мне руку. Я только неделю как стал управляющим директором, и мне было лестно слышать, как ей озвучивают мою должность. А потом ее начальник попросил ее показать мне тут все. Кажется, она была не в восторге от этого. Но все-таки скинула халат и осталась в обтягивающей темно-серой водолазке, простенькой, совсем без декора. И узкой черной юбке до колена. Вся такая тонкая, точеная, как египетская кошка, и до невозможности, по-учительски строгая. И когда мы отправились на экскурсию, она пошла

впереди. И... Ох, эта ее юбка... Там оказался разрез, сзади. Обычный прямой разрез, только вот очень длинный, до... ну, ты понимаешь. И я вдруг перестал соображать. Ни слова не понимал. Она мне что-то говорила, сыпала терминами своими медицинскими, а я даже не мог думать! Наверное, она посчитала меня остолопом. Но я честно пытался сфокусироваться на том, что она вещает, а этот чертов разрез уводил мысли совершенно в другую сторону... Так что в итоге пришлось поравняться с ней, чтобы не видеть всего этого. А потом мы вернулись в лабораторию, к ее халату. Но она уже завладела мной целиком. Я что-то пошутил, раз, другой, а она все не улыбалась. Мне это показалось странным, я ведь еще не знал, что она редко улыбается незнакомым. А я безумно хотел это увидеть, хотел заставить ее улыбнуться именно мне, так что пришлось пригласить ее в кафе. Она осмелела, рассказывала – про тебя, конечно, про вас обеих. Мы проболтали весь обеденный перерыв. Там-то мне и удалось ее рассмешить. Наконец-то. И знаешь, этот смех... это было даже лучше, чем разрез на ее юбке.

Пока Егор говорил, Лара уже жалела, что села за руль. Образ столь откровенно, без цензуры описываемой встречи развертывался перед ее мысленным взором, он заслонял собой дорогу. Она много раз слышала историю знакомства Лили с мужем, но всегда с той, другой стороны. А сейчас картина впервые сложилась полностью – и сердце тревожно кольнуло. Рассказ Егора определенно причинил ей боль.

Населенные пункты по пути встречались реже, правда, скорость движения все равно то и дело падала, за каждой неторопливо громыхающей фурой скапливался «хвост» из легковушек, дожидаящихся шанса обогнать. Они напоминали стайку бестолковых рыбешек, вьющихся вокруг акулы. У Лары уже не было возможности глазеть по сторонам, она не замечала изменившегося пейзажа, придорожных мотелей и забегаловок, словом, ничего, кроме исчезающих под колесами километров и почти шахматных рокировок тех, кому было с ними по пути и кто оказывался то впереди, то сзади. По несколько десятков, а то и сотен километров они ехали рядом, так что становились почти знакомцами, и она уже узнавала номера, надписи пальцем по пыльному борту или наклейки на стекле и бампере.

Это было даже приятно – не углубляться в свою жизнь, в свои мысли и чувства, а просто вести машину. Следить за дорогой, реагировать на дорогу, которая, к счастью, подобно реке, каждую секунду менялась, оставаясь прежней: новая выбоина, новый обгон, новая встречная машина, заправка,

мост, холм, пост. Заправки они до сих пор выбирали приличные, то есть знакомые, но Лара подозревала, что скоро эта привилегия исчезнет, и все будет чужим.

После внезапного приступа откровения Егор стал немногословен, а потом и вовсе задремал, чем до предела облегчил Ларе задачу. Она все еще негодовала о так просто вскрывшемся факте надзора за ее московской жизнью. Что еще скрывает этот человек? Ведь, в сущности, Лара мало что знала о нем. Все эти годы он был дружелюбен, отстранен и занят работой, так что Лара встречала его в лучшем случае раз в несколько месяцев. И подавляющую часть этих встреч он был облачен в итальянский костюм и серьезную деловитость, от которой лично ей становилось неловко, будто она отвлекает человека от важных дел, хотя и пришла не к нему. Она даже не задумывалась, кто он. Понятное дело – Егор Арефьев, второе лицо в крупной компании, импорт медицинского и косметического оборудования. Успешный, привлекательный, сорокалетний, муж ее сестры. Офис, толковая пожилая секретарша, многоканальный телефон, корпоративная почта, деловые ужины в Сити... Мать замужем в Штатах, отец, кажется, умер. Но кто Егор по сути своей – Лара не догадывалась. И не стремилась, до этого дня.

Она не осознала момента его пробуждения. Просто в салоне вдруг стало душно. Бездумным, привычным жестом она чуть оттянула майку на груди и, сложив губы трубочкой, подула вниз, на повлажневшую кожу. И только после этого догадалась, что виной всему пристальный взгляд Арефьева – а она не любит, когда на нее смотрят в упор. Прежде чем Лара успела покоситься вправо и подтвердить догадку, Егор, вытянув руку, уже защелкал кнопками кондиционера, понижая температуру воздуха.

– Где мы едем? – поинтересовался он.

– Уфу проехали.

– Моя очередь вести. Только предлагаю сперва перекусить.

Лара кивнула.

– Смотри-смотри! А, то есть не смотри, тебе нельзя отвлекаться. Просто там указатель, что через километр будет заведение под названием «Смачный кабачок».

Лара хмыкнула.

– Думаешь, кабачок – это они о ресторане или об овоще? – продолжал радоваться Егор.

– Заедем и узнаем. Заедем?

– Удивительно, – в свою очередь хмыкнул Егор. – Ты спрашиваешь моего мнения? Что-то новенькое.

– Не волнуйся, это первый и последний раз, – отрезала Лара. Разломавшиеся между ними льдины снова столкнулись и превратились в заиндеветый торос.

Но в «Смачном кабачке» они все-таки пообедали. Лара и здесь не расставалась с рюкзачком, усадив его рядом с собой.

Делая заказ, Егор долго обсуждал с немолодой официанткой название кафе, сначала этого, а потом и всех других, что стоят на трассе. Они и правда были характерными, и по перечню услуг (кафе, мотель, сауна со всеми вытекающими), и по вывескам, в городе так не назовешь: «401-й километр», «Регион 02», «ТОРМОЗни»... Лара, хотя и старалась казаться безучастной, не могла не заметить, что официантка, непривычная к искреннему вниманию, была полностью покорена ее спутником. Ей хватило всего пары арефьевских улыбок, чтобы вокруг взметнулась и заискрилась, как в калейдоскопе, вишневая гордость, приправленная, припорошенная одуванчиковой радостью и малахитовой ревностью, которую, очевидно, будила в ее душе Лара. Та прикусила язык, только бы не выдать «что ты, подруга, ни в коем случае не претендую!». Когда официантка вернулась, чтобы водрузить на стол пластмассовую подставку с порезанными на треугольнички салфетками, ее губы уже сургучно пламенели помадой.

«Как он может флиртовать в присутствии Лили? Только что рассказывал, как они встретились, а теперь...» – думала Лара, глядя на рюкзак с урной. Впрочем, ничего предосудительного он себе не позволял. Лара вообще все чаще приходила к заключению, что Арефьев – мастер владеть собой, его эмоции приглушались, таяли, едва вспыхнув, так что часто ей толком не удавалось разобрать почти ничего. Он будто знал о ее тайном даре и стремился скрыться.

Была ли в том заслуга личного обаяния Егора или нет, но башкирское блюдо в виде котлеты, щедро политой растопленным сыром и покоящейся на подушке из капусты, овощей и лепешки, оказалось вкусным, и Лара смела все с тарелки в мгновение ока. А потом улучила момент и сделала удачный снимок официантки, пока та поправляла фартук, неожиданно грациозно выгнув спину и глядясь в стеклянную дверь холодильника с напитками. Лара всегда немного сожалела, что фото не способно схватить все эмоции ее героев. Раньше в Лариных руках камера становилась чем-то большим, чем просто фиксирующим действительность аппаратом, и ореолы, пусть невидимые, оставляли на снимках свой мягкий, едва уловимый след, свое настроение. Теперь это умение она почти утратила.

После обеда Егор снова сел за руль, предоставив Лару мыслям и

пейзажам. Ландшафт становился все грандиознее, начинались Уральские горы, невысокие, замороженные, будившие ощущение близкого Космоса. Вспомнилось недавнее падение метеорита – до Чебаркуля отсюда всего пара часов езды. И мысль о частичке Вселенной, в огне рухнувшей на планету, тут же потянула за собой воспоминание о смерти, неведомой, близкой или далекой, несущейся рядом с машиной, сопровождающей их, как сопровождает их Лиля – или они ее.

– Включи Лилин диск, пожалуйста, – попросила Лара. Метка снежинки не относилась к какому-то определенному месту, а слышать себя ей становилось нелегко. Егор послушно запустил новое сообщение:

– Никогда до этого дня я не видела Уральских гор. Граница между Европой и Азией, где-то даже есть точное место, только мы, кажется, не там поедем, но все-таки! В стороне остается городок Арти – единственное место в России, где есть завод по производству серпов и кос. Там даже турниры косарей устраивают! Представляю себе это зрелище – и людям праздник, и дело сделано, вот не догадались наши предки такие турниры по всей стране устраивать... Ладно, «радио Лилия» отвлеклось... Так вот, есть башкирское сказание о великане, который жил тут в незапамятные времена. И был у него пояс с карманами, в которые он складывал найденные по миру сокровища: яшму, лазурит, топазы и бериллы, золотые самородки. А потом он развязал пояс и бросил его на землю, и пояс был такой большой, что лег между северным Карским морем и южным Каспийским и стал горной цепью... Обожаю такие легенды, они всегда напоминают мне о Ларе, потому что обычно не я, а она их пересказывает. Я уже скучаю по ней!

Лара отвернулась к окну, чтобы незаметно сморгнуть слезы. В поселениях, лежащих вдоль дороги, люди продавали картины из уральских самоцветов, наклеенных на косых древесных спилах, и почему-то надувные бассейны.

Голос Лили стал грустным и мечтательным. Она вообще представляла в этих записях не похожей на саму себя, Лара с детства не слышала от нее таких задумчивых пространных монологов. На всех прошлых дисках, записанных для совместных странствий, она предпочитала сыпать точными данными и фактами, и Ларино сердце ныло, потому что причина этой перемены оставалась ей неведома.

– А еще некоторые считают, что Урал – это те самые, легендарные Рифейские горы. Горы на самом краю земли. Гиппократ говорил, что у подножия Рифейских гор, с которых дует северный ветер, под созвездием Медведицы лежит Скифия. А вот по ту сторону начинается Гиперборея,

страна гипербореев, блаженных и счастливых потомков титанов. Их жизнь невообразимо прекрасна, и даже смерть для них – избавление, когда испытаны уже все наслаждения, когда вкушены все дары мира, и они бросаются в холодное море, потому что здесь им больше нечего делать. Мы едем в Гиперборею. Кто знает, может, там мы найдем свое счастье...

Да что же это такое! Ларе хотелось кричать: объясни мне, объясни, я не понимаю! Какое счастье тебе было нужно?

Егор глядел на дорогу, и ни один мускул не дрогнул на его красивом лице. Наоборот, в рисунке губ проступило что-то неожиданно суровое, будто он намеренно оставался глух к словам Лили – и к молчаливой мольбе ее живой сестры.

Глава 5. Ограниченный доступ

Никогда прежде Лара не задумывалась, что происходит со страницами социальных сетей, чьи владельцы умерли. Никогда – до тех пор, пока однажды вечером, после дня рождения отца, она не зашла в Интернет и не увидела, что на стене ее аккаунта до сих пор висит сообщение от сестры, ссылка на какую-то новость. Новость давно была не нова, как не была нова для всего мира гибель Лили. Один щелчок кнопки, и в углу Лилиной страницы появилась надпись «Заходила 27 февраля». Но еще не успев понять, что делает, Лара уже набрала знакомый пароль (у сестер он был парный, неизменный с того момента, как обе стали пользоваться Сетью) и проникла на страницу Лили под ее именем.

Аватар Лили в виде лунного пейзажа с кратерами, любимая музыка Лили, любимые цитаты, сообщества, запросы, ссылки, новости, фотографии, видеозаписи. Придерживаясь строжайшего правила, Лара не открывала личную переписку сестры, но все остальное прослушивала и просматривала так тщательно, словно пыталась найти обрывки дорогих ей мыслей, отзвуки оборвавшегося голоса. Во всем этом была частичка вечности, на этих электронных вкладках все еще обитала ее бессмертная Лиля, так же, как и в ее душе, с той лишь разницей, что здесь она существовала отдельно. Обособленно.

С тех пор не проходило и дня, чтобы Лара не заглядывала сюда. Она делала это тайком, словно совершает преступление, хотя и знала, что любой может обнаружить то и дело обнуляющийся счетчик времени, говорящий об активности аккаунта. «Любой» значило «Егор» – а кому еще понадобится смотреть за страницей Лили? Но Егор не проявлял озабоченности. Лара еще раз убеждалась, что для него жена и правда

умерла.

Так было и сегодня: голосок, поведавший легенды здешних мест, разбудил в Ларе тоску, с которой она не могла совладать в одиночку. Как наркоман с ломотой абстинентного синдрома, она в который раз припала к источнику, травившему и утешавшему ее – она открыла Лилину страничку. Просто поразительно, как можно чувствовать, что плетешь оборванную нить чьей-то жизни, всего-навсего удаляя рекламные рассылки...

Она еще просматривала старые комментарии, когда Егор без предупреждения заглушил двигатель у очередного придорожного мотеля, внезапно решив заночевать в предместье Челябинска.

– Все, приехали.

Лара засуетилась, принялась обуваться и зашнуровывать кеды. Арефьев уже распахнул ее дверь, чтобы вытащить вещи. Вылезая из машины, Лара продолжала возиться со шнурком, на котором неизвестно как возник узел, и именно из-за этого маленького узелка все и случилось.

Вытаскивая сумку с фотоаппаратом, Егор случайно смахнул с сиденья Ларин мобильный, и, поднимая его с коврика, мимоходом взглянул на зазывно светящийся экран, на котором все еще была загружена Лилина страничка. Ему хватило мгновения, чтобы узнать ее. Когда Лара протянула руку за телефоном, было уже поздно.

– Что это?

– Ты знаешь, – решила не отпираться она.

– Откуда у тебя ее пароль? Я... то есть... Почему ты не заблокировала страницу? До сих пор!

– Отдай мне мой телефон, – наплевав на развязанный шнурок, Лара тоже вышла из машины и встала рядом с Арефьевым.

– Лара, послушай...

– Отдай!

– Скажи мне, что ты там искала.

– Я ничего не искала. Это страница моей сестры, понятно? – кровь ударила ей в голову. – И если ты думаешь...

– Я думаю, что тебе надо было удалить страницу, – перебил ее Егор. – Уже давно!

– Это не твое дело!

– А это, – он сунул ей под нос предательски горящий экран и прежде, чем она успела выхватить телефон, снова отдернул руку, – не твое! И не мое тоже.

– Ладно! Отлично! Мысль понятна! – Лара разозлилась не на шутку. – А теперь дай сюда.

– Что ты там искала?

– Если ты о переписке, то я не такая! Не имею привычки читать чужие сообщения, – Лара обдумывала, броситься ли ей на него, но в то же время осознавала, что смотреться это будет комично, а что самое главное, схватку таким образом ей не выиграть. Вспомнилась сцена у ее подъезда, только тогда Арефьев угрожал сломать диск. Черт, почему он всегда встает у нее на пути?!

Егор упорствовал:

– Если нет, тогда зачем тебе заходить под ее именем?

Не получив ответа, он скользнул глазами сначала по ее лицу, потом по протянутой к нему руке и гаснущему экрану мобильного:

– Ты удалишь страницу? Сейчас?

– А то что? – Лара скрестила руки на груди. – Что ты мне сделаешь?

– Я так понимаю, ответ отрицательный? – уточнил он.

– Да, папочка, – скривилась она. – Ответ отрицательный. Потому что это не твое дело. Потому что из нас двоих я знаю пароль, а ты нет. То есть мне она доверяла больше!

Егор вздохнул:

– Не сомневаюсь.

И прежде чем Лара поняла, что он делает, Арефьев уже сел в машину и заблокировал все двери.

– Эй! – она принялась долбить ладонями по стеклу и дергать ручку. – Открой! Что ты там делаешь!

Егор, полностью ее игнорируя, углубился в изучение аккаунта, пролистывая пальцем вкладки и что-то нажимая. Лара продолжала взламывать машину:

– Не смей читать, это ее сообщения, не твои! Открой сейчас же, слышишь! Егор, ну пожалуйста, открой, перестань. Это не смешно!

Егор потер рукой лоб, отгоняя мгновенное сомнение. И тогда вдруг Лара с ужасом поняла, что именно он собирается сделать, и забилась в окно как птица:

– Не смей! Не смей это делать! Егор, пожалуйста. Пожалуйста, я тебя умоляю, только не это. Не надо...

Она даже не замечала, что плачет. Когда наконец Егор опустил телефон и посмотрел на нее сквозь стекло, в его светлых глазах Лара прочитала то, чего так боялась. И похолодела.

Дверной замок тихо щелкнул, Арефьев вышел из джипа и отдал ей телефон.

Со всхлипом Лара принялась пролистывать вкладки, сенсорный экран

с трудом распознавал движения ее дрожащих пальцев. Наконец она открыла нужную вкладку. Вместо аватара с лунными кратерами там зияло белое безликое полотно и единственная фраза: «Страница удалена».

Слезы потекли непрерывным потоком.

– Нет, нет... Как ты мог? Как же ты мог, зачем?.. Ненавижу тебя. Ненавижу.

– Пойдем, – глухо проговорил Арефьев.

И тогда она собрала все силы и бросилась бежать, не разбирая дороги, не обращая внимания ни на болтающийся во все стороны шнурок, грозивший ей падением, ни на окрики человека, которого в эту минуту действительно ненавидела.

К гостинице она вернулась спустя два часа, с трудом отыскав путь назад среди гаражей и домов низкой застройки рабочей окраины. Уже вечерело, гулкую от рыданий голову приятно холодил воздух, ползущий из оврага и смешивающийся с теплым потоком от нагретых за день бетонных стен здания, запахом пыли и дивным ароматом старой черемухи, цветущей неподалеку так щедро, что под ее белыми ризами едва угадывалась свежая листва.

Тронув рукой шершавую водосточную трубу, Лара остановилась, собираясь с мыслями и глядя, как над крыльцом загорается, мигая с нервным тиком, неоновая вывеска. Ей было тошно от осознания того, что идти больше некуда, и в любом случае нужно возвращаться к Арефьеву.

Тут ее внимание привлекло какое-то шевеление возле их припаркованного джипа. В сумерках было плохо видно, Лара, прищурившись, сделала пару шагов и различила парня, который в этот самый момент вскрыл замок и распахнул дверь. Взвыла сигнализация. Девушка бросилась вперед:

– Эй!

Парень проворно схватил с переднего сиденья сумку и бросился наутек.

Лихорадка Лариных размышлений. Бежать за ним? Звать на помощь? Сумка, сумка, что за сумка была на переднем пассажирском сиденье?..

И тут же ответ, как удар тока. Лиля. Рюкзачок.

Лиля.

Лара рванула вдогонку. Вор был всего метрах в тридцати впереди и бежал быстро и ровно, его локти равномерно ходили взад-вперед, словно все тело приготовилось к изнуряющему марафону. У него было преимущество в скорости, но Ларина мотивация явно превосходила. Злость

и страх («догоню и убью, только не разбей, только не исчезни, я этого не переживу!») делали ее гончей на охоте, так что все вокруг, кроме спины ее жертвы, превратилось в пелену смазанных кадров.

Парень бежал, петляя, как заяц, ныряя в подворотни, так что Лара пару раз на полном ходу врезалась в углы домов, стараясь не упустить его из виду. Несмотря на ее усилия, на разрывающиеся, огнем горящие легкие, она не могла его нагнать. Но сдаться она тоже не могла.

Вот похититель бросился в проулок и пересек двор, окруженный трехэтажками и весь увешанный сохнувшим на веревках постельным бельем. Он ловко подныривал под простыни, и Лара повторяла этот трюк, но внезапно один из пододеяльников соскользнул с веревки прямо на нее. Она беспомощно забарахталась, сдернула и отшвырнула его, не слушая хозяйского гневного вопля. Но время было упущено, она увидела, как спина парня мелькнула далеко впереди. Лара, подгоняемая ужасом того, что вот-вот потеряет его, понеслась дальше.

После этого двора начался большой пустырь, заросший полынью и тысячелистником, а за ним тянулись унылые ряды гаражей и контейнеров. Она заметила, как парень забегает в один из них, и, воодушевленная, пустилась следом. Через полминуты Лара была на месте и без лишних раздумий заскочила внутрь.

Вор не ожидал, что она настигнет его. Он уже развязывал тесемки рюкзака, желая проверить добычу, когда Лара появилась на пороге, и за ней громыхнула тяжелая железная дверь. Болтающаяся под потолком лампочка вздрогнула, и по стенам закачались тревожные желтые тени.

– Верни мне мой рюкзак, ты!

От неожиданности парень мягко, пружинно осел, отступая в тень, и этим снова напомнил зайца. В левой руке он держал рюкзак, внутрь которого так и не успел заглянуть, а правой пошарил на полке стеллажа, и в ней нехорошо блеснул ножик.

Лара быстро оценивала ситуацию, и то, что Лиля когда-то назвала эмоциональным рентгеном, заработало на полную мощь, так что голова чуть не взорвалась от напряжения и яркости. «Страх быстро рассеивается, это оттого, что я одна и выгляжу неопасно, а у него нож... Но агрессии немного». Силы и впрямь были неравны. Но уйти она все равно не могла.

– Отдай, и мы разойдемся по-хорошему. Я не хочу проблем, тебе они тоже незачем. Просто для меня рюкзак важен, а для тебя нет. Он стоит копейки, много ты за него не выручишь.

– Насколько важен? – парень сделал пару шагов вперед, встав под лампочкой.

На вид ему было не больше восемнадцати. Коренастый, с довольно спортивной фигурой – видимо, именно регулярные тренировки позволили ему так быстро убежать от нее. Леденцово блестящие, облизанные тонкие губы, лоб и щеки, густо покрытые воспаленными прыщами, кое-где в засохших кровавых корочках. Вокруг парня начинало клубиться что-то красное, с грязным опасным привкусом. Лара содрогнулась от страха и отвращения, но все же ответила:

– Очень важен.

– Ну тогда гони бабло.

– Я... у меня ничего нет, – растерялась она, с безумной надеждой шаря по карманам. – Вот...

На ее вспотевшей ладони лежали три монеты, на которые в сумме можно купить разве что жвачку. Парень ослабил. Его взгляд соскользнул с Лариной руки на грудь, все еще неровно волнующуюся от долгого бега, с капелькой пота, которая медленно катилась все ниже и ниже в трепещущую ложбинку, пока не скрылась за вырезом майки. Алая дымка его ощущений стала наливаться и густеть, обозначая ничем не сдерживаемую похоть.

«Только не это», – успела подумать Лара.

– Девкам всегда есть чем заплатить... – он неторопливо, вальяжно направился к ней, пугая все больше. – Мы с тобой сейчас повеселимся. Раздевайся.

Понимая, что убедить не получится, она покосилась на дверь. Бежать! Это было бы логично и даже просто – вряд ли он погонится за ней. Но тогда урна с прахом Лили останется в этом гараже. И все будет хуже, чем просто кончено.

Не давая себе возможности передумать, Лара кивнула. Все это неважно, просто нужно отключить голову и переживания и сделать...

Она стиснула зубы и отступила на шаг, чтобы избежать близости парня: какая щепетильность, учитывая, что сейчас произойдет! Решительно потянула вниз «молнию» джинсов. В установившейся тишине этот звук показался ей самым пошлым и омерзительным из всего, когда-либо слышанного.

Все внутри нее корчилось от ужаса и стыда, она готова была молить, ползать на коленях, торговаться. Но вместо этого заторможено, скованно стянула одну штанину, другую, аккуратно сложила джинсы пополам и оставила на старом деревянном ящике от овощей. И замерла. Майка и трусики – вот и все, что у нее осталось. И решиться снять их было сложнее, чем джинсы.

Лара умоляюще взглянула на парня, но споткнулась о его остервенело-

лихорадочное зарево вождения, в котором стремительно растворялись последние капли осторожной недоверчивости. Заметив, что она застыла, парень снова подошел вплотную:

– Что задумалась?

У него уже не было ни ножа, ни рюкзака. Рука легла на Ларину грудь и грубо стиснула, а вторая моментально оказалась между ног. Липкую подрагивающую ладонь от ее заледеневшей плоти отделял только лоскуток хлопка. Лара испугалась, что ее сейчас вырвет, и взбрыкнула, начала отбиваться, отбрасывать его руки, извиваться. Но парень оказался очень сильным.

– Помогите! – крикнула она изо всех сил, и тут же получила по лицу так, что отлетела в угол, на пыльный пол. На пару мгновений Лара перестала соображать. Ощущала только: древесную стружку, приставшую к ладоням, и звон в голове, будто ударили не рукой, а чем-то вроде доски, да еще с размаху. Очнулась она только от звука рвущейся на ней ткани и снова забилась, пытаясь руками отстранить наваливающееся на нее тело.

И тут краем глаза заметила движение. «Господи, неужели еще кто-то...» Тело, лежавшее на ней, стало вибрировать, сопротивляясь чьей-то хватке, а потом и вовсе соскользнуло в сторону. Посыпались беспорядочные удары. Лара отползла в самый угол и прикрыла голову руками.

– Лара, вон отсюда!

Голос принадлежал Егору, но в клубке двух сцепленных тел она едва различила его. Арефьев и ее несостоявшийся насильник катались по полу, производя какие-то утробные животные звуки и нанося удары, раздававшиеся ненастоящими хлопками. Немыслимо, что этот звук производили кулаки, врезаясь в человеческую плоть.

Тем не менее приказ был воспринят беспрекословно и мгновенно. Лара метнулась к джинсам, втиснулась в них за секунду и, прижав к груди рюкзак со своим спасенным сокровищем, исчезла за дверью.

Она не знала, что ей делать. Дорогу обратно она найти не могла, да и оставить Егора в гараже, несмотря на приказание, было бы неправильно, но сунуться туда снова Лара боялась. Так что она слонялась неподалеку, а с наступлением темноты и вовсе присела на старую крышку, не сводя глаз с желтой, подсвеченной изнутри дверной щели в дальнем конце вереницы контейнеров и гаражей.

Лара обхватила руками колени, сжалась в комочек, то трясясь всем телом, то вдруг успокаиваясь, то начиная обгрызать ноготь, сломавшийся во время схватки. Ее мучило неведение. Что происходит? Почему Егор не

выходит? Почему так долго? Кто победил, он или тот парень?

Наконец переживания за Егора пересилили первобытный страх, и Лара осторожно, стараясь не хрустеть гравием, подошла поближе. Тихий разговор двух мужчин, подходящий к концу, показался ей галлюцинацией, и она заглянула в щель неплотно прикрытой двери, в залитое гепатитным светом гаражное нутро.

Егор и его недавний оппонент вполне мирно соседствовали на перевернутых овощных ящиках.

– Ты все-таки странный, – продолжал со вздохом парень, неосознанно трогая прыщ на лбу. Под глазом у него наливался видный Ларе даже от двери фингал. – Набил мне морду, а теперь так спокойно говоришь о таких штуках...

– Просто я знаю, о чем говорю, Женек. Я был на твоём месте. Но со мной никто не говорил, ни во что не посвящал, так что приходилось дойти до всего самому. Так что не лажай больше, лады? Ну все, бывай!

Егор поднялся, протянул Женьку руку, и тот крепко пожал.

– Слушай... А что в рюкзаке? – поинтересовался парень, когда Егор был уже возле двери. – Девчонка твоя была готова ради него на все.

– Там... урна с прахом, – Егор явно не горел желанием делиться с парнем всей историей.

– Чего? – не понял тот.

– Урна. Знаешь, когда человек умирает, и его не хоронят, а сжигают, а пепел потом развеивают. Вот в рюкзаке и лежит урна. Ее сестра.

Женек присвистнул. Было заметно, что ему не по себе.

– Блин, она бы сразу сказала. Я бы это... отстал.

– Ну, в следующий раз так и сделает. Я ей передам.

Подойдя к Ларе, Арефьев оглядел ее цепко, насколько позволял слабый свет фонаря, наверняка отмечая и синяки на предплечье, и ссадину на ладони, и уж тем более – разорванную до половины по шву майку. Сдернул с себя толстовку, помог Ларе надеть ее, как ребенку застегнул молнию до самого подбородка, взял за руку и повел прочь.

Она ждала чего угодно – проклятий, увещеваний, обвинений, – но Егор оставался молчалив, и в этом безмолвии не было гнева, накала, агрессии – ничего, что бы напоминало о недавней свирепой драке. Лара все ждала, что он потребует объяснений или сам объяснит что-нибудь, но Арефьев просто вел ее по каким-то закоулкам так уверенно, что не возникло и мысли усомниться в правильности их пути.

Наконец она не выдержала:

– Как ты меня нашел?

– Я видел, когда ты за ним погналась, и побежал следом. Потерял вас только у гаражей. Так что спасибо, что хотя бы голос подала...

События недавнего прошлого казались такими ненастоящими, что Ларе почудилось – она смотрит кино с собой в главной роли. Призналась:

– Я видела, вы не все это время дрались. Что ты ему говорил?

– Ты правда хочешь знать? Это не для женских ушей...

– И все-таки? Вкратце?

Егор провел рукой по затылку, растрепав кудрявую гриву:

– Что нельзя никого насиловать. Что он непременно за это загремит на зону, а там таких не любят. И что лучше пусть устроится на работу, потому что, если у него будут деньги, проблем с сексом не возникнет.

– Что-о?! – Лара вытаращила глаза.

– А что я должен был сказать? Что после изнасилования... – Егор тактично избегал упоминания Лары, хотя и думал о ней, она видела это по глазам, – его настигнут муки совести и жизнь его будет разрушена, а на том свете его ждет страшный суд? Он бы меня послал, и правильно сделал. С каждым человеком надо говорить на его языке, иначе тебя не услышат. И потом – что я сказал неправильного?

– Ты фактически посоветовал ему покупать секс за деньги!

– Да. А что, это проблема?

– То есть для тебя это приемлемо? – их разговор не укладывался в ее голове.

– Для меня нет. Но мы ведь не обо мне сейчас говорим? Или обо мне? Хочешь узнать что-нибудь из моей неофициальной биографии? – усмехнулся мужчина. – Лучше спрашивай напрямую.

– Ну уж нет, спасибо! – Лара, чувствуя озноб, сунула руки в карманы. – Я думала, ты сдашь его в полицию или что-то типа этого. А ты давал советы... Уму непостижимо. Он ведь чуть меня не...

– Знаешь что? Сначала он бил меня, а я бил его. Потом бил только я. Потому что надо было вышибить из него все это, и потому что... – Егор словно покатал слова на языке, прежде чем произнести их, – потому что мне этого хотелось. Уделать его до полусмерти. А потом мы поговорили. Ему семнадцать, парня затапливают гормоны. Внешность подкачала, так что ему не особенно везет по этой части. К тому же слабовольный отец и мамаша, которая чуть что всегда говорила: «Ты что, озабоченный?» – или ломилась в ванную в самый неудобный момент. Ему никто не объяснил, что у людей ЭТО должно происходить по взаимному согласию. Я видел такое раньше. Мужская натура... Мы разрушители, особенно в подростковом

возрасте, когда еще не соображаешь, что к чему. Просто чувствуешь, что внутри все кипит. Это потом большинство учится понимать свои желания, укрощать их. Взрослые лучше знают, как получить желаемое без крайностей. Незачем насиловать, если можно соблазнить или купить. Моя позиция кажется тебе жесткой, понятное дело, но в глубине души ты знаешь, что я прав. Разделять на «плохо» и «хорошо», добрый и злой, шлюха и приличная женщина, развратник и святой... Так по-детски, Лара!.. Либо инфантильность, либо лицемерие и ханжество. На самом деле все куда сложнее, чем тебя учат в детстве. И если ты хочешь быть взрослой... В твои-то годы.

– Я разве что-то сказала?

– Ты громко подумала.

Несколько кварталов они шли в тишине, и Лара украдкой изучала профиль Егора. Из его разбитой нижней губы сочилась кровь, и когда она собиралась в большую каплю, Арефьев слизывал ее. Лара гадала, где еще у него болит, наверняка повреждения в драке губой не ограничились. Она и сама ощущала, как отяжелела левая сторона ее лица от того единственного удара, и старалась не думать о том, как будет выглядеть завтра.

– У тебя кровь идет.

– Ты не представляешь, на что способен мужчина, когда он хочет женщину! – Егор засмеялся, придерживая разбитую губу пальцем. – Я еще легко отделался...

– Секс, всегда секс! Черт! – вскипела Лара. – Как будто все в этом мире вертится вокруг него! Ну неужели у людей нет ничего более важного, чем тереться друг о друга гениталиями? И думать о том, как бы потереться?

– Если ты так к этому относишься, ты глупее, чем я думал. Или просто не повезло... – в его глазах загорелся лукавый огонек, и Лара покраснела:

– Тебе еще и смешно?!

– Хм... Ты цела и невредима, я почти цел и невредим. Ничего трагического не случилось. И если уж начистоту... Не только Женек виноват в произошедшем. Почему твои джинсы не были заброшены в угол, или разодраны насильником в клочья, а преспокойненько лежали сложенными? А?

Он все-таки заметил. Был в гараже всего миг и все-таки заметил... Лара прикрыла глаза, давая себе время подумать. Никакого логического оправдания не находилось, и со стороны все произошедшее выглядело очень двусмысленно. Особенно со стороны Егора.

– И о чем ты думала, Лара? Я знаю, как все было, он сказал, но... О чем ты только думала?

Она тяжело вздохнула и обняла висящий у нее спереди рюкзачок. Вдалеке уже показалась вывеска гостиницы.

– Мой совет на будущее – не играй с мужчинами, даже самыми юными, они этого не любят... Так или иначе... – едва слышно пробормотал Егор, – я очень рад, что с тобой все в порядке.

Несмотря на то что утром ни один из них не возвращался к вечернему происшествию, в отношениях между Ларой и Егором что-то неуловимо изменилось. Как бы Ларе не хотелось этого признавать, она испытывала благодарность за вчерашнее спасение. Левая сторона ее лица немного припухла, щека ныла изнутри, разбитая о зубы в момент удара Женька, и вид ссадин на костяшках кулаков и раскроенной губы ее спутника будил в Ларе неведомое ей раньше тепло. Она вспоминала недавние слова Егора о том, что они должны быть сообщниками в этой дороге – вряд ли он имел в виду именно это, улыбалась Лара про себя. Но на душе у нее посветлело.

А еще она не могла выбросить из головы то, что Егор говорил, пока они брели до гостиницы. За его словами, за его советами Женьку, пусть даже преподнесенными ей в кратком выхолощенном пересказе, Ларе чудился другой опыт, другой Арефьев. Тот, кто точно знал, о чем говорит. Тот, кто не ходил в идеально скроенных костюмах. О ком она даже не догадывалась. Значит, он не всегда был уверенным в себе, безупречным Егором, для которого не существует трудностей. Были и тяжелые времена. Что она слышала о его детстве, о его взрослении, о его женщинах – о том, что предшествовало его знакомству с Лилей? Теперь Ларе хотелось узнать.

Но Егор помалкивал – по уже установившемуся между ними уговору, и она вела машину, следя за дорогой и резко отдергивая взгляд от очередного мертвого животного на сером асфальте. Сбитых животных было много, диких и домашних, и несмотря на то, что Лара строго-настрого запретила себе смотреть на них, еще ни одному человеку в мире не удалось проигнорировать смерть, ее глаза все равно цеплялись за эти кровавые дорожные вешки, и догадки подсовывались услужливым разумом так же мгновенно: вот собака, а этот рыжий комок, должно быть, лиса...

Они проехали километров двести, когда вдруг Егор потребовал:

– Останови!

Голос у него был непривычный, безжизненный.

– Что такое? – испугалась она.

– Останови, пожалуйста. Прямо сейчас.

Когда машина послушно замерла на обочине, Егор выскочил прочь. Лара встревоженно следила за ним, замершим у кустов, в боковое зеркало.

Что-то явно было не так. Лара отстегнула ремень и вышла. Ей сразу бросился в глаза пепельный цвет его кожи и мелкое, поверхностное дыхание.

– Боже мой, да тебя укачивает...

– С детства, – пробормотал Егор и согнулся пополам.

Лара сходила в машину за бутылкой воды и протянула ему:

– Это потому что ты едешь... на заднем сиденье?

Егор нехотя кивнул. Лара продолжала допытываться:

– И ты терпел весь вчерашний день?

– А что прикажешь делать? – слабо отозвался он. Конечно, ведь она так рьяно защищала переднее кресло, оставив его для Лилиного праха... – Мятные конфетки сосал.

Ларе стало стыдно:

– Ты мог бы объяснить...

На мучнистых губах Арефьева зародилась усмешка, и, хотя он промолчал, смысл ее был понятен.

Они вернулись к джипу, и Егор открыл заднюю дверь, собираясь занять место.

– Подожди, – Лара коснулась его руки и тут же убрала. – А за рулем тебя не укачивает?

– За рулем никого не укачивает. Думаешь, почему я научился водить, как только мне исполнилось четырнадцать?

И она все-таки решилась:

– Тогда поведешь ты. А потом поменяемся, и ты можешь сесть вперед. Раз уж такое дело...

Изредка попадались самодельные указатели на озера и рыбхозы, иногда озера проносились мимо – в этих местах озер было невероятно много. А вот людей и населенных пунктов не встречалось вовсе. И Лара впервые ощутила, что она не просто наедине с Егором в дороге, она наедине с ним в целом мире.

Она включила диск с классикой рок-н-ролла и отыскала на нем «Surf Rider». Своим настроением, пронзительностью эта старая мелодия так напоминала свободу. Пу-те-шест-вие... Гитарные переборы, образ далекого горизонта, ветра в лицо, развевающихся волос – и ощущение надежды, что за бледнеющей полоской, где небо льнет к земле, ждет что-то хорошее... Лара хотела послушать всего одну композицию, не уверенная, что Егору нравится подобная музыка, и при начальных нотах следующего трека потянулась к кнопке «стоп», но Егор мягко остановил ее руку:

– Мне кажется, из всего мира рок-н-ролл мог возникнуть либо в

Штатах, либо у нас. Такой простор... Впечатление, будто едешь куда глаза глядят, к горизонту, и только ветер в лицо...

Опять он это делает – читает мысли в ее голове! Выбитая из колеи, Лара принялась обгрызать сломанный ноготь, а затем попыталась обточить его о жесткий джинсовый шов. Пилка для ногтей, само собой, осталась дома.

Около Кургана они прослушали новое сообщение от Лили.

– *Вот уж не думала, что окажусь в этом городе,* – заявила та. – *Нет, правда! А еще странно, конечно, было называть город курганом, в честь захоронения... III век нашей эры, и разграблен тоже в те дремучие времена. Как город для живых людей может называться мертвым именем? Все равно что говорить: «Эй, привет, я живу в могиле!..»*

– Все воспринимается иначе, да? – заметил Егор. – Каждое ее слово имеет теперь другой смысл.

– Не хочу об этом говорить.

– Ладно, прости.

Вскоре Лара уже пожалела, что так оборвала его. Она чувствовала, что Егор – впервые за все их знакомство – хочет поделиться чем-то, что действительно его волнует. А она оттолкнула.

– Знаешь, раньше я была хорошей, – призналась она виновато. – Это сейчас я плохая.

– Ты не плохая. Просто тебе плохо.

– Да, мне плохо... Я слышу ее голос, и все становится лучше, но только ненадолго. А потом... Это не описать словами!

– И не описывай.

Лара только что заявила, что не хочет говорить, а теперь слова вдруг хлынули из нее:

– Двадцать девять. Знаешь, столько было нашей маме, когда она пропала. И я не хочу думать о том, что с ней случилось, потому что это слишком страшно. Но это теперь мне страшно, я выросла. А тогда... Уход мамы не стал для нас особым потрясением, – призналась Лара. – Звучит, конечно, ужасно, но нам было всего по восемь. В том возрасте все иначе. Мы всплакнули, погрустили, когда поняли, что она не придет, но... Она всегда много работала и дома бывала нечасто, и в школе нас окружало столько всего нового, что мама просто как будто растворилась где-то за границей жизни... Когда весной папа не разрешал слоняться по пустырю, чтобы искать там вышедшие из-под снега сокровища вроде битых стеклянных колпаков от ЛЭП и кусков разноцветной проволоки, чтобы сплести браслетик, – вот тогда было настоящее горе...

– Понимаю.

– На самом деле больше всего мы думали про маму, когда у папы появилась Рита. Мы уже учились в институте, такие взрослые и понимающие, как же! Сперва мы с нею враждовали. Она ведь отобрала у нас папу, как нам тогда показалось. И мы с Лилей ей мелко пакостили, грубили, насмехались, не разговаривали целыми днями. Даже вспоминать сейчас противно. – Но, произнеся это, Лара все-таки улыбнулась. – Наша партизанская война продолжалась, пока однажды Рита не расплакалась. Папа куда-то ушел, мы были втроем в квартире и делали вид, что ее не существует. А потом у нее сдали нервы. Она ревела и говорила, что больше так не может. Что она ни в чем не виновата и любит нашего папу. Я знала, это все правда. Видела все ее переживания. Но сначала все равно разозлилась, как будто Рита пустила в ход запрещенный прием... Как удар под дых.

Егор слушал внимательно, и Лара краешком глаза просканировала его настроение. Нет, никакого осуждения, он сосредоточен на дороге и ее рассказе. Тогда она продолжила:

– А потом я спустилась за вином. И мы решили проблему, поговорив по душам. Она рассказывала о своей жизни, о бывшем муже, который регулярно ее избивал... Когда папа вернулся, его ждали трое пьяных, но дружественно настроенных женщин.

– Ничто так не восстанавливает мировую справедливость, как две бутылки хорошего пива. Или, в вашем случае, вина, – понимающе кивнул Егор.

– Угу, – согласилась Лара. – Тогда-то, помню, вина было многовато. И знаешь... Я до сих пор благодарю бога, что мы не испортили все. А ведь могли. Особенно я. Я ведь вижу людей. Я могла надавить на самое больное, и Рита бы ушла.

Лара и сама уже не понимала, зачем признается в этом. Зачем намекает, что видит сокрытое. Ей было нужно, чтобы Егор понял ее – даже если для этого приходилось признаться в самом нелицеприятном.

– После того как папа женился на Рите, Лиля все чаще думала о маме, я знаю это. Она помнила ее всегда лучше, чем я, и шутила: а что ты хочешь, я же старше!.. Да уж, сорок минут имеют значение. И... Как-то раз Лиля спросила меня: может быть, она сама тоже не доживет до тридцатилетия? Я тогда не придавала этому значения. Наши дни рождения всегда почему-то нервировали ее, а уж тридцать лет – Лиля страшилась этого рубежа. Она воспринимала его какой-то точкой невозврата, что ли...

– Каждый день – точка невозврата, ты не думала об этом?

– Конечно, думала, мистер очевидность... Но тяжело осознавать такое ежедневно, знаешь ли!

– Почему вы все воспринимаете в темных тонах? – Егора так взволновал разговор, что он даже начал жестикулировать левой рукой. – Ничего нельзя вернуть, но это не значит, что все становится хуже! Да и вообще... «Хуже», «лучше» – всего лишь вопрос оценки.

Лара оставила его выпад без ответа, хотя и заметила, что он относился не только к ней, но и к Лиле.

– В прошлом году, – вспомнила Лара, – когда я ее поздравляла, она сказала мне: вот еще год, и все будет поздно. Я спросила ее – что поздно? А она засмеялась и стала перечислять: поздно, чтобы стать актрисой, космонавтом, балериной... Так странно, она никогда не хотела стать никем из них... Правда, танцами занималась, балльными, ей это очень нравилось. Но выбрала-то она все равно медицину. И была довольна этим, разве нет?

Лара заглянула Егору в лицо:

– Разве нет? Скажи мне!

Она спрашивала не о Лилиной профессии, а обо всей жизни. И Егор отозвался не сразу, тщательно выбирая слова:

– Она... Дело не в балете, и не в космонавтике, это просто предлог, конечно. Ей хотелось знать, что все возможно. Что она может изменить себя, жизнь. Что все можно переиграть. Что она ничем не связана и еще ничего не решено.

– Что решено?

– Ей хотелось быть свободной. Абсолютная свобода. Где она, в чем она – я не знаю.

Лара приложила руку к пылающему лбу:

– Нам с ней сейчас по двадцать девять. И вот она свободна...

– Еще нет, – покачал головой Егор, и Лара тотчас поняла, что он имеет в виду. Прах заключен в урну, как душа была заключена в тело. Но Ларе невыносима была сама мысль, что грядет тот день, когда путешествие подойдет к концу. День, к которому она не готова, а он уже мчится навстречу ей со скоростью пронесшихся мимо лесов, и вся планета летит в огромной черной звездной пустоте и вращается, подгоняя этот день, неумолимо ускоряя ход времени, похищая у Лары сестру, час за часом, минуту за минутой.

– Остановимся в городе? – предложила она, стараясь унять вращение Земли внутри себя. – Мне надо прогуляться.

На площади у облицованного белоснежным камнем здания, в котором

оба безошибочно угадали городскую филармонию, шумел фонтан. Солнце то заходило за пышные кучевые облака, быстро скользящие в вышине, то озаряло всю площадь, высвечивая стены филармонии, преломляясь в водяных струях и рассыпая по парапетам фонтанной чаши радужные блики. В людском гомоне, шуме машин, в самом воздухе чувствовалась пятничная расслабленность, к темноте обещающая превратиться в бесшабашность, и Ларино напряжение наконец-то стало отступать. Нежный июньский жар ласкал ее бледные плечи в вырезах майки, а ветерок шевелил волоски у основания шеи. Коснувшись рюкзака, который по-прежнему постоянно был рядом, Лара почувствовала, как нагрелся его кожаный бок.

Вокруг скакали дети, стайка подростков рассекала на роликах, зацепляясь друг за друга на виражах и отчаянно хохоча, помятого вида мужчина бродил в фонтане, закатав штанины до колен и выискивая что-то в воде, хотя Лара и сомневалась, что в подобном городе существуют те, кто кидает в фонтаны монеты. Или, по крайней мере, что таких людей наберется достаточно.

– Слушай, так нельзя! – Егор смотрел на нее, по своему обыкновению чуть склонив голову и прищулив один глаз.

– Что? – опешила она.

– Надо давать себе передышку. Хотя бы изредка. А то ведь иногда кажется, что ты либо переломишься, либо порвешься от натяжения, как тетива. Вот сейчас, например. Плечи как каркас, левый кулак сжат, будто для удара. Уж не меня ли собралась колотить?

Лара потрясла рукой, словно сбрасывая невидимое насекомое:

– Так лучше?

– Я сейчас, – Егор подскочил с парапета, сделал несколько шагов и обернулся: – Только, прошу тебя, никуда не уходи!

Она следила, как Арефьев перебегает площадь. Его движения, пружинистые, уверенные и четкие, выдавали человека, живущего в согласии с собой и своим телом, и Лара невольно позавидовала ему. Убедившись, что никто не смотрит, она сделала несколько наклонов головой, слушая, как щелкают позвонки, помассировала пальцами плечи и глубоко вдохнула. Откинулась, выставив назад руки, подняв лицо к густому солнечному свету, затекающему под сомкнутые веки, и представила себе горкой на детской площадке. Хлоп! – с горки скатилось, соскользнуло что-то тяжелое. Надолго ли?

Она опять вдохнула и огляделась. Вокруг кипела жизнь, Лара стала наблюдать за ней из-под опущенных ресниц. Люди походили на большие

калейдоскопы эмоций, и дважды рисунок ни у кого не повторялся. Вот две женщины средних лет общаются, сидя на скамейке, и любой посторонний уверился бы, что это две подруги, делящиеся новостями. Но Лара видела, что женщина в юбке со стразами окутана, словно плащом, серо-голубым унынием с оливковыми прожилками жалости и пурпурными – тщеславия. Ее собеседницу обуревали стыд, отчаяние и робкая, но все же не спутываемая ни с чем надежда. Лара любила замечать надежду, ее зеленый оттенок, а на кончике языка – ее мятный вкус, от которого мир становился краше и свежее. Вытащив из чехла фотоаппарат, она сделала несколько снимков.

– Вот это да, ты еще тут! – Арефьев уселся на парапет фонтана, не обращая внимания на водяную пыль, летящую от струй прямо на спину. И протянул Ларе пачку мороженого: – Мне пломбир, а тебе взял карамельное. Угадал?

Пока она разворачивала обертку, Егор порылся в кармане толстовки и выудил оттуда маленький маникюрный набор:

– Держи.

– Зачем это? – насторожилась Лара.

– Я заметил, ты сломала ноготь, и это тебя раздражает... А раз ты пытаешься запилить его о джинсы, значит, пилку ты забыла дома.

Она смутилась, и Егор, заметив это, тут же принялся увлеченно разворачивать мороженое.

– Можно подумать, ты агент тайной разведки... – проворчала она, чтобы Егор ни в коем случае не посчитал, что она благодарит его.

– Я просто внимательный. Нет, конечно, я мечтал быть разведчиком в детстве, после того как отец рассказал, что один его друг-разведчик прополз пять километров по трубе коллектора. Что такое коллектор, я не знал, как и то, что трубы бывают широкими, – мне казалось, что все трубы – как домашние, которые ведут к крану в ванной. Сама понимаешь, такой гибкий разведчик вызвал мое уважение. – Егор говорил, одновременно уплетая пломбир и причмокивая. – А сейчас я просто хорошо разбираюсь в людях, это помогает по жизни.

– Значит, внимательный и разбираешься в людях? – Лара подхватила его легкомысленный настрой и уже предвкушала свой тайный триумф. – Давай проверим! Что скажешь об этих ребятах? Какие у них отношения?

И указала на роллеров-подростков. Лара любила упражняться в таких задачках еще со школы, когда могла, оказавшись в незнакомой компании, за считанные секунды понять расстановку сил. Арефьев прикинул что-то в уме, глядя на ребят. Задумавшись, он мягко постукивал указательным пальцем

по губе, не обращая внимания, что ранка на ней еще не затянулась.

– Тут все просто! – заявил он. – Две девочки, три парня. Двое парней влюблены в блондинку – в этом возрасте все влюбляются в блондинок. И они пытаются «опустить» друг друга перед барышней. Вон как из кожи вон лезут, финтят, толкаются, показушно сплевывают и курят. Тем временем брюнетка влюблена в того из них, который в бейсболке, и, наверное, ничто не обрадовало бы ее сейчас больше, чем кирпич, упавший подруге на голову прямо с этих солнечных небес. А третий, парень на скейте, искренне не понимает, что происходит и из-за чего весь сыр-бор, он-то просто пришел покататься с друзьями.

Оторопев, Лара откусила слишком большой кусок мороженого, и во рту у нее все онемело. Она еще раз оглядела компанию роллеров. А ведь Егор прав!

– Допустим, – осторожно согласилась она, с трудом проглотив комок, холодно провалившийся в желудок. – А вон те дамы на скамейке?

Она была уверена, что подростков Егор разгадал из-за очевидности всей ситуации, тогда как с женщинами дело обстояло сложнее.

Арефьеву и правда понадобилось больше времени, так что Лара успела доесть мороженое и теперь пожевывала деревянную палочку от него, перекладывая ее из одного уголка рта в другой.

– Кажется, что болтают подружки, но нет. Им обеим неудобно. Разное социальное положение, ровесницы. Скорее всего учились вместе, а потом та, что в юбке со стразами, удачно вышла замуж. Вторая явно о чем-то просит. Думаю... да, точно, просит о помощи. Кто-то из близких попал в беду. А муж дамочки со стразами – большая шишка, врач или чиновник. Но она вряд ли поможет своей бедной знакомой, хотя ей это ничего не стоит, всего-то подластиться к супругу.

Взгляд Лары метался между дамами на скамейке и Егором: как, как он это делает? Не может же он видеть ореолы так же, как она?

– А вот тут пальцем в небо! – заупрямилась Лара. – Твоя правота под сомнением.

– Моя неправота под таким же сомнением, – парировал он. – Только если ты не пойдешь и не спросишь у них напрямую. Идешь?

– Хорошо, объясни.

– Смотри внимательно, – Егор подсел ближе, чтобы видеть объект их наблюдения с одного ракурса, и Лара ощутила его локоть, соприкоснувшийся с ее локтем. – Одна из них холеная, хотя и безвкусно одета, а у второй сумка вся обтрепалась и обувь стоптана. Положение разное, да и сидят друг от друга далековато, так что не подружки. У первой

на лице плохо скрываемая скука, а вторая тербит ремешок и все время пытается дотронуться до первой. И лицо припухшее, недавно плакала, а теперь явно просит о чем-то. О деньгах? Но разговор начался уже давно, а с деньгами все обычно решается намного скорее – да или нет. Значит, мольба о помощи. Работа?.. Возможно, но вряд ли, о работе редко переживают до слез. Нет, скорее касается кого-то из близких. Муж той, со стразами, какой-то большой человек. И просительница умоляет спасти дорогого ей человека – или от болезни, и тогда большая шишка – врач, или от тюрьмы или чего-то подобного, и тогда большая шишка – чиновник. Ну а раз даме со стразами скучно, скорее всего, хлопотать она не будет.

Это было действительно здорово. Лара вдруг испытала удовольствие оттого, что этот мужчина рядом с ней видит сокровенное, почти как она – но все-таки иначе. Но вслух она не позволила себе восхищаться чудесами его логики, наоборот, возразила:

– Не пойму, муж-то тут при чем? Может, это она сама...

– И одевается в стразы? Чиновница или врач – ни та, ни другая не оделась бы так. Надеюсь!

И Арефьев принялся поедать стремительно оплывающее в трескучую фольгу мороженое.

– А ты и правда психолог. Откуда у тебя это?.. – Лара была заинтригована. – Я никогда не слышала ничего подобного.

– Скажем... Когда твоя жизнь зависит от того, насколько быстро ты соображаешь, кто перед тобой стоит... Ты начинаешь соображать очень быстро! – И даже жизнерадостный его тон Лару не обманул. Было в прошлом Егора что-то, о чем он не собирался откровенничать. И она вспомнила, что в ту самую минуту, когда впервые увидела его в ресторане рядом с Лилей, она уже догадывалась о существовании этого опыта. Только потом забыла. Вот интересно, знала ли об этом и Лиля?

Задумавшись, Лара все еще продолжала неосознанно посасывать палочку от эскимо, пока не наткнулась на взгляд Егора, который следил за ее губами со странным выражением. Спohватившись, она резко вытащила изо рта палочку и встала.

– Наверное, нам пора?

По пути к машине их обогнала давешняя женщина в юбке со стразами. У остановки ее уже ждал черный седан, и стоящий рядом тучный мужчина в костюме протирал платком лысину. Под лобовым стеклом машины белел пропуск с большим российским триколором и надписью «Городской суд». Значит, все-таки чиновник, – подумала Лара и, обернувшись к Егору,

увидела, что он подумал о том же.

– Что так долго? – с неудовольствием вздохнул мужчина, когда жена кивнула ему.

– Да так, встретила знакомую. Едва отделалась! – она картинно закатила глаза.

Обходя автомобиль, дама поравнялась с Ларой и Егором. И внезапно Лара решилась.

– Вы должны помочь ей. Она ведь вас умоляла! – проговорила Лара негромко. Женщина застыла, испуганно прижав к груди сумочку – тоже со стразами:

– Что?

Но Лара и Егор уже перебежали дорогу перед приближающимся автобусом.

– А ты добрая! – перекричал Арефьев шум дорожного потока.

Лара поморщилась, оставляя реплику без ответа, и нажала кнопку на брелке, открывая припаркованный джип.

– Только, если тебя укачивает, ты лучше сразу говори, и я остановлюсь, – предупредила она. – Не хочу, чтобы ты терпел из последних сил.

– На переднем сиденье все будет хорошо. И потом... Ты уверена, что меня и правда укачивает? – в глазах Егора прыгали смешинки. – Может быть, я устроил маленький спектакль, потому что мне до чертиков надоело болтаться сзади?

– Ах ты... – она замерла, не находя нужного слова, чтобы выразить всю глубину своего возмущения. И чтобы не рассмеяться. – Ты что, правда все это подстроил?!

– Видишь ли, добрая Лара... – вкрадчиво начал Егор. – Ты никогда не узнаешь этого наверняка. И уже в любом случае не сошлешь меня на заднее сиденье. Вероятность, что я буду испытывать там физические страдания, никуда не делась. А ты... Скорее ты оставишь меня впереди, чем допустишь хоть малейший шанс, что не поверила хорошему человеку и отправила его на пытки.

– Ты невыносим!

И тут Егор улыбнулся – своей свободной, ничем не омраченной, почти легендарной улыбкой.

Такую улыбку она видела всего у двух людей в жизни. Первый раз это случилось на отдыхе в Крыму, лет восемь назад, когда они с Лилей познакомились на ступенях концертного зала с ничем не примечательным парнем. Девчонки даже хотели отшить этого неловкого студентика, пока не

увидели, как он улыбается. В тот день близняшки поверили в существование кэрролловского Чеширского кота, или, по крайней мере, в существование его улыбки, потому что видели ее прямо перед собой. Она жила, как и полагается, будто бы отдельно от своего владельца, который – без нее – был по-прежнему ничем не примечателен.

Егор Арефьев, вероятно, тоже имел к Чеширу какое-то отношение. Его улыбка зарождалась медлительно, почти лениво, в глубине глаз, а потом вдруг ошеломительно, ярко расцветала даже не на губах, а на всем лице целиком, так что невозможно было удержаться и не улыбнуться в ответ. Лиля, бывало, шутила, что хоть Егор и достался ей с своей чеширской улыбкой, но она так и не сообразила, улыбка ли прилагалась бонусом к мужу или, наоборот, муж к улыбке. И только сейчас Лара задумалась, насколько давно она видела эту улыбку в последний раз. Времени с того момента прошло намного больше, чем со смерти Лили! Не сказать, чтобы все эти месяцы Егор ходил угрюмым, но то были скорее ухмылки, усмешки или жалкие подобию того, что она когда-то видела и о чем сохранила – против своей воли – смутную тоску.

Глава 6. Подводное царство

Требовалось время, чтобы свыкнуться с меняющимся настоящим. И именно его-то у Лары и не было. Часы и события сжимались, как газ, нагнетаемый под давлением в баллон. Сколько прошло с того момента, как она повернула ключ в замке своей московской квартиры? Она даже не помнит, в какую сторону открывалась дверь и как выглядел тот ключ. Как выглядит ее дом, улица, вся жизнь, которая осталась – там. Дорога – вот что реально. Каждая остановка, заправка, обед, поход в кустики у обочины – все это было чем-то чреватом, все это привносило едва ощутимый привкус, которому не было названия. Но то, что в первый раз казалось привкусом и тончайшим намеком, в седьмой начинало звучать как основной вкус, основной цвет.

Реальность.

Егор Арефьев. Давно ли он был врагом? Человеком, который не оплакивал ее сестру. Мужем, который не оплакивал свою жену. А полчаса назад они сидели и поедали мороженое, в центре города, о существовании которого Лара если и знала, то забыла, пока не отправилась в путь. И в мгновения, наполненные июньским светом и водяной пылью, вспыхивающей радугами, она не испытывала к нему прежней жгучей обиды и ненависти, хотя и очень того желала бы. Она не доверяла ему до сих пор – но он занимал ее мысли. И кто она после этого? Неужели этому

сладкоречивому негодяю с богатым прошлым все-таки удалось ее обдурить? И где, когда именно это произошло – она проморгала точный момент.

Лара с усилием заставила себя мысленно вернуться к сцене трехмесячной давности, к следующему дню после смерти Лили – который был отчасти и днем ее смерти тоже. Могла ли она упустить что-то в настроении Арефьева? Недооценить его горе? Может быть, данные в уравнении были неверны с самого начала?..

Сидя за рулем, Лара хоть как-то могла справляться с беспокойством, но, когда она поменялась местами с Егором, тревога стала напоминать настырного котенка, лижущего ее мозг шершавым язычком без усталости и перерыва.

И она сбежала в прошлое. Снова в воспоминания о детстве, умноженном на двоих: на нее и Лилю... Раньше, когда ей хотелось одобрения или восхищения, сестра всегда была рядом. Вот кто хвалил, радовался вместе с ней успехам, насмешничал над Лариными критиками. И глядя глазами Лили, Лара на время успокаивала растущую внутри неуверенность в себе и своем пути. Теперь сестры не было. Что будет, когда они доедут до озера?

– Когда ты грызешь ногти, ты становишься похожа на маленькую девочку, – оказывается, Егор продолжал наблюдать за ней в зеркале. Лара отдернула руку ото рта и со вздохом достала пилку из нового маникюрного набора. Нет, не дождется он от нее слов благодарности.

– Плохая привычка. Я почти избавилась от нее.

– Но продолжаешь грызть ногти, когда тебя что-то гложет, ведь так?

Почему-то Лара расстроилась. Ей не хотелось бы, чтобы Арефьев всегда так легко узнавал о ее душевном состоянии, не хотелось быть перед ним обнаженной.

– Ох, ты продолжаешь строить из себя всезнайку? – скривилась она. – Все знают, что люди грызут ногти, когда нервничают, ты тут Америку не открыл.

– Ой, да брось! Что тебя так раздражает? Что не только ты видишь людей насквозь? Он самодовольно улыбнулся.

– Я не говорила, что вижу людей...

– Говорила, – хмыкнул Егор.

Лара пожалала плечами, всем своим видом показывая, что Егор может думать, как ему заблагорассудится. Но он в этот момент следил за дорогой и не оценил ее актерских способностей. Машину сильно тряхнуло на ухабе.

– А дорожка-то становится хуже... Я всегда знал, нас невозможно завоевать, потому что у нас невозможно проехать. Это часть стратегического плана обороны. Ладно, развлеки меня! Расскажи, о чем думаешь, – предложил Егор. Лара возмутилась:

– Вот еще новости. Я тут не для того, чтобы тебя развлекать!

– Лара, Лара... Как спичка, готова вспыхнуть в любую секунду. Что же ты ведешься на любую мою провокацию? Вероятно, я все-таки поторопился, собираясь взять тебя на работу...

Да он издевается! Лара едва успела прикусить язык, чтобы не нагрубить. Нет, не понимает она этого человека. Иногда он взрослый и рассудительный, а иногда ведет себя так, будто ему пятнадцать.

– Ты, случайно, не забыла про Лилин диск? Самое время слушать...

– Можно подумать, это я тут главная, – пробормотала Лара. Егор, все еще пребывая в беспричинно радостном настроении, хохотнул и послушно запустил запись.

– Мы наверняка едем по какой-то глухомани, – с нежностью сообщила Лиля. – Вокруг ни души, возможно, не очень хорошая дорога... Но все равно красиво! В этих местах нам надо выбрать одну из трех дорог, почти как в сказке. Ясно, что по старой дороге, через Казахстан, мы не поедем, но остаются еще две. Что, будем полагаться на навигатор?

Во время ее долгой паузы, сделанной явно для согласования маршрута, Егор не проронил ни слова, а Лара оглядела окрестности и представила, как на каком-то минутном привале, здесь или на следующем километре, они выходят из машины – втроем. Лиля улыбается, потягивается, чмокает

Егора, тот приобнимает жену за талию, свидетелем чего Лара была, наверное, сотню раз. А сама она стоит поодаль и старается не глядеть на супругов, чтобы не смутить их, – и ее глаза рывками выхватывают горизонт с неровными кромками темного леса.

– Если бы я не стала эпидемиологом, я бы, наверное, стала путешественницей, – продолжала Лиля. – Профессиональной, я имею в виду... Хотя нет, конечно. Не могу себе представить, что чувствует Федор Конюхов, например, не говоря уж о жене, бедная женщина... Когда ты один на краю света, и все идет наперекосяк. Гроза или буря, и мачта сломалась... Брррр. Или тот парень, что недавно прыгал из Космоса. Что должно быть у человека в голове, чтобы он в полном одиночестве рискнул сигануть к планете с такой высоты, когда уже видно, что она круглая, и только чудом тебя захватывает гравитация. И тянет... Нет, выдающимся путешественником я бы не стала. Но, помнится, цыганка нагадала мне, что я буду знаменитой. Интересно в чем? Может, еще сбудется, какие мои годы? Лара считала, правда, что она шарлатанка... Хотя я уже знаменитая радиведушая – ведь в салоне нашего авто меня знают все и каждый, правда? Отступить некуда, только выше и вперед. И следующая песня как раз об этом...

– Забавно, я совсем забыла об этой истории... – Лара прильнула виском к прохладному стеклу. – Про цыганку.

– Это же Лиле нагадали, а не тебе! – Егор сделал энергичную «The only way is up»^[3] потише. – Вполне логично, что...

– Нет, не логично. Ты не понимаешь, Егор, у тебя ведь нет братьев и сестер. А мы... – Лара улыбнулась. – У нас одно детство на двоих. Мысли, воспоминания...

– Ошибаешься. У вас было два разных детства, – одернул ее Егор неожиданно жестко. Она опять оказалась не готова к такому повороту: Арефьев норовил ковырнуть свежую рану именно в тот момент, когда Лара теряла бдительность, и так снова и снова.

Но вместо того чтобы рассердиться, она стала соскальзывать в омут апатии.

– Господи, как же мне это надоело... – Лара рассеянно потерла пальцами лоб. – Знаешь что? Люди никогда не понимали то, что существует между нами. Это их забавляло, будто мы зверушки. А она тебе говорила о том, что в детстве у нас был собственный язык? Криптофазия – вот как это называется по-научному. Но, конечно, никому и в голову не приходило, что это не феномен, а наши души. Мы не предмет для опытов. Когда мы впервые услышали слово «криптофазия», просто были вне себя.

Отвратительно-медицинское слово. Оно не имеет ничего общего с тем, что было между нами с Лилей! Ты такой же, как и все, ничего в тебе нет особенного, ты просто ставишь эксперименты на всех окружающих. Тыкаешь гусеницу палкой и ждешь, пока она свернется. Эксперимент – вывод, вот и все!

Она замолчала, чувствуя на языке хининовую горечь.

– А почему ты думала, что я... особенный? – мягко поинтересовался Егор и, сбросив скорость, обернулся. Лара мотнула головой и закусила губу. Внутри у нее все дрожало на ниточке. – Может, ты и права, – вдруг согласился с ней Арефьев. – Но ведь эксперимент, опыт – единственный способ разузнать, как все устроено. Разве не так всегда говорила Лиля? Она, правда, имела в виду науку. Чаще всего...

Он усмехнулся:

– Помню, однажды я раздобыл у папиного друга, химика, люминофор. Это такая краска, которая светится в темноте, знаешь? О, это было круто! Я наловил в банку тараканов, покрасил им спинки этим люминофором, зарядил под лампой... А потом выпустил. Так я узнал, что мой отец тоже умеет кричать.

– Довольно жестоко, – пришлось признать Ларе.

– Видишь ли... Я был замкнутым и довольно пугливым ребенком. – Егор вздохнул. – А тараканов боялся просто до одури. Так что этот эксперимент тяжелее всего дался именно мне.

Ларино сердце кольнуло. Про детство Арефьева она никогда не слышала, но достаточно было единственного его признания, чтобы поразительно отчетливо представить себе маленького Егора. Сидящего за столом, с растрепанной вихрастой головенкой, с кисточкой в трясущихся пальцах, окутанного отвращением и страхом цвета «электрик», который, должно быть, так похож на люминофорных тараканов, копошащихся и налезających друг на друга в банке, словно сам сделан из них.

– Мы тоже вечно что-нибудь устраивали, – примирительно отозвалась Лара. – Просто сходили с ума. Пугали соседа, разговаривая замогильным голосом в сквозную розетку и вентиляцию. Ставили кактусам уколы с физраствором. Рвали друг другу зубы, привязав за ниточку к ручке двери. Рисовали на постельном белье зеленкой и йодом. Помню, однажды развели мыльную пену лохматым помазком в ванной и пытались побриться опасной бритвой.

– Побриться? – Егор озадаченно приподнял брови. – Зачем?

– Хотелось поскорее вырасти. И быть похожими на папу! Мамы к тому времени уже не было... Мы посчитали, раз папа взрослый и бреется,

следовательно, нам надо бриться тоже, и мы станем, как он, взрослыми. Ты думаешь, это было один раз? Неделю! Неделю мы заперлись в ванной и брились, пока нас не выловил папа и не объяснил, что девочек бог миловал от такого... Собственно, мы выкидывали что-нибудь почти каждый день. Прогуливали уроки. Пока...

Она осеклась, не в силах озвучить то, что вспыхнуло лампочкой в ее памяти. Все остальные ее мысли блуждали в тени, спутанные, тягучие и клейкие, как не вымешанное тесто. Хотелось погасить эту непрошеную лампочку, прикрыть глаза, замолчать, заснуть или... утонуть.

– Возьми ибупрофен из аптечки, – посоветовал Егор. Лара вяло отозвалась:

– У тебя болит голова?

– Нет, у тебя.

А ведь и правда, болит – как она раньше не заметила? Давит виски и глазницы, веки наливаются вязкой тяжестью, как перед непогодой. Во власти переживаний и воспоминаний она даже не сообразила, что ее состояние имеет вполне обыденное объяснение: мигрень. Дожили, теперь что, о ее мигренях ей будет сообщать несносный Арефьев?

– Как догадался?

– Вижу, как ты маешься. Прислонилась к стеклу, потому что оно прохладное, потерла лоб, несколько раз зажмурилась. Видимо, что-то с давлением, потому что про похмелье я бы знал, – хмыкнул он.

Лара зашуршала содержимым аптечного чемоданчика:

– Ты хоть изредка смотришь на дорогу? Вместо того чтобы пялиться на меня? – но, несмотря на едкость слов, в ее голосе было больше тепла, чем сарказма, и Егор это уловил. Приняв таблетку, она устроилась на заднем сиденье, свернувшись клубочком.

Арефьев заговорил только через несколько минут, мимолетно оглянувшись, чтобы убедиться, что Лара не спит:

– Вам повезло, тебе и Лиле. Я всегда хотел иметь брата или сестру, но мне не разрешали даже собаку. Знаешь, я редко вспоминаю о своем детстве, если честно. Детство по определению очень тяжелое время, почти невыносимое, даже если очень счастливое. У меня было счастливое, но дело вообще не в его «счастливости». Представь себе ситуацию: ты один ребенок в компании взрослых, и вдруг все начинают обсуждать что-то, о чем ты и понятия-то не имеешь, и это длится и длится. Или все смеются, а ты не понимаешь, над чем и что тут смешного. И смеешься тоже, за компанию. Видела когда-нибудь со стороны, как смеются дети? Они сначала всматриваются в лица взрослых, а потом хохочут заливисто и

неправдоподобно – потому что не понимают в глубине души, что было смешного, но и лицемерить еще не научились.

Лара затаила дыхание. Она слишком хорошо представляла, о чем говорит Егор, потому что за детским смехом частенько замечала всполохи смущения и грустного недоумения. И ей всегда хотелось подбежать к растерянному малышу, приласкать и все-все ему объяснить. Но это были чужие дети, и она не имела на это права.

А Егор продолжал:

– Или, например, тебя окружают предметы, назначения которых ты не знаешь, не понимаешь, как они работают и зачем. Раздражает? Еще как! Взрослый человек может спросить, потребовать объяснений. А маленький этого не делает. А если и делает, то объяснения родителей снова ввергают его в ступор непонимания. И так проходит не час, не пять минут – а годы. Этот мир рассчитан на взрослых. А человеческий детеныш, ко всему прочему, так долго растет... Дольше всех других млекопитающих. Как будто ты играешь в какую-то игру, правил которой не понимаешь... Ужасно несправедливо.

Он помолчал с полминуты, а когда заговорил, голос его смягчился:

– Помню, рядом с нашим домом было кафе-мороженое. Еще в советское время. Кажется, квартира на первом этаже, переделанная в кафе. Называлось «Садко», и снаружи на торце дома был изображен большой корабль в завитушках синих волн и белой пены... Там было всего несколько столиков, всегда полумрак, и стены разрисованы картинками сказочного подводного мира, ну, как, собственно, в «Садко». Я не читал эту сказку, так что не понимал названия, не знал, зачем там все эти подводные чудища, а спросить не догадывался. Мне там всегда было страшно. Эти картины меня очень пугали. Но там подавали удивительное мороженое. Шариками, с сиропом, с шоколадной крошкой, в круглых блестящих металлических вазочках. И поэтому я и боялся, и жаждал походов в это кафе. Я уплетал мороженое, стараясь не смотреть по сторонам, и разрывался между желанием растянуть удовольствие и слопать мороженое скорее и убежать, чтобы перестать терпеть этот страх. Это сейчас я понимаю, что ничего страшного там не было, но тогда воображение дорисовывало так много всего...

– А я боялась мерзких рож на ковре, что висел на стене в родительской спальне, – поделилась вполголоса Лара. – А как-то раз зашла в комнату, смотрю – нет там никаких рож, это просто красно-зеленый орнамент.

– Да, мне чудилось лицо с козлиной бородкой в выщербленном полу, на первом этаже в подъезде... – кивнул Егор понимающе. – Взрослые всего

этого не видят. Подумать только, целый невидимый мир. А еще помню, встретил в книге слово «метрдетель». Я не знал тогда, что во французском ударение всегда падает на последний слог, да и в ресторанах еще не бывал. Откуда мне было знать, что «метрдетэль»? И как-то раз произнес это слово вслух как «метро-дотель». Взрослые смеялись, а я не понимал, и было ужасно обидно. И чисто случайно узнал, что Бальзак, оказывается, не Оноре, а Онорé... а мне-то всегда казалось, что его имя имеет отношение к чьи-то норам. Сейчас звучит как бред.

Ларе показалось, что обращенное к ней Егорово ухо покраснело от смущения. Она впервые обращала внимание на подобную мелочь – обычно те же сведения она считывала с дымчатой мантии, клубящейся вокруг человека. Но у этого мужчины все не как у людей... Она подперла рукой голову, чтобы удобнее было поддержать беседу – и чтобы видеть собеседника. Ее неожиданно захватили его размышления.

– Так странно, что ты мне все это говоришь... Я тоже помню этот сумбур, эту кашу в голове, из которой изредка выныривало что-то путное... – задумалась Лара. – Кажется, у Лили каши было меньше... Она даже спала спокойно, на одном боку, а я всегда вертелась, ворочалась по ночам, и ноги попадали в прорезь пододеяльника... Помнишь, раньше в пододеяльниках были прорези посередине, в виде ромба? И мои ноги ночь за ночью оказывались там. А я не могла понять, почему не могу выбраться из кровати, когда вставала ночью в туалет. И меня это до смерти пугало.

– Вот-вот. Это ощущение детства – пододеяльник, в котором увязли ноги... – и Егор озабоченно замолк.

– Ты рад, что это закончилось и теперь тебе принадлежит мир? – тихо поинтересовалась Лара, переворачиваясь на спину и изучая дырчатую обшивку потолка. Ей казалось, что она летит в самолете. Волнение улеглось, таблетка уняла головную боль. И впервые за долгое время все стало почти хорошо.

Горы давно остались позади, они ехали по Ишимской равнине, и во все стороны от дороги лежали теперь степи, зеленые от весны, которая здесь наступала позже, и небольшие лесистые островки. Только что отремонтированные участки дороги, по которым джип летел, будто и не касаясь колесами земли, сменялись вдруг отрезками разбитого дорожного покрытия, с глубокими ямами, заполненными мутной водой, и вывороченными кусками асфальта. Так что Лара чувствовала себя то в самолете, то в телеге, подсакивающей на ухабах, причем с соответствующей телеге скоростью. Вспомнились слова Чехова про русские дороги: «Если бы кто посмотрел на нас со стороны, то сказал бы,

что мы не едем, а сходим с ума». За сто с лишним лет мало что изменилось по этой части, думала Лара и то и дело вздыхала: как же удачно, что она не отправилась в дорогу на своем стареньком «Опеле». Возможно, он бы этого не перенес и сломался где-нибудь вдалеке от человеческого жилища.

И, наверное, все же неплохо, что Егор тоже здесь. Какой-никакой, а спутник, на него можно положиться, да и не достает по пустякам, прекрасно чувствуя, когда Ларе хочется помолчать. Вот если бы он был ей другом... Если бы само его присутствие не причиняло ей боли... Тогда было бы совсем здорово.

Через несколько часов – Лара перестала следить за временем, когда оно стало утрачивать свою важность – Егор притормозил у обочины, и они вышли на улицу. Это было неуловимо похоже на ту остановку на обочине, что еще недавно представила себе Лара. Только вот из джипа они вышли вдвоем, без Лили... Впрочем, Лара тут же себя одернула: глупости, как это нет Лили? Лиля всегда рядом, они всегда вместе.

Солнце уже клонилось к западу, Егор изучал атлас, положив его на горячий капот. И по привычке легонько постукивал указательным пальцем по губам.

Повинуясь мгновенному порыву, Лара расчехлила фотоаппарат и сделала кадр: Егор, пристально изучающий карту. Он тут же встрепенулся:

– Эй, папарацци, такого уговора не было!

Лара усмехнулась и нажала на «серийную съемку». Раздался звук, будто внутри камеры вспорхнули какие-то жесткокрылые существа.

Егор прикинул что-то в уме.

– Хорошо, если уж ты так настаиваешь...

Его рука потянулась к ширинке джинсов. Кровь отхлынула от Лариных щек.

– Ты что делаешь?

– Ты не спрашиваешь разрешение у меня, вот и я не буду, – Лара видела, как его пальцы медленно тянут вниз язычок замка. На мгновения она оцепенела, а потом отпрыгнула в сторону и отвернулась, а для надежности и глаза рукой прикрыла.

– Ты псих! Настоящий псих!

И в ответ услышала тихое журчание со стороны обочины. И неожиданно для самой себя фыркнула и захохотала. Это был нервный смех смущения, усталости, отступающего напряжения, которое прогнала совершенно детская выходка Егора. Она продолжала смеяться, даже когда услышала визгливо застегнувшуюся молнию.

Егор протянул ей бутылку с водой, и Лара жадно припала к горлышку.

Она старалась не замечать его взгляда.

– Ты красивая. Когда не плачешь.

Горло Лары тут же схватил спазм, и она, захлебнувшись, фонтаном выплюнула воду. Теперь наступила очередь Егора покатываться со смеху. Откашлявшись, Лара насупилась:

– Над чем ржем?

– Нестандартные у вас, барышня, реакции на комплименты!

– Какие комплименты, такие и реакции, – нашлась она.

– Ладно, прости. Просто хотел сказать...

– Понятно, понятно! – она почему-то испугалась, что он снова произнесет это вслух. – Поедем?

Оба внезапно замешкались, глядя друг на друга поверх капота. Медленно остывающий двигатель напряженно щелкал, и раскаленный воздух расслаивался и дрожал, как будто между Егором и Ларой горел костер. На безлюдной трассе, в самом сердце равнины, было так тихо, что можно было слышать, кажется, даже биение их крови.

– Можно спросить? – она все-таки набралась смелости. – Помнишь ту заправку... Ты увидел меня и облился кофе. Как будто испугался...

– Тебе это не понравится, – горячий ли восходящий поток взвился перед Егором, или и правда дымка какого-то ощущения? Лара снова не разобрала, так мимолетно это было.

– Но все-таки! – настаивала она.

– Тогда... на секунду я принял тебя за Лилю. – И, видя, что Лара молчит, Егор решил объяснить: – Это невероятно. Я никогда вас не путал, даже в самом начале, и ты это знаешь! Вы по-разному ходите, по-разному улыбаетесь, по-разному смотрите. Не говоря уж об очевидных различиях во внешности. У нее оспинки на щеке, стрижка, светло-серые глаза. У тебя глаза темнее, а еще родинка на ключице, часто обветренные губы, вздернутые брови, из-за которых ты кажешься высокомерной – но это не так. И...

Не обращая внимания, что Лара глядит на него с нескрываемой оторопью, он все-таки закончил, хотя и тише:

– ...и на правой брови маленький шрамик. Это ты, кажется, упала с велосипеда... Вы разные, настолько разные, что я временами забываю, что вы сестры.

– Зато я помню.

Лара села за руль и завела двигатель.

К темноте они были в Ишиме.

Гостиница, которую присмотрела для ночлега еще Лиля, за полгода

успела прогореть и обернуться магазином промтоваров и бытовой техники, правда, под тем же названием – уловка то ли юридического свойства, то ли просто в целях экономии на вывеске. В поисках другой они долго и бестолково колесили по городку, и, когда наконец джип замер у двухэтажного мотеля «Апельсин», измотанная Лара была согласна на любое пристанище; на степь тем временем упала ярко-черная холодная ночь.

Свободный номер оказался только один.

– Неужто так много туристов... Вроде не самый популярный маршрут, небольшой город, но кто-то же занимает все эти комнаты... – удивилась Лара. В ответ Егор взглянул на нее и весело, и недоверчиво. И только позже она сообразила, что выражал этот взгляд: в гостинице обитают и те, для кого существует почасовая оплата.

В комнате они столкнулись с непредвиденным обстоятельством. Здесь была только одна кровать. Массивная, двуспальная, застеленная бело-красным плюшевым покрывалом, по виду напоминающим приторно-сладкий крем с розочками, она занимала бо́льшую часть пространства, так, что на нее падал взгляд сразу от порога. Но, только войдя в комнату, можно было увидеть еще одну такую же – отражение в зеркальном потолке.

Егор вполголоса чертыхнулся.

– А знаешь, – воинственно вздернула подбородок Лара, – мне все равно! В этой дыре свободен последний номер, и мы уже в нем. А тот пройдоха, что у них за администратора, раскладушку добудет дай бог к утру. Так что я в душ и спать, и я буду спать со стороны окна, имей в виду. А если тебя что-то смущает...

Она протараторила все так быстро, что даже у нее самой сложилось впечатление, что смущает что-то именно ее. Тем не менее Лара нарочито бодро сняла с плеча рюкзак и сумку с фотоаппаратом и заперлась в крохотной ванной.

Выйдя из душа, она застала в номере темноту. Когда глаза привыкли, Лара различила на стене неровный ромб света, приглушенного полупрозрачными занавесками, и очертания Арефьева, уже лежащего в постели. Место со стороны окна было свободно, и она, переступая через сумки, добралась до кровати и прилегла на самый краешек, как можно дальше от Егора. Она заметила, что и он лежит на краю, укрывшись плюшевым пледом и оставив одеяло ей. Их разделило пространство кровати, наполненное до предела своей пустотой. Лара осторожно натянула одеяло до самого подбородка и замерла, стиснув руками кончик пододеяльника, пахнущий стиральным порошком.

От фар проехавшей под окнами машины по стенам неровно дернулись и побежали желтые полосы, на мгновение выхватив и опрокинув в квадраты потолочного зеркала и кровать, и два силуэта, притихших по бокам огромного ложа. Лара слышала мерное и сильное биение собственного пульса и спокойное глубокое дыхание Егора с едва заметным присвистом на выдохе.

Сначала раздался приглушенный смешок. Скрипнула кровать – не эта, другая, но близко. Быстрый горячечный шепот, так что слов не разобрать, снова скрип и протяжный стон.

Лара распахнула глаза, уверенная, что уже задремала и звуки ей просто почудились. Но нет, стон повторился, мягче и зазывнее, со сквозящей сладкой болью. Все происходило за стенкой, такой тонкой, словно бумажной. Скрип кровати приобретал ритмичность, очевидную и такую недвусмысленную, что Лару обожгло стыдом. Неведомая женщина стонала, кровать в соседнем номере ходила ходуном, а преграда между комнатами была так несерьезна, что Лара почти видела все происходящее, как будто подсматривала в замочную скважину. Первым желанием ее было вскочить и выбежать куда-нибудь, все равно куда, но она лежала, не в силах даже шелохнуться. Пошевелиться означало обнаружить себя – неспящей. У нее горели щеки, уши, все лицо, и она попыталась сосредоточиться на своем дыхании, чтобы сделать его ровным, спокойным, но вместо этого и вовсе перестала дышать, а когда воздух в легких сгорел, ей пришлось приоткрыть губы и мелко дышать через рот. Лара кляла себя на чем свет стоит, но дыхание было безнадежно сбито, и оставалось надеяться только, что стоны и скрипы, неумолимо набирающие темп и громкость, заглушат это. Девушка знала, что Егор не спит тоже, она чувствовала его взгляд, устремленный в потолок, и зажмурилась, чтобы ненароком не столкнуться, не пересечься еще и там, в зеркальной черноте.

То же ощущение, только слабее, намного слабее, настигало ее в юности, когда, втроем – она, Лиля и папа – просматривая какой-нибудь голливудский фильм, они становились зрителями постельной сцены. Переключить канал было бы глупо и неловко, смотреть на это ей казалось невыносимо, и, пока глаза усиленно изучали книжную полку, боковое зрение все равно предательски фиксировало сплетенье экранных тел, и Лара чувствовала, как диван под ней воспламеняется. Она готова была провалиться сквозь него – и на несколько этажей вниз.

Сейчас в огне было все: кровать, потолок, она сама. Стена, разделяющая два номера, словно раскалилась добела, она истончалась до полиэтиленной прозрачности, до сусальности. Лара видела слитую

воедино, дрожащую, лоснящуюся человеческую плоть, яростное слияние, маслянистый блеск напряженной мужской спины и кремовую гладкостью женских ног, искаженные страстью лица. Прежде чем осознать, она разглядела в этих лицах знакомые черты. Лиля и Егор. Выученное наизусть тело собственной сестры, обвитое вокруг другого, представляемого весьма приблизительно. Как будто Лара застыла рядом с их супружеской кроватью, не в силах отвести глаз от зрелища, настолько же волнующего, насколько отталкивающего. Незамеченная свидетельница, ненаказанная преступница, внутри у которой все свилось в тугой перепутанный комок из стыда, сокровенного ужаса, трепета и резкой необъяснимой горечи.

Когда все оборвалось на вскрике, за которым в брешь пространства хлынула вельветовая тишина, Лара осознала себя здесь и сейчас, в гостиничном номере с мятущимися полосами света от близкой дороги. Ее сердце колотилось, ступни оледенели, а по виску ползла щекотная капля пота. Егор лежал рядом, но ей никак не удавалось расслышать его дыхание сквозь шум крови в ушах. Постельное белье было влажным и горячим, но Лара не могла даже пошевелиться, чтобы исправить это: где-то здесь, на этой кровати, уже расширялась черная дыра, готовая поглотить ее без остатка.

Глава 7. Ничего, кроме правды

Лара впервые за долгое время заметила утро. Не логический исход ночи, не продолжение вчерашних переживаний, прерванных сном лишь по необходимости. А – сброс, обнуление. Новый, только что рожденный день лежал в колыбели, сплетенной из прутьев солнечных лучей, ни в чем еще не виноватый и чистый. Белый лист, не только не исписанный, но даже не разлинованный.

Это длилось всего несколько вдохов, потом вспомнился и ночной жар, и видения, и цель путешествия, так давно, казалось, начавшегося, что оно уже успело стать привычкой. Но даже после этого сегодня все было немного, неуловимо иначе – и впечатление свежести не покинуло Лару ни за завтраком, ни позже, хотя по сути все оставалось прежним: пахнущий кожей салон джипа, оставшаяся с вечера «Metallica» в магнитоле, профиль Егора и его сильные длиннопалые руки на руле.

Перегнувшись, Лара запустила заветный диск.

– *Проснись и пой, мир!* – обрадовалась Лиля. – *Сегодня у меня отличное настроение, и я несу его нам через время. Рок больше по вкусу моей сестренке, но сейчас для него подходящий момент. Она бы оценила... Итак, «Heat of the moment»!^[4] Старье, конечно, но веселое...*

– Скажешь тоже, старье. Будто твой джаз с Моцартом новее... – фыркнула Лара вполголоса. И пока звучала записанная сестрой песня, девушка улыбалась. Она чувствовала Лилю совсем рядом, юной, свободной, неотделимой от нее самой. Как будто они снова вдвоем ошалело прыгают перед распахнутым трюмо, изображая из себя певиц и горлана припев в отцовский фонарик на манер микрофона.

– Так-так, еще один день начался! Сегодня мне совсем не хочется быть примерной женой и научным сотрудником, сегодня я опять «радио Лиля», и мы едем непонятно где, но понятно – куда, и это главное. Скоро сменится – или уже сменился – еще один часовой пояс, еще одна область, и мы летим на восток, и ко всему прочему... Барабанная дробь... мы проехали половину пути. Именно так, товарищи! Две тысячи двести пятьдесят километров! Мы молодцы! Помню, когда у папы еще не появилась машина, мы ездили на дачу на поезде. Я выучила названия всех станций до Сергиева Посада, а Лара всегда спрашивала, долго ли еще ехать. Она не такая терпеливая, как я. И я ей говорила: вот сейчас будет такая-то станция, а потом половина пути. И мы с ней прилипали к окошку в электричке и все гадали: половина пути где-то здесь, у этого столба, или вот прямо за тем деревом... А теперь уже ближе к концу нашей дороги, чем к началу. Хотя, по правде говоря, никогда точно мы этого так и не узнали, где она, эта половина пути...

Зазвучал джаз, причудливый и сладостный. Вслушиваясь во взлеты мелодии, Лара думала над словами сестры. Где она, эта половина пути... Лиля умерла, не дожив чуть больше полугода до их тридцатилетия.

– О чем ты думаешь? Вот прямо сейчас? – поинтересовался Егор. – У тебя такое лицо... Только что ты подпевала и была почти счастлива, а теперь... уже нет.

– Нет, – согласилась Лара. – Я... я подумала о половине пути. Не об этой, а... о том, что половина пути была пройдена пятнадцать лет назад.

Егор понял без пояснений.

– Расскажи мне. Как вам было по пятнадцать.

Лара невесело усмехнулась:

– О, незабываемо. Наверное, тогда все и решилось, я имею в виду, наша жизнь. Более или менее. В пятнадцать лет Лиля решила заняться медициной. Серьезная стала до жути, вдруг засела за учебники. Говорила, что пора стать взрослой. Ну а я впервые втрескалась по уши.

– Разный взгляд на взросление, – развеселился Егор. – И в кого же?

Лара уже открыла рот, готовая озвучить дежурную отговорку, но внезапно передумала. Почему бы и нет?

Парень, в которого она тогда влюбилась, учился в выпускном классе, и в своем выборе Лара была не оригинальна и не одинока: он был школьным идолом. Антон. Брюнет, баскетболист, при этом еще и идущий на серебряную медаль. Лара следила за ним на переменах, гордилась, когда его команда выигрывала баскетбольный матч у соседней гимназии, а сам Антон купался в пурпурном облаке своего тщеславия и оранжевой радости. Близко подходить к нему она не осмеливалась, зная, что претенденток и так слишком много, и не собиралась стоять в очереди. Но однажды не утерпела и со свойственной ей отчаянностью прокралась в кабинет завуча, преподававшей алгебру, и выкрала оттуда его тетрадь для контрольных работ, сданную на проверку. Дома она вставляла в магнитофон кассету Иглесиаса и под сладкие песни целыми вечерами листала тонкую зеленую тетрадку, исписанную почти без исправлений, с красными оценками: 4,5,5,5,4,5. Этим успехам она радовалась больше, чем своим собственным. По почерку, наклону букв пыталась разгадать, какой он, этот ее Антон, и даже взяла в районной библиотеке книжку по графологии. И на дискотеку по случаю окончания второй четверти Лара готовилась тщательнее обычного. То есть готовилась – потому что обычно она шла на школьную дискотеку просто так, совершенно не задумываясь о своем внешнем виде.

Ни один такой вечер не обходился без медленных танцев, которые пугали и завораживали всех старшеклассников. В тот день в актовом зале под ногами шуршали обрывки мишуры и серпантина, оставшиеся от утренника для начальных классов. Лара не танцевала, она сидела на ступеньках сцены и напряженно следила за скачущей в ритме оглушительной музыки толпой. То и дело мелькание стробоскопа выбеливало зал, она замечала веселящихся подруг – Лиля осталась дома. Те махали ей рукой, стараясь затащить в свой круг. Но Лара отрицательно качала головой, и девочки на какое-то время отставали.

И вот наступил момент икс. Объявили белый танец. Танцпол тут же опустел, все присутствующие словно прилипли к стенам, с любопытством и опаской поглядывая по сторонам. Только не Лара. Она легко соскользнула со ступеньки и направилась к Антону. Их разделяла пропасть: два года разницы, наполненное музыкой и взглядами пространство актового зала, Ларина неуверенность и ее осознание того, что через полгода он закончит школу и исчезнет и сейчас последний шанс что-то изменить. Она перешла эту пропасть, мягко постукивая каблучками по конфетти. И увела его танцевать.

Внутри все замирало от сомнений и восторга. Она никогда еще не испытывала этого. Она чувствовала его разгоряченное тело, и дыхание,

пахнущее распитым с пацанами в кабинете труда коньяком, и ревнивые взгляды девочек, которые – не осмелились. А она осмелилась, и это кружило ей голову.

А потом он начал мямлить. Это был первый в их жизни разговор, официально они даже не были знакомы, и первое, что он сообщил ей, что у него есть девушка, и она будет недовольна, и ей не стоило его приглашать, ведь все смотрят... Лара не сразу поняла, о чем он толкует. Ведь это просто танец, ничего больше. Она не успела сказать ему ни слова, а он все бормотал что-то, оправдываясь, и вблизи его дымка оказалась смесью палевого отчаяния и тревоги цвета индиго. Ларе вдруг стало смешно и грустно. И когда танец кончился, она была рада уйти, ускользнуть с вечера и никогда не думать больше об Антоне. К ночи о ее поступке доложили Лиле, и недоверчивое восхищение в глазах старшей сестры быстро залатало эту первую любовную царапину.

– После окончания школы я видела его всего раз, у метро. Он нес упаковки с пиццей, и у него была кепка с логотипом пиццерии. Смотрелось на нем все это великолепиие так себе! – улыбнулась Лара. Об особенностях своего цветного зрения она по ходу рассказа умолчала. – Меня он, кажется, не узнал.

– И теперь ты считаешь его глупцом, недостойным своего внимания, – подытожил Егор насмешливо. Лара вспыхнула, застигнутая врасплох:

– Вовсе нет!

– О да. Это слышно по твоему голосу. Но с другой стороны... Если бы он донес ту же мысль, но другими словами... Не уязвляя твоего женского самолюбия... Сама посуди – лучший парень школы. Лет семнадцать всего – а верность подруге хранить умел уже тогда! Сопrotивляться искушению... Это дорогого стоит.

И снова это чувство – будто Егор точно знал, о чем говорит. Не понаслышке, а по собственному опыту. Вместо того чтобы обидеться, Лара взглянула на него с любопытством:

– Ладно, сдаюсь. Кто ты?

– Ты прекрасно знаешь, кто я.

– Нет, я имею в виду... Мне все время кажется, что я тебя не знаю, что мы не знакомы. Все эти годы... Расскажи мне про себя. Сам же говорил, был робким и пугливым ребенком. Боялся тараканов. Что-то же должно было произойти, чтобы ты стал таким? Ты теперь крепкий, уверенный. Правду в глаза режешь. Только не говори, что ходил в секцию бокса, все равно не поверю.

Уголок рта Егора нервно дернулся, то ли усмешка, то ли горечь.

– Я не всегда говорю правду. Только когда она на пользу.

– Сейчас будет на пользу! – самонадеянно заявила Лара.

– Думаешь?

Она выразительно кивнула.

– Я был как все. А потом кое-что случилось, и я пересмотрел взгляды. Стараюсь теперь видеть то, что движет людьми по-настоящему и что заслуживает уважения.

– И что же такого могло произойти?

– Я выиграл свою жизнь в карты, – поделился Егор заговорщицки, и Лара чуть рот не открыла от удивления. Все внутри замерло от предвкушения какого-то большого признания.

Арефьев вернул в магнитолах диск с роком.

– Знаешь... У меня не было братьев и сестер, так что со мной нянчились взрослые, родители и их друзья. Периодически одному из них непременно приходило в голову позабавить меня, подхватить под мышки и раскрутить быстро-быстро, чтобы все вокруг мелькало, как на карусели. Я всегда верещал от восторга. А потом наступил момент, когда кто-то поднял меня под мышки – а мне стало больно. Просто общий вес тела стал такой, что отдельные части, те, что для этого не предназначены, его не выдерживают. А в следующую зиму я не поместился в санках. Этот момент наступает в любой жизни, у любого человека. Просто наступает день, когда подмышкам больно, и это уже навсегда.

– И это изменило тебя? – хмыкнула Лара. – Я ожидала более трагической истории.

– Это я так тебя заманиваю, завлекаю, чтобы любопытство разгорелось хорошенько, – лукаво блеснул глазами Арефьев. – Трагическая будет дальше.

– Я вся одно большое ухо...

– Это уж точно. Давай так: я тебе расскажу, а ты мне потом совершенно честно ответишь на один-единственный вопрос.

– Что за вопрос? – встревожилась Лара. Егор покачал головой:

– Если я сейчас его задам, будет неинтересно. Ну что, договорились?

Лара хорошенько все обдумала. И кивнула.

– Я ведь старше тебя и Лили. Я не про те десять лет, которые разделяют наше появление на свет. Хотя и про них тоже, – прикинул Арефьев. – Эти десять лет в нашей стране была перестройка. Вы тогда были маленькие, а я не очень. Я учился в старших классах. Мы тогда жили не в Москве, в небольшом городе. Впрочем, 500 тысяч человек – это не небольшой, а очень даже приличный размерчик. И мой отец в последние

советские годы был председателем горисполкома. Фактически – мэр.

– Ого, я не знала!

– Ого, – согласился Егор. – Я жил как у Христа за пазухой. Мама никогда не работала, числилась только по бумагам в какой-то организации. А потом страна рухнула, и мое счастливое детство накрылось медным тазом.

– Это было так серьезно? – непонимающе сощурилась Лара.

– Для нашей семьи – да. Потому что в один прекрасный день отец взял и выбросился из окна администрации. Аккурат на площадь перед памятником Ленина.

Лара охнула, поспешно прикрыв рот ладонью. Если бы она была за рулем, машина наверняка завихляла бы по дороге, но в руках Егора руль был все так же ровен.

– Мой отец... – Егор подбирал слова. – Он всегда казался сильным. Но такой поступок – это не сила, ну ни капли. Если бы он нас бросил, я бы еще понял. Но это... Он сдался. Бросил, предал самого себя. Мы с мамой остались одни... Я не мог ему этого простить. Начал таскаться по дворам, пил, прогуливал школу, связался с компанией не очень хороших пацанчиков... Не буду углубляться, тебе это ни к чему. Короче, я почти завалил выпускные экзамены и сразу после этого ушел из дома.

– А как же твоя мама?

– Я же сын своего отца! Поступил как он, бросил все, вот такой я молодец. Ночевал в каких-то притонах, дрался, воровал по мелочи. Целый год...

– Год? Ты год бомжевал? – она не могла поверить во все это и пыталась отыскать в лице Егора хоть намек на шутку.

– Ну, на вокзалах я не околачивался, но в общем можно и так назвать. Прохуdivшиеся кеды, китайские штаны с закосом под «Адидас». Куча знакомых разной степени уголовности... Матери на глаза я старался не попадаться, потому что понимал, конечно, что я ничем не лучше отца, а даже хуже, потому что, когда он помахал нам ручкой, с нею оставался я, а сам я бросил ее уже совсем одну... В общем, мне было все безразлично. Однажды вечером кривая вывела меня в тот кабак. Его тогда «крышевела» одна из местных банд, а меня пару недель назад угораздило нарваться на неприятности с этими грозными ребятами... Все дело, как всегда, упиралось в деньги, у меня – хоть шаром покати, и я задолжал им довольно много. В тот вечер мне было уже нечего терять, живым я оттуда уйти не надеялся. Так что мы с Тулупом – это у них главный был – сели играть. От удачи зависело, уйду ли я домой – или меня застрелят из пистолета через

карман малинового пиджака...

– И?.. – затаив дыхание, замерла Лара.

– И... Я же здесь! – беспечно тряхнул головой Егор. – Если ты себе сейчас представила картинку из кино, пиджаки, закрытую комнату, стол с сукном и пятикарточный покер с ройал-флашем... Все было совсем не так. Занюханый бар, запах дешевого алкоголя и перегара, сигаретный дым и борзые, нетрезвые парни с судимостями. Но знаешь, в тот вечер все изменилось, потому что я понял две вещи. Первая: если я живу, дышу, если утром я встаю и вижу, что солнце тоже встало, – это уже неслыханная удача. И не стоит спускать ее в унитаз и сдергивать воду. И вторая: каждый день я могу проиграть. И когда-нибудь я проиграю. И он проиграет. И ты проиграешь. И все проиграют, вопрос только – когда. И раз уж я не знаю ответа, значит... Значит, утром я встаю, вижу, что солнце тоже встало, и понимаю, что удача улыбается мне всеми полутора тысячами своих зубов. В тот же вечер я вернулся домой, и мама плакала. Я ненавижу себя за то, что она плачет из-за меня. Но можно было снова сбежать, чтобы не видеть ее слез, а можно было сделать так, чтобы она больше не плакала. Я выбрал последнее. Завязал со своей гопнической жизнью, поступил в институт. Начал работать. Ты вот презираешь меня за то, что я зарабатываю много денег...

– Я не... – начала Лара.

– Ладно, расслабься, было такое дело! Просто за тот год я понял, что деньги могут решить много проблем, и лучше иметь деньги, чем не иметь. И заработать лучше, чем украсть. Я испытал и то, и другое на собственной шкуре. Так что знаю, о чем говорю. Деньги – это, если хочешь, такой способ вернуть утраченный рай. Любой психолог тебе скажет, что самая яростная мечта человека – вернуться в лоно матери, где было спокойно, уютно и тепло. В детстве мне тоже было тепло. И сытно. А потом как ядерный взрыв в миниатюре: на стене остаются тени от людей, которые уже превратились в ничто. То же было с моей жизнью. И мне пришлось приложить много усилий, чтобы вернуть себя и свою жизнь, достаток, уют...

– Ты именно тогда научился видеть людей насквозь? В тот год?

– Так уж и насквозь? – усмехнулся Егор. – Никогда об этом не задумывался. В детстве я жил в вымышленном мире. Меня от всего ограждали. А потом выпал из гнезда, и пришлось быстренько шевелить мозгами, чтобы не сожрали другие. В таких ситуациях учишься быстрее, экстерном. Тогда я научился ценить многое. Верность, стойкость, честность. Это не просто слова. У человека всегда есть где споткнуться:

соврать, предать, напакостить по мелочи, даже изменить. А ангел-хранитель, который ведет за ручку, встречается не так уж часто. Я не встречал.

Немыслимо, непостижимо. Лара так привыкла видеть в Арефьеве чуть ли не «золотого мальчика», в нем всегда чувствовалось хорошее воспитание и спокойствие человека, которого судьба хранила от потрясений и непредвиденных осложнений. А тут вдруг такое. Как ему удалось вернуть себе свою жизнь, построить ее заново? Лара ломала голову, представляя этого мужчину в застиранных спортивных штанах, спящим на мешке какого-нибудь старья на пригородной станции. Слезящиеся глаза, дрожащие руки в цыпках. Это все могло стать действительностью, если бы он не одумался тогда! Ни этого джипа со сверкающим полировкой кузовом, ни костюмов и офиса. Возможно, его бы даже в живых-то не было. И Лиля бы с ним не познакомилась.

Егор обернулся к Ларе. Она неожиданно остро уловила запах его парфюма, к которому вообще-то должна была привыкнуть за эти дни, и скользнула взглядом по красиво очерченным скулам и выбритому, еще полутреннему гладкому подбородку.

– Что во всем этом невероятном откровении правда? – поинтересовалась Лара.

– Каждое слово. И ты это знаешь. Так что перестань играть роль вздорной девчонки, – молниеносно припечатал ее Егор. Она прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Ее вдруг охватила радость от одной мысли, что Арефьев справился и стал таким, какой есть сейчас, – и что он рядом. Насмешливый, острый на язык и, кажется, понимающий ее, даже когда она сама себя уже не понимает.

И снова была дорога. Несмотря на название, по сути она совсем не была похожа на федеральную трассу, порой превращаясь едва ли не в проселочную, когда джип, подобно длинными скачками несущемуся зверю, нырял мордой в глубокие ухабы, едва не оставляя там подвеску.

Остался позади Омск, наполненный сухой жарой и желтой пылью. Покупая шоколадку на заправке, Лара в поисках мелочи сунула руку в карман и тут же выдернула, ошпарившись: мелочи там не оказалось, зато до сих пор ждал своего часа флакончик со снотворным. Еще вчера (или это было уже позавчера?) Лара находила извращенное наслаждение в том, чтобы потрогать его через карман, убедиться в его существовании. Так когда-то давно она языком касалась молочного зуба, готового выпасть и болтающегося на тонком корешке, – невозможно не трогать. Но сегодня

выпуклость под вытертой голубой тканью джинсов стала ее тяготить. Выбросить ее, сняться с этого якоря было нельзя: иначе, страшилась Лара, ее охватит какая-то стихия, унесет в неведомое море, для которого у нее не составлено карт.

Вернувшись к машине, она решила напомнить Егору:

– У нас ведь был уговор. Ты рассказываешь мне правду, а я честно отвечаю тебе на один вопрос. Так что спрашивай.

– Ух ты. Я уж думал, сделаешь вид, что забыла. Трусишка.

– Я не трусишка! – возмутилась она.

– Ладно, смелость у тебя и правда есть. Просто ты часто сомневаешься и тянешь кота за хвост. Или наоборот, кидаешься в авантюру совсем без мозгов.

– Ты знаешь... Может, ты даже прав, – внезапно согласилась Лара, самой себе удивляясь. – Эта поездка – кажется, первое в жизни, что я не откладывала. Я имею в виду, из действительно важных дел. И то только ради... ради нее, Лили. Все остальное – пойти к стоматологу, записаться на курсы, позвонить кому-то... я все всегда откладываю. Мне же лень! Она всегда мне говорила, что я могу возглавлять департамент по откладыванию дел в долгий ящик.

– А еще ты любопытна.

– Так что за вопрос?

Последние две фразы были произнесены ими одновременно, и Лара хмыкнула, снова признавая его правоту. Егор махнул рукой:

– Не буду больше тянуть резину. Вопрос довольно простой. Расскажи мне о самом счастливом дне своей жизни.

Брови девушки взметнулись вверх:

– Серьезно? И это твой вопрос?

– Нормальный вопрос...

– Я думала, будет что-то... Мужское, обычное... Ну знаешь, на вечеринках игра в откровение всегда этим заканчивается. Вопросами, сколько у меня было мужчин, когда потеряла девственность...

– Если это у тебя был самый счастливый день, готов выслушать со всеми красочными подробностями!

Лара одарила Арефьева убийственным взглядом, а тот в ответ только ухмыльнулся и открыл капот. Пока он доставал длинный гибкий щуп и проверял уровень масла, а потом тщательно вытирал руки тряпкой, пока доливал жидкость в бачок стеклоомывателя, чистил лобовое стекло, – она следила за ним. Пыталась найти ответ на его вопрос, но не могла припомнить ничего стоящего. Может быть, потому, что отвлеклась на

самого Арефьева. Она понимала, что в его манипуляциях нет ничего выдающегося, не компьютер же он собирает из скворечника, в самом деле... Но все равно ей было приятно украдкой следить за его неторопливыми, расслабленными движениями. Его левый локоть, тот, что постоянно опирается на окно, уже успел покрыться водительским загаром, и только на запястье полоска кожи светлее – след от часов, недавно снятых. «Чему я удивляюсь, я ведь и до этого догадывалась, он не из тех пижонов и «белых воротничков», – думала Лара, – которые не знают, с какой стороны бензобак у их навороченной тачки...» Взять даже саму машину – она прекрасно дополняет Егора, как и все его вещи, без излишеств, но безупречного качества. Человек, знающий, где отыскать золотую середину.

Золото... Как это раньше ей не приходило в голову, что его волнистая шевелюра не просто русая, а словно пронизана тончайшими золотистыми нитями. Да и не русая она вовсе, а медовая, теплого тягучего оттенка, густеющего на солнце. Задумываясь о чем-то своем, он неосознанно запускал руку в волосы, проводя по затылку, и все пять пальцев утопали, увязали в этом шелковом меду.

– Я вспомнила! – заявила Лара, садясь за руль. – Однажды Лиля две недели пролежала в инфекционке. А меня, горемыку, угораздило не заразиться. Так что нас разделили, и все стало совсем скверно. Чего я только не перепробовала, чтобы добраться до нее! Разыгрывала больную, глотала слабительное, чтобы было похоже на отравление... Даже пыталась залезть в ее палату по пожарной лестнице, но меня перехватила медсестра. Ее уже предупредили, чего от меня можно ожидать.

– Когда дело касается Лили, ты безрассудна, – вздохнул Егор.

Лара сочла это комплиментом:

– Да, именно так. Но тогда мне пришлось сдать, папа провел беседу и вправил мозги как следует. Он ведь спокойный, как слон, никогда голоса на нас не повысил, ни разу. Так что его фраза «Лара, ты меня очень огорчила» заставила меня потом полночи умыться горячими слезами... И оставшиеся дни разлуки я сносила стоически, без жалоб. Но когда через две недели Лилю выписали – это и был тот самый день!

Лара следила за дорогой и не могла сдержать счастливой улыбки. Одного воспоминания о том далеком дне хватило, чтобы внутри все всколыхнулось. Мелкие, как кусочки смальты в мозаике, детали их долгожданной встречи с Лилей – топот ног по лестнице, конфеты, полуночный шепот, рука в стиснутой руке – Лара сейчас опустила, они не для Егора. Только для нее. Да и не поймет он, это все равно что рассказывать сон: магия сна растворяется от человеческой речи, это

невыразимо, как невыразимо счастье, и попытка поймать его сачком слов оборачивается лишь разочарованием и горечью.

Егор смотрел на улыбающуюся Лару. Его лицо было сосредоточенно и серьезно, в лоб впилась глубокая морщина, а челюсти сомкнулись так, что на щеках выступили желваки. Но его спутница этого не замечала.

Движение вперед превратилось в привычку. Сотня километров, еще несколько дней назад казавшаяся Ларе приличным расстоянием, теперь пролетала, даже не осознанная ею. Перестав воевать с Егором, она сделала большое одолжение самой себе и теперь стала понимать, что он имел в виду, когда говорил, что в дороге ему нужен союзник. Они как будто стали заодно, а все остальное – там, снаружи.

Пару раз Лара открывала окно, чтобы вместо прохладного неживого воздуха кондиционера почувствовать дыхание степей, но вскоре снова поднимала стекло: пыль оседала повсюду, забивала рот и глаза, и не было от нее спасения. Несколько километров после очередного привала на капоте их джипа проехала, держась цепкими лапками, большая коричневая саранча: сидевшая за рулем Лара специально сбросила скорость, чтобы насекомое не сдуло ветром.

– Смотри, какая деловая. Мне кажется, или все в ее облике говорит о ее независимости? – посмеивалась Лара.

Она заметила, что Егор не имеет ничего против ее любимой музыки, энергично бьющей из динамиков. Из вежливости она пару раз предлагала ему поставить свой диск, но тот только пожимал плечами:

– Зачем, мне и так нравится. По крайней мере, пока звучит американский рок, можно не бояться, что ты заснешь за рулем. От моей музыки тебя явно укачивает.

– Ты мне не доверяешь! – возмутилась Лара наигранно.

Музыка по-прежнему делилась на его и ее. Два дня назад, когда Лара только обнаружила, что Егор еще в Москве переложил из ее машины в свою пару ее любимых сборников, это открытие взбесило ее. Но теперь все было в прошлом. Теперь их диски мирно соседствовали под замком бардачка, постукивая на ухабах, как горох в банке. За несколько дней вдвоем Лара и Егор обжили салон автомобиля так, словно он был их общей квартирой на колесах. В гнезде прикуривателя до сих пор стояло зарядное устройство от ее мобильного телефона, из кармана на спинке кресла торчал пакет мармеладных мишек, купленных ею позавчера. Рядом с ее фотоаппаратом на заднем сиденье лежала его полукруглая подушка, которую Егор клал под голову в краткие периоды отдыха.

До Новосибирска они домчали даже быстрее, чем предполагалось, длинный июньский день еще не угас. И, впервые не вняв советам Лили заночевать в городе, Егор предложил проехать еще пару сотен километров, пока не стемнело. Они были в пути так долго, что желание двигаться вперед стало нормальным состоянием, словно из людей они превратились в перелетных птиц. Лара неосмотрительно согласилась.

То ли это решение было ошибкой, то ли желание следовать навигатору вместо карты – точно уже никто не смог сказать. Когда дорогу со всех сторон обступил лес, оказалось, что внезапно приходит ночь.

– Так-так-так... Кажется, я переоценил...

Лара не дала ему договорить:

– Нестрашно. Скоро будет большой поселок, там и остановимся.

Дневной режим навигатора сменился ночным, и на темном экране среди белых меток их путь горел желтой полосой с направленной вперед стрелкой. Повинуясь ее запрограммированной уверенности, Егор вел машину дальше. Вскоре оба заметили, что дорога стала хуже. Свет метался по колдобинам и неровной обочине, которую давно уже не сопровождала белая, светящаяся в полутьме каемка разметки.

Лара задремала, кажется, только на минуту, и очнулась от тихого раздраженного бормотания Егора. Тот, притормозив у края дороги, стучал пальцем по экрану навигатора.

– Что случилось?

– Все зависло, – он снял устройство с подставки и нажал на кнопку перезагрузки. Экран погас и больше не загорелся.

– Шикарно... – проворчал Арефьев. – Навигатор приказал долго жить.

– Едем по пачке «Беломора»? – пошутила Лара.

Через несколько километров шоссе из асфальтированного превратилось в гравийку, а потом и вовсе наполнилось сумрачными светлыми тенями, взлетающими при приближении автомобиля. Тени метались в свете фар, их было так много, будто сама дорога впереди зашевелилась, разрываясь на неровные мягкие клочья, и начала взмывать ввысь. Лара испуганно вцепилась в ручку:

– Боже, что это?

– Совы.

Зрелище было довольно мистическим, и Ларе стало не по себе. Она пристально вглядывалась в окружившую их темноту, пока джип, переняв неуверенность его обитателей, медленно, крадучись шуршал шинами по гравию. Наконец Егор остановил машину и, включив в салоне свет, углубился в изучение атласа дорог. Вывод, к которому он пришел, был

неутешителен:

– Мы заблудились.

– Как мы могли заблудиться? – удивилась Лара. – Тут и дорога-то одна.

– Было несколько развилок без указателей. С маршрута я не съезжал, но кто знает, что пришло на ум этому тетрису... – Он швырнул теперь уже бесполезный навигатор под сиденье. – Сколько раз убеждаюсь, что надеяться надо только на свою черепушку, от техники одни проблемы...

Они долго решали, что делать дальше. Вернуться назад? Но Новосибирск остался позади довольно давно. Точного местонахождения своего они не знали, а блуждая в незнакомых лесах и проселках, можно было лишь напрасно сжечь бензин, но так и не выбраться на трассу. Лара вдруг поразились, что так быстро привыкла к одиночеству на дорогах. Ведь за последние полчаса они встретили, кажется, всего пару машин – при каждом таком сближении и та, и другая машина тактично сменяли дальний свет на ближний. А ведь где-то там, в трех тысячах километров на запад, обливается электрическим огнем огромный город, который никогда не спит. Сейчас для Егора и Лары он был не реальнее Атлантиды.

Машина, управляемая Арефьевым, послушно соскользнула с дороги по какой-то неприметной тропе в лес. Через пару минут Егор дернул ручник и заглушил мотор.

– И что, ты хочешь сказать, что мы заночуем здесь? В лесу, черт знает где?

– Это лучше, чем... – Егор закусил губу и весело взглянул на Лару. – Тем ребятам из гостиницы «Апельсин» надо вывесить слоган – «Наши стены самые тонкие, а стоны самые громкие».

За весь день Арефьев впервые прокомментировал неловкость прошлой ночи, подтвердив опасения Лары – он и правда все слышал. Неожиданно она покраснела и смешалась, будто он подловил ее на чем-то запретном.

– По крайней мере, тут нам никто не помешает... – продолжил он. – Я имею в виду спать! А засветло разберемся, куда нас занесло...

– Ну да... – колебалась она. – Если забыть про сов, медведей и еще какое-нибудь зверье...

– Не того ты боишься! В долгой дороге звери менее опасны, чем сомнительные личности на ненадежных стоянках. А животные что? Замки они вскрывать не умеют... А наружу будем выходить только вместе. Так что, если приспичит в туалет, тебе придется меня разбудить.

– Феерично... – буркнула Лара под нос. – Так и знала, что надо было послушаться Лилю...

Егор откинул передние сиденья и достал из багажника легкие теплые

одеяла, одним движением молнии превращающиеся в спальные мешки. Лара вынуждена была признать, что ее попутчик и тут проявил достойную признания предусмотрительность. Перекусив печеньем, они без лишней болтовни устроились на ночлег.

Лара чутко вслушивалась в шорохи ночи, проникавшие в машину даже через закрытые окна и двери. Значит, это и есть тайга? Никогда раньше она не задумывалась над значением этого слова, а сейчас впитывала его смысл всем своим существом. Огромное неведомое пространство, наполненное древней тьмой. Уханье сов, хлопанье больших мягких крыльев, треск валежника в чащобе, неумолчное тихое гудение ветра в вершинах сосен, зловещий скрип стволов и веток. Здесь нет людей, нет их жилищ, и даже дорога – кто проезжал по ней, когда это было? Все отодвигается, растворяется... Лара и Егор одни, не более чем затерянные души, песчинки посреди неукротимой стихии, которая так же страшна и непонятна, так же могущественна, как небо и океан.

Эти мысли приводили Лару в дрожь. От любого необъяснимого звука ее сердце начинало стучать в висках, ладони холодели, – а именно такими звуками наполнилось все вокруг, будто ее и не защищал металлический корпус автомобиля. И снова, как и предыдущей ночью, она сосредоточилась на том единственном, что было знакомо и что вселяло в нее покой: дыхание Егора. Вдох и выдох с присвистом, размеренно, неторопливо и надежно. Когда-то давно, в другой жизни, в детстве, она слушала, как сопит лежащая рядом Лиля. А сейчас ей остается только обнимать кожаный бездыханный рюкзачок, и в этом нет ничего от умиротворения, скорее наоборот. И слушать дыхание ее вдовца.

– Спишь?.. – вдруг проговорил Егор, и Лара осознала, что Арефьев лежит гораздо ближе, чем ей казалось.

– Нет, не сплю, – отозвалась Лара в странном оцепенении. Она открыла глаза, пытаясь различить его очертания, но темнота была непроницаема. Наверное, Егор тоже смотрит сейчас в ее сторону. Ей хотелось, как незрячей, протянуть руки и ощупать его лицо.

Раздалось тихое неуверенное покашливание. Лара ждала, что за этим последует.

– Сегодня днем, – начал он, – я спросил тебя о самом счастливом дне, а ты рассказала, как Лилю выписали из больницы. Это было двадцать лет назад. Ты могла сказать что угодно – как получила первый гонорар за фотографии, как влюбилась, как уехала в Англию. Но ты вспомнила именно это. Ты думаешь, вся твоя жизнь связана с Лилей, что вы оттенки друг друга...

– Так и есть.

– Нет, Лара, все совсем не так. И в глубине души ты знаешь об этом. Помнишь, вчера, рассказывая про ваше детство, ты... Ты сказала «мы каждый день вытворяли что-нибудь, пока...» и не договорила. Так вот я знаю, что «пока». Пока однажды днем Лиля не объявила тебе, что она уже большая для всех этих глупостей. Что пора повзрослеть, взяться за ум и завязывать с детскими шалостями, если уж вы хотите чего-то добиться и кем-то стать. Вам тогда как раз и исполнилось пятнадцать. Она мне рассказывала.

– Рассказывала об этом? – Лара вздрогнула. – Вот именно *такими* словами?

– И про ваш детский язык тоже. Криптофазия. Я впервые услышал это название от нее.

Стало нечем дышать. Желая взглянуться в лицо Егора, прочитать выражение его глаз, Лара приподнялась на локте, но пространство было запечатано черным сургучом ночи.

– Она употребляла именно это слово?

– Она была медиком, – в голосе Егора засквозила жалость, и Лару больно царапнуло где-то в груди. – Ты же знаешь, врачи любят конкретику... Не принимай это близко...

– Давай закроем тему. Я хочу спать, – оборвала его она.

Отвернувшись к двери, Лара накрылась с головой и зажмурилась так сильно, что перед глазами замельтешили мигающие светлячки.

Она увидела сон только под утро.

Близняшкам снова девять лет. Они ужинают в квартире бабушки и дедушки. И хотя взрослых нет в кухне, Лара точно слышит бабушкины шаги по скрипучему паркету соседней комнаты. Сама Лара уже доела ужин, а Лиля все еще чахнет над тарелкой борща, который – сестра знает – не переносит из-за вареной капусты. Но если бабушка Саша вернется и увидит, что суп до сих пор не съеден, их ждет взбучка. Так что Лиля вздыхает и никак не соберется с силами, чтобы влить в себя остывшую красно-фиолетовую жижу, и по своему обыкновению мнет в руках хлебный мякиш, пока он не превращается в серый липкий комочек.

Лара знает, как спасти свою любимую сестру. Никаких проблем, она всегда готова, стоит той только намекнуть.

– Следи за коридором, – шепчет она Лиле на ушко. Потом придвигает к окну табуретку, забирается на подоконник и тянет вниз старый шпингалет форточки, затекший белой оконной краской. Форточка запотела: на улице мороз, а в кухне влажное тепло недавно приготовленной пищи и

чесночный дух. Наконец шпингалет нехотя поддается, и тогда Лара подхватывает тарелку с борщом и одним ловким движением выплескивает его в распахнутую форточку. И, сияющая, оборачивается к Лиле, ожидая увидеть в ее глазах благодарность.

Но наталкивается на серый холод. Лиле вовсе не девять лет, она уже выпускница. А смотрит и вовсе со строгостью бабушки. Лара замирает с испугом, чувствуя, что сделала все неправильно.

– Лара, опять ты за свое, – говорит сестра, нахмурившись. – Я устала! Ты такая несерьезная! Сколько можно?

– Но... Ли! Я же хотела тебе помочь...

– Так ты точно не поможешь! – И Лиля выскакивает, громко захлопнув за собой дверь кухни. От удара рифленое стекло вылетает из двери и распадается на белесые осколки.

Лара проснулась на вскрике. В черноте ей еще слышался грохот, только это был не стекольный звон, а ночная гроза. От очередной вспышки молнии все вокруг озарилось белым светом, и джип снова содрогнулся от громового раската. Дождь барабанил по крыше.

Она задыхалась в рыданиях, мелко, всхлипами хватая воздух. Все ее тело содрогалось в конвульсиях, и она не сразу поняла, почему не может пошевелиться.

– Тише, тише, родная, все хорошо...

Голос был так ласков, и все утешал, уговаривал ее. Он был единственной нитью, держащей ее на краю все расширяющейся бездны. А потом она ощутила и руки. Надежные и крепкие, они обвились вокруг ее трясущегося тела, стискивая в объятиях, прогоняя завладевший ею страх. Только спустя несколько мгновений, приходя в себя от тяжелого сна, она осознала, что ее обнимает Егор.

– Не плачь, Кузнечик, ну что ты. Все хорошо, это просто сон...

Он держал ее в своих руках, трепещущую, сломанную, и укачивал, прижимая к груди, как укачивают маленького ребенка. Она зарыдала еще безутешнее, уткнувшись лицом в твердое плечо, в шею, уже ставшую влажной от ее слез, но пышущую теплом. Там под кожей билась живая горячая кровь, которую качало сильное сердце, Лара отзывалась на его пульс всем своим существом, будто сердце Егора проталкивало жизнь и в ее артерии тоже. От мужчины пахло так знакомо, так терпко и головокружительно, и Лара вдыхала и выдыхала его запах, ощущая, как все плохое отступает прочь.

Наконец ее рыдания иссякли. Лара еще всхлипывала, но все реже, пока

схлопнувшиеся легкие не развернулись и она наконец не вдохнула с болезненным облегчением. Голову туманил чахоточный жар, но даже сквозь него девушка поняла, что умрет, если руки, сжимающие ее, сейчас ослабят хватку. Не осознавая, что делает, она с сумасшедшей надеждой подняла залитое слезами лицо к Егору.

Электрически белая вспышка озарила два лица, застывшие одно напротив другого мучительно близко, две пары безумных горящих глаз. Часы пропустили секунду. Все замерло, но гром тут же безудержно подстегнул время своим хлыстом, и небо расколосось с грохотом и треском, как недавно – витражное стекло. Егор выпустил Лару из объятий.

– Ты как, ничего? – пробормотал он. Его голос едва заметно дрогнул. Лара нащупала в подстаканнике бутылку воды и сделала несколько глотков.

– Нормально. Только больше не называй меня... так.

Лежа с открытыми глазами и слушая грозовые раскаты, Лара прокручивала в голове свой кошмар. В реальности история с борщом закончилась по-другому. Лара получила от Лили благодарный взгляд, бабушка Саша похвалила Лилю за то, что она все доела, и Лара заговорщицки подмигнула сестренке. Скандал разразился только утром. Оказалось, выливая суп в окно, девочка совсем забыла о натянутой снаружи сетке от комаров. И когда на улице стало светло, окно предстало во всей красе, залитое борщом, за ночь успевшим насмерть примерзнуть к сетке, раме и металлическому козырьку окна.

Несмотря на давнишний нагоняй от бабушки, сестры обычно со смехом вспоминали эту историю. А теперь Лара не могла смириться с тем, что во сне все закончилось так для нее безнадежно.

И до самого рассвета в лихорадочных видениях за нею неотступно следовало, жгло одно-единственное слово, вырвавшееся у Егора совершенно неосознанно, ее ласковое прозвище.

Дождь все не утихал. В мутной белизне утра, наступившего позже положенного, раздавалась лишь звонкая однообразная дробь о крышу, и можно было вообразить, что все происходит не в машине, а в какой-то хижине посреди леса, и вода льется сквозь прорехи кровли в подставленное ведро или жестяной таз. За несколько часов салон джипа выстудился, и кончик Лариного носа совсем замерз.

От недавних рыданий лицо опухло, в висок будто сверло ввинчивалось, и Лара предпочитала не думать, как она сейчас выглядит. Она вообще больше не могла думать. Лишь на мгновение взглянула наружу из своей темницы, чувствуя мучительное шевеление глазных яблок в

глазницах, и с тихим стоном вновь зажмурилась. Она чувствовала на себе взгляд проснувшегося Егора, но не торопилась разрушать безмолвие, и даже не пошевелилась, не отвернулась, позволив ему изучать свое лицо, набрякшие веки в сиреневых прожилках, страдальческую складочку возле искусанных губ. Наверное, даже Лиля за все неполные тридцать лет не видела свою сестру в столь плачевном состоянии – и настолько часто. Да и не могла видеть, ведь это именно ее смерть повергла Лару в пучину. Истерики, рыдания, необдуманные слова, выжигающий гнев. Что ж, значит, такое Арефьеву выпало скорбное наследство, Лара в руинах, Лара-развалина. При этой мысли она неожиданно повеселела.

Очевидно, Егор тоже заметил в ней приметку улучшения. Лара слышала, как он заворочался, совсем по-домашнему шмыгнул носом, включил двигатель и печку и заботливо направил на нее поток теплого воздуха. А затем вышел из машины.

У Лары было время прийти в себя и отогреться. Она вернула на место спинку сиденья, все еще кутаясь в спальник. Снаружи разразился настоящий потоп, нещадно хлестал дождь, потоки срывались с поникших, набухших ветвей и взбивали в пену лужи между корней деревьев на тропе.

Запрыгнув обратно, Егор отряхнул с волос воду мальчишеским движением. Его глаза возбужденно горели:

– Ну и погода. Нам пора отсюда сматываться! С добрым утром.

Ее вялый ответ потонул в реве набравшего обороты двигателя. Энергично и мощно заработали дворники, длинными ладонями смахивая дождевую воду. Егор развернул машину и повел ее к выезду на гравий. Дорога уже маячила за деревьями, когда колеса мягко мазнули по глине, разболтанной дождем, и, несмотря на то, что нога Егора опустилась на газ, заднюю часть машины по инерции потащило в глиняное месиво.

– Да ладно! – не поверила Лара. Это было бы уже чересчур.

Джип надсадно ревел, колеса проворачивались в яме, с каждым новым оборотом выкапывая ловушку все глубже. Задний ход не принес никакого результата. Корпус машины содрогался, но не сдвинулся с места. Они увязли.

– Приехали... – поморщился Егор. Рука в неосознанном, но уже ставшем Ларе таким привычным жесте взьерошила влажные волосы. И вместо того чтобы сказать что-то по-женски едкое и стервозное, из разряда «а я предупреждала», что, конечно, было бы неправдой, Лара почувствовала, как сердце ее шевельнулось с затаенным, сладко-горьким чувством, которому здесь было вовсе не место.

Егор выскочил на улицу, быстро обогнул джип, заглядывая под колеса,

и вернулся, окончательно вымокнув.

– Ладно, садись за руль, а я буду толкать.

– Толкать? – опешила Лара.

– Вряд ли здесь водятся эвакуаторы... У нас полный привод, должны выскочить. Давай-давай, а то дорога окончательно раскиснет!

Перебираясь на водительское место и включая передачу, Лара не осознавала, что ее так воодушевило. Ситуация хоть и не смертельная, но радоваться определенно было нечему. Если бы не это маленькое, незначительное местоимение. Он сказал не «в машине», не «у меня». Он сказал «у нас».

Арефьев вернулся под ливень и принялся толкать машину. В зеркало Лара видела, как от каждого усилия лицо Егора искажает гримаса, и давила на газ, крепко сжимая руль. В эту минуту она волновалась не столько о возможности застрять в глуши на неопределенный срок, сколько о том, что Егору придется мокнуть под дождем, толкая вперед нечеловечески тяжелую грудку металла. Она знала, что из-под вертящихся в глине колес на него ошметками летит грязь, глина с водой, щепками и лесным опадом, и молилась, чтобы все закончилось как можно скорее. Сидя в нагнетаемом, душном тепле салона, она могла поклясться, что чувствует, как по его спине стекают холодные струи воды, и ее руки были так же напряжены, как руки Егора, вцепившиеся в холодную мокрую жесь кузова.

Джип раскачивался, как ладья, севшая на мель, и после каждого нового рывка вперед неизменно скатывался обратно в вырытую им же колею. Наконец, плюнув на попытки обойтись малым, Егор вытащил из багажника топор и, велел Ларе ждать (можно подумать, она могла куда-то деться), исчез в чаще. Вернулся он уже с охапкой еловых и сосновых веток.

С ветками, брошенными в грязь и подоткнутыми под буксующие колеса, дело пошло на лад. Еще одна попытка, рев мотора, облегченный вздох – и джип вырвался на свободу. У Лары хватило ума не останавливаться и сразу ехать до гравийной дороги, не рискуя больше увязнуть в очередной луже. За пеленой дождя она видела удаляющуюся фигуру Егора, и на миг ей пришла в голову абсурдная детская мысль: вот было бы смешно взять и уехать. Ну да, куда уж смешнее...

Когда Арефьев доковылял до машины, с головы до ног забрызганный жидкой глиной, мокрый и потрепанный, она еще продолжала тайком улыбаться.

– Рад, что тебе понравилось! – он с одного беглого взгляда разгадал ее настроение. И невозмутимо принялся стаскивать с себя мокрую одежду. Лара торопливо отвернулась.

На нужную трассу они выехали очень скоро, оказалось, что навигатор ошибся как раз перед поломкой, и ночевка прошла всего в каких-то десяти километрах от большой дороги. Но это никак не изменило Лариного впечатления от тайги. Теперь, на трассе, можно было признаться самой себе, что все это время ее чувства и инстинкты были обострены до предела. В этом, вероятно, и причина ее кошмара – всего лишь страх и волнение перед неизведанным.

Девушка испытывала перед Егором неловкость. Конечно, она отправилась в путь вместе с ним не по своей воле, но он все же не нанимался быть ее нянькой и утешителем. После завтрака в поселке, до которого им так и не удалось добраться накануне, Лара попросила его забыть ее ночную истерику.

– Не знаю, что на меня нашло. Этот сон...

– Не бери в голову. Кошмары снятся всем. Ты еще хорошо держишься после всего, что произошло.

– Да уж... Знаешь, когда в детстве папа утешал нас с Лилей после какой-нибудь трагедии местного масштаба, он непременно угощал нас батончиком гематогена. Делили пополам, как всегда. Правда, потом Лиля узнала, из чего его делают, и с тех пор не ела. Она всегда была правильнее меня. Говорила, что рано или поздно станет вегетарианкой.

Лара вздохнула. В крови уже выгорел адреналин от утренней встряски. Ливень сменился мокрой пеленой, повсюду брезжил ровный дневной свет, и небо, дорога и лес сливались в одну беспросветную серость. Вслед за движущейся впереди, метрах в ста, машиной неслось облако водяной пыли, а на асфальте таяли отметины ее шин, как следы от трассирующей пули. Дворники двигались теперь неторопливо, и встречный ветер зигзагами разгонял капли по краям лобового стекла.

Вдруг Лара начала говорить, медленно, но непрерывно, безо всякого выражения. Без вступления. Ей просто хотелось с кем-то поделиться, и, так уж вышло, Егор казался не худшей кандидатурой. Словно столкнув с места машину, он сдвинул и плотину, перегораживавшую ее душу.

– Я все думаю, вспоминаю тот день. Когда мне позвонил папа и сказал, что ее больше нет. И следующий день. Знаешь, это как будто у тебя внутри все вытащили, выпотрошили, брюхо вспороли... а ты двигаешься, ходишь, даже что-то говоришь. Справки, и по поводу похорон... Та сцена, которую я устроила. Тебе. Мне не стыдно, вообще не стыдно! Я была как тряпичная кукла, а в те минуты во мне хоть что-то показалось... еще живое. Такая ярость! Но самое страшное – это та ночь. Она ведь умерла вечером. А

потом наступила ночь. Было очень холодно. Кажется, я открыла окно на кухне и потом сидела рядом. Ужасный ветер. А в соседнем доме все спят, черные окна и зеленоватые вертикали освещенных подъездов. Такой мороз стоял, все небо вызвездило. И луна, яркая. Ее как будто кто-то выгрыз с одного боку. Я сидела, и у меня была только одна мысль, что тот, кто сгрыз луну, добрался и до моих внутренностей и жрет меня теперь. Я это чувствовала. Хрум, хрум... И ничего не могла сделать, и никого не было. Вообще никого. Те люди в соседнем доме. Они спали? Или они тогда тоже все умерли? Я все хотела кому-то позвонить и так и не поняла кому.

– Ей.

Лара кивнула, зная, что он прав. Но даже проговорив все то, что так долго держала в себе, она не ощутила облегчения.

– Как... Расскажи мне, как ты ее нашел. Ведь это ты ее нашел? Мы болтали по телефону, а потом она сказала, что готовит ужин и что ты скоро придешь.

– Так все и было, – коротко подтвердил Арефьев.

Его профиль был хмур и напряжен, губы сурово сжаты, а глаза устремлены вперед. Егор явно понимал, что она ждет ответа, но продолжал, пока мог, игнорировать ее. Наконец Лара взмолилась:

– Расскажи мне. Прошу тебя. Я должна знать!

– Ты не можешь знать все. Может, пора уже с этим смириться? Помнишь, как в Екклесиасте: «Во многой мудрости многие печали, и кто умножает познания, умножает скорбь». Может, эту книгу и писал фаталист, но он точно знал, о чем говорит...

Лара закатила глаза, собираясь обвинить его в паясничании, но увидела, что Егор отнюдь не склонен шутить. Ей даже удалось разглядеть слабую темно-синюю дымку, прорвавшуюся наружу из-за незыблемой брони арефьевского самообладания.

– Расскажи, – повторила она едва слышно. – Тебе станет легче.

– Зато тебе тяжелее.

– Со мной все равно все уже кончено.

Егор бросил на нее внимательный взгляд. И глубоко вздохнул:

– Я тоже помню, какой в ту ночь был мороз. Поверь мне, я помню. Я немного задержался на работе. Заключали важный контракт, и мероприятие затянулось. Когда я поставил машину у дома, то посмотрел на наши окна. В кухне горел свет. И я вспомнил, что обещал купить лампочку, утром она перегорела в ванной. Так что зашел еще в магазин. Позвонил оттуда Лиле, спросить, не нужно ли еще чего-то. Она не подняла трубку. И не открыла дверь, когда я добрался до квартиры. А потом я зашел на кухню. И она

лежала там, на полу. Рядом валялся хлебный нож, разделочная доска и повсюду квадратные кусочки хлеба. Это я уже потом понял, что она собиралась пожарить сухарики к супу.

Лара закрыла глаза, чувствуя, как из желудка подкатывает тошнота.

– Окно было открыто, она так делает, делала, когда готовила, чтобы не было жарко... Так что по кухне гулял сквозняк. И... У нее было синеватое лицо. Я не сразу понял, что случилось, бросился к ней, принялся тормозить. А потом почувствовал, что она уже остыла. Из окна сильно дуло, мороз, наверное, поэтому она так быстро... Я не понимал, что произошло, мне казалось, что все случилось из-за ножа, потому что из всего, что я видел, опасность представлял только нож. Я схватил его. Но ни крови, ни каких-то других признаков... Ничего... Я вызвал «Скорую».

– Это ее привычка. Говорить с набитым ртом. Напевать во время готовки, – язык Лары едва ворочался, сухой и словно не помещающийся во рту. Ее тело стремилось подстроиться под ощущения Лили перед гибелью, и внутри Лары точно так же сейчас замирала жизнь. Картина, описанная Егором, не была новой, Лара примерно так все и представляла. Но его слова добавили движения в ужасный стоп-кадр.

– Я знаю, так все и было, – продолжала твердить Лара. – Она резала этот чертов хлеб и напевала. А потом сунула кусок хлеба в рот и продолжила бубнить. А меня не было рядом. Я даже никогда не узнаю, что за песня ее убила.

– Не надо было тебе всего этого говорить, черт... Лара! – Егор попытался достучаться до нее, хотя и видел, что сейчас это бесполезно. – Ты не могла знать наперед. Каждого из нас ждет своя смерть, неизвестно когда, неизвестно где. То, что случилось с Лилей... В этом не было твоей вины.

– Если бы я была там, я бы ее спасла. Или если бы рядом был ты!

Выплюнув эти слова, Лара сжала голову руками.

– В тебе говорит горе, – пальцы Егора коснулись ее локтя. – Ты ведь два месяца ни с кем не общалась, затаилась. Я знаю, потому что старался не упускать тебя из виду. На похоронах ты напугала и меня, и отца.

– Не упускать из виду? – Лара всем телом повернулась к Арефьеву. На миг она ослепла, врасплох застигнутая неожиданной яростью, вспоминая, как отстраненно он держался на прощании с Лилей. Несмотря на то, что ее чувства к нему стремительно, неотвратимо менялись так, как она еще и сама не могла разобраться, – день кремации она ему не простит. И тот факт, что они едут вместе, слушают музыку, даже смеются, – ничего не меняет.

– Ты должен был не упускать из виду ее! Я тебе поверила. Я доверила

тебе ее. Ты обещал мне, тогда, на свадьбе! И не уберег...

– Господи, Лара, очнись! – взорвался Арефьев. Он остановил машину, заглушил мотор и со злостью дернул ручник. – Лиля же была живым человеком. Что значит – не уберег? Она ведь не стояла на полке, я не носил ее в сумке, как носишь теперь ты! Она жила! И поступала как считала нужным. Она не отчитывалась ни передо мной, ни даже перед тобой!

Глаза Егора потемнели, когда он напряженно ткнул в Лару пальцем:

– Ты хоть знаешь, что она встречалась с другим? Пока была моей женой. И когда я говорю «встречалась», я имею в виду не совместную рыбалку!

Лара окаменела. Одна часть ее видела Арефьева, его расширенные чернильные зрачки, складку у рта, выдававшую обиду и отчаяние. А другая смотрела на демона из преисподней, подлого, низкого и лживого, который принял знакомый ей облик, чтобы удобнее было разорвать на части и растоптать память о ее сестре. Враг, с которым она должна сразиться, чтобы защитить Лилю – как всегда защищала, когда та не могла постоять за себя.

– Она тебе не сказала... – догадался Егор и отвел глаза с досадой. – Так я и думал.

Лара вложила в удар всю силу и гнев. Это была не женская пощечина, а настоящий удар кулаком, достойный любого боксера. Он пришелся Егору в скулу, и его отшвырнуло к окну.

Не давая ему времени опомниться, Лара схватила с заднего сиденья рюкзачок и сумку с фотоаппаратом и выскочила на трассу.

Она бежала по обочине, обдумывая, что будет делать, когда Егор ее догонит. Драться с ним? Сейчас она запросто могла бы его убить. За одно только оскорбление, нанесенное Лиле, за то, что Лиля так слепо его любила, а этот неблагодарный ублюдок так долго был ее мужем, и теперь осмеливается возводить напраслину, теперь – когда Лиля не может сказать ничего в свое оправдание.

На лице оседала мелкая водяная пыль, охлаждала голову, упорядочивая мысли. Лара услышала сзади звук приближающегося автомобиля и приготовилась ко второму раунду схватки. Но вместо того чтобы затормозить, джип Арефьева проехал мимо, набрал скорость и вскоре скрылся из виду. Лара остановилась, чтобы перевести дух. Наконец-то она была одна на дороге – и Лиля в рюкзачке.

Путешествовать по России, да еще по Сибири, автостопом – занятие довольно рискованное, и Лара знала об этом. Но сейчас ей казалось, что

любое, даже самое немыслимое предприятие будет более безопасным, чем находиться рядом с Егором Арефьевым.

Она успела вымокнуть до нитки за те сорок минут, что простояла на обочине с поднятой рукой. Проносящиеся мимо машины даже не собирались тормозить. Это и понятно, на большой дороге посреди лесов одинокой милой девушке взяться просто неоткуда. И водители видели в ней угрозу, очевидно, подозревая, что в кустах прячутся ее приятели с недобрыми намерениями.

Когда рядом, поскрипывая, остановилась фура, Лара уже разговаривала сама с собой, вслух запрещая себе поддаваться отчаянию. Так что предложение забраться в кабину дважды повторять не пришлось. Дальнобойщик, назвавшийся Сергеем, оказался довольно веселым мужичком с многодневной рыжеватой щетиной, засаленными волосами и православным крестиком, болтающимся на волосатой груди: верхние пуговицы клетчатой рубахи были растянуты.

Осмотревшись, Лара наткнулась на целый иконостас рядом с приборной панелью. Тут была дорожная иконка Сергия Радонежского, складень с ликами Богоматери, Христа и Николая Угодника и несколько прилепленных на скотч календариков с изображениями святых, которых Лара не узнала. Но вздохнула успокоенно: вряд ли такой водитель станет позволять себе лишнего. Обычные для фур плакаты с девушками в купальниках насторожили бы ее больше. Кроме того, ровная золотистая дымка, вьющаяся вокруг мужчины и не сулящая ничего плохого, позволила ей расслабиться. Надо же, подумала она, уже и подзабыла, что людей так просто распознать по их ореолам – с Арефьевым этот фокус почти никогда не срабатывал.

Заметив, что продрогшая Лара стучит зубами, Сергей уговорил ее сделать несколько глотков из армейской фляги, где, судя по вкусу, плескался довольно дрянной коньяк. И принялся расспрашивать. Лара отвечала вяло, односложно, но этого хватило, чтобы через несколько километров Сергей уже пустился в пространные философствования. Ему явно было скучно в дальней дороге, и Ларина немногословность не была для него помехой, даже наоборот, в собеседнице он нуждался меньше, чем в слушательнице. И, сидя в душном тепле кабины, пропахшем машинным маслом, застарелым потом и бензином, она могла отдаться собственным переживаниям, только изредка хмыкая и поддакивая, чтобы создать иллюзию присутствия.

Пусть их пути с Арефьевым и разошлись целый час назад, Лара все еще не могла прийти в себя. Ненавидя – уже бывшего – своего попутчика,

она терзалась стыдом, что допустила все это, что у нее хватило глупости, пусть ненадолго, поддаться его обаянию. В конце концов, она сама виновата, что позволила свершиться тому разговору и той ситуации. Надо было гнать Арефьева в шею сразу, как только он появился утром у подъезда – ведь она уже тогда знала, что ничем хорошим эта поездка не закончится. Вдруг Лара осознала, что все утро, с самого пробуждения и до удара по лицу Арефьева, она провела на переднем сиденье, занимая законное место Лили. Вот главная ошибка, не забудь она пересесть назад, возможно, Арефьев бы не посмел так нагло врать ей. Он, как настоящий демон, нашел лазейку и тут же нанес удар, и ее ответный, физический, был по сравнению с ним комариным укусом.

Ни на секунду не допуская мысли, что Арефьев говорил правду, Лара тряслась от гнева. И непонимания. Какую цель преследовал этот человек? Все, что он делал, было направлено на разрушение. Именно у него оказался диск, записанный Лилей, и каждая новая реплика сестры отзывалась в ней нестерпимой болью. Именно он уничтожил страницу Лили в Интернете. А теперь вот клеветал на нее. Во имя чего?

Она готова была заподозрить худшее. В конце концов, откуда ей знать, что Егор не довел Лилю до гибели? Она не знала, как именно, но уже ни в чем не была уверена. Ни в чем – кроме того, что знает Лилю, как саму себя. Если бы что-то произошло в жизни сестры, если бы у нее появился другой мужчина – Лара бы узнала об этом первой. Так всегда и было, и не могло быть иначе.

И Лара приказала себе забыть о Егоре. Вытравить из головы и сердца любое воспоминание о нем, его словах, об этих днях, проведенных вместе.

Только в самом тайном, укромном уголке ей не давала покоя крохотная, колючая и ноющая, как заноза под ногтем, мысль: интересно, где он сейчас.

– Это все западная мода, я тебе точно говорю, – продолжал вещать тем временем Сергей. – Помню, был один немчик, вздумал автостопом до Владика добраться. Из Гамбурга, что ли, не знаю уж точно. Можешь себе представить? Прямо взял вещи, вышел на дорогу и поднял большой палец... А у нас народ такое только в кино видел, чтобы люди забесплатно по незнакомой дороге путешествовали, дожидаясь, пока их кто-то с этим большим пальцем подберет. Чудаки...

– И что? – очнулась Лара.

– И то! Схватил воспаление легких, месяц в больничке провалялся, в Ачинске. Наверное, больниц-то таких отродясь не видел, путешественник... Это же Русь-матушка, тут все другое, куда им с их

мозгами нас понимать! А все стараются... Умом Россию не понять, в России можно только верить! – переиначил Сергей слова классика то ли умышленно, то ли по незнанию, и перекрестился размахисто. – Так я это к чему. У нас все по-другому, у нас автостопом поедешь, костей потом не соберешь. Батя-то у тебя живой? Будь ты моей дочкой, ни за что бы одну не отпустил.

– Я не одна, я с сестрой...

Сергей покосился на нее недоуменно:

– И где сестричка?

– Тут, – Лара покрепче обняла рюкзачок.

Фура резко затормозила, так что девушке пришлось упереться рукой в панель. Сергей глядел на нее с неприкрытым испугом, мерцающим приглушенно-бирюзово. Потом облегченно улыбнулся и покачал головой:

– Ты бы так не шутила, девонька. А то я грешным делом столько всего подумать успел...

– Простите, – мило подыграла ему Лара. Посвящать дальнобойщика в историю своей жизни и путешествия не входило в ее планы.

К водителю вскоре вернулось благостное настроение, и до Кемерова, пункта назначения Сергеева рейса, они добрались вполне мирно. Получив наказ не ловить попуток на трассе, то есть не плошать, продолжая уповать на Бога, Лара очутилась на местном автовокзале. Предоставленная сама себе, голодная и не имеющая ни малейшей идеи, куда ехать дальше – атласы остались в джипе. Откровенно говоря, все осталось в джипе, и сумка с вещами, и Лилин диск. Хотя главные сокровища она все-таки прихватила, а остальное не так уж и важно. Но, несмотря на твердый наказ самой себе держать нос выше и не останавливаться, больше всего на свете Ларе хотелось сесть прямо на бордюр и раскиснуть.

Вместо этого она отправилась изучать расписание автобусов. Табло пестрело названиями населенных пунктов, о которых она впервые слышала, кроме Томска, бывшего ей не по пути, и Мариинска, следующего в их с Лилей маршруте. Лара поняла, что умнее всего добраться до железнодорожной станции и купить билет на поезд. Но все еще с надеждой вглядывалась в буквы на табло, словно ожидая какого-то чуда.

– Далек. Отсюда до Иркутска точно ничего не ходит, – раздалось над самым ухом. На какую-то долю секунды Лару охватила такая радость, что, если бы собственные настроения были видны ей самой, все растворилось бы в апельсиновом взрыве. Но со следующим ударом сердца она уже сознала всю ситуацию. – Расстояния не те. Когда между городами по

полтысячи километров...

– Шаг назад, Егор. А то я закричу, – процедила Лара.

Арефьев послушно отступил. Теперь их разделяло около метра наэлектризованного воздуха. Вокруг сновали люди с чемоданами, авоськами, тележками и охапками хнычущих детей, женский голос объявлял отправление рейсов, на электронных часах между двумя числами мигали две точки секундного разделителя, кто-то с шипящим хлопком открыл банку газировки, с металлическим звоном в лоток кассы упала горсть монет на сдачу.

А Лара и Егор стояли и смотрели друг другу в глаза. В этом взгляде было столько чувств, вопросов, переживаний – в спектре не хватило бы цветов, а в языке названий, чтобы выразить эту гамму.

Арефьев поднял руки, словно призывая Лару не кипятиться:

– Послушай... Дай мне час и выслушай. И если после этого ты решишь уехать – поезжай. Только, пожалуйста, все-таки лучше на поезде, а то на перекладных будешь добираться до осени.

– Ты за мной снова следил? – пришло ей на ум.

– Не самый важный вопрос, учитывая сложившиеся обстоятельства, – отозвался он. И прищурился, внимательно отыскивая в ее лице малейшие признаки согласия или протеста. Несколько часов назад Ларе удалось вывести его из себя, но, пока ее еще трясло, Егору удалось полностью восстановить невозмутимость. «Чертов Терминатор...» – подумала она и озвучила свои мысли:

– Я никогда не встречала ничего подобного. Наверное, потому что ты не человек. Только я начинаю замечать в тебе проблески человечности, как ты тут же избавляешься от них. Снова как шкуру меняешь. Оставь меня в покое, просто поезжай куда угодно, хоть на Луну, только подальше от меня... Я понимаю твою игру, вижу твою подлую натуру насквозь! Заставить меня сомневаться в Лиле, думать, что я ее совсем не знаю.

– А ты знаешь?

Лара почувствовала боль в костяшках кулака и вспышку, застилавшую ей глаза в момент удара в машине. Сейчас от повторения этого ее удерживало не столько присутствие людей в здании автостанции, сколько неуступчивость. Она ответила, чеканя каждый слог:

– Если она мне чего-то не сказала, значит, этого не было. Если бы ты оскорблял меня, я бы просто послала тебя. Но ты говоришь о моей сестре. Так что думай – трижды, перед тем как снова...

– Ты не веришь мне, – горько усмехнулся Егор. – А почему? Разве я когда-то лгал тебе? Скажи когда? Назови место, время, момент – что

удовно! Ты как страус, все время закрываешь глаза на проблемы, игнорируешь и думаешь, что они рассосутся сами собой. Сбегаешь. Ехать автостопом с дальнобойщиками тебе кажется безопаснее, чем разобраться в собственной жизни! Ты называешь меня гадом, подлецом, ты трясеешь головой, хлопаешь дверью, шипишь как кошка, как только начинаешь подозревать, что знала о Лиле не все. Ты просматриваешь ее страницы в соцсетях, потому что ищешь ответ. Во всех ее словах тебе слышится подтекст, тебе кажется, что она недоговаривает, намекает, имеет в виду что-то другое, о чем я – я! – знаю, а ты и понятия не имеешь. Тебя гложут сомнения, догадки, подозрения. И тебе страшно, потому что – если это правда – значит, ты всегда была одна.

Лара стояла, зажмурившись, и Егор подошел к ней близко-близко. Она ощутила его сорванное дыхание на своей щеке.

– Так вот, Лара. Это правда.

Глава 8. На другом берегу

Большой мост шумел, как разбуженный улей. Ехали машины, громыхали по рельсам бежевые трамваи, троллейбус звенел цепью, пощелкивая искрами в проводах. Лара ничего этого не слышала. И не понимала, как позволила Егору вести ее сюда. Точнее, он просто пошел, а она последовала за ним, молча, словно на привязи. Когда он остановился на середине моста и положил руки на пыльный забрызганный парапет, она покорно встала рядом с ним. И в ожидании замерла, обводя глазами индустриальный пейзаж с двумя высокими трубами какого-то завода, уродующего берег широкой Томи. Маленькая девочка, живущая внутри нее, хотела бежать или топтать ногами, мотая головой и повторяя «уйди-уйди». Но Лара все еще была здесь.

– Ты обвиняешь меня, – руки Егора с силой сжали парапет. На Лару Егор не смотрел. – Если бы ты могла оценивать трезво, если бы это так сильно не ранило тебя, ты могла бы взглянуть на все это с другого угла. Я знаю, что пока ты не можешь этого сделать. Но тебе нужно хотя бы знать всю картину целиком, иначе получается совсем нечестно... Прости, но это правда нечестно. Я тоже человек, хотя у тебя и есть сомнения на мой счет. И мне тоже больно. Не знаю, почему ты вбила себе в голову, что мне все равно. Мне никогда не было все равно, просто у меня было больше времени, чтобы все обдумать и пережить. Это ведь началось давно, незадолго до твоего отъезда в Англию, больше года назад...

И чем больше Лара слушала рассказ Егора, тем меньше узнавала привычный свой мир.

Жизнь Лили и Егора была понятна и проста, упорядоченная и очень мирная. Может быть, после пяти лет совместной жизни счастье при виде друг друга и не затапливало мозг, но не было ни единого тревожного сигнала. Егор пропадал на работе, принося в семью заработок на зависть многим. Лиля занималась любимым делом и писала диссертацию, которая обещала стать настоящим научным трудом, а не обычной отпиской ради получения кандидатской степени. В своем деле она была талантлива и, что еще важнее, трудолюбива и дотошна – с юности это были ее главные качества. Егора всегда поражало, как эта миниатюрная сероглазая фея умудряется быть такой серьезной и такой умной. Это ведь когда-то и подкупило его, и, как давным-давно он изнывал от желания увидеть улыбку на ее сомкнутых губах, так и сейчас, глядя, как она засиживается за полночь за ворохом исследований и аналитических данных, и ее веки мертвеют от усталости, он думал о той женщине, что скрывается под этой строгой маской. Он редко видел ту, другую, но всегда помнил, что она живет внутри его отличницы Лили. Иногда, слушая ее болтовню с сестрой, когда близняшки – инициатором всегда становилась Лара – вспоминали о проказах детства, Егор видел отблески огня в глазах жены. Того огня, который сама она считала вздором и несерьезностью, но он продолжал тлеть, несмотря на всю ее убежденность в обратном.

Когда супруги заговаривали о детях, Егор утверждал, что Лиля станет прекрасной матерью. Для нее ведь не было ничего невозможного, если Лиля не знала чего-то, она просто просила дать ей время – и садилась разбираться. Лиля могла докопаться до любых данных, ее острый ум узнавал, структурировал и раскладывал по полочкам. И она этим гордилась.

Потом что-то стало меняться. Сначала Егор приписывал изменения последствиям недавнего отпуска в теплых краях. Лиля всегда возвращалась с их совместного отдыха нежной и веселой, будто отогревшейся. Первые недели после возвращения ее кожа хранила морской загар, ступни ног помнили белый песок, вездесущий и похожий на пудру, и в глазах ее то и дело сквозила девичья мечтательность, которую Егор так хорошо знал и любил. Обычно ничто не могло заставить его отменить или отложить отпуск, он не столько мечтал отдохнуть сам, сколько предвкушал эту, другую, Лилу. Но в тот раз все сложилось иначе. Шли недели, а Лиля оставалась прежней, морской. С переменчивым настроением и блуждающей улыбкой. И Егор обрадовался.

Пока не почувствовал тревогу. Сложно даже объяснить, что именно

было не так. Приходя с работы, он по-прежнему заставлял Лилю дома. Засыпал, с подушки глядя на желтую полосу света под дверью комнаты, в которой она устроила себе кабинет, – но так и раньше бывало частенько. Тревога была настолько беспочвенна, что Егор раз за разом наказывал себе прекратить впадать в паранойю. Но не мог ничего поделать. Пока однажды не пошел в душ после Лили, выпорхнувшей оттуда в уютном коротеньком халатике. Когда он намыливал голову и пена утекала в слив, мысли его вились за подолом этого халатика, за ногами жены, и он завидовал сам себе. А потом отдернул занавеску и, уже потянувшись за полотенцем, увидел, как горячий пар, затягивая зеркало туманом, проявляет там надпись.

Умная, собранная и строгая Лиля никогда бы не допустила такую оплошность. Нет, в ней возродилась детская беспечность. Именно беспечность водила ее пальцем, рисуя очаровательное сердечко и вписывая в него чужое мужское имя.

Егор мгновенно смазал ладонью мокрую надпись. В эту минуту он дорого заплатил бы за незнание. Не понимая, что ему теперь делать, он включил воду и принялся мыться еще раз.

А назавтра увидел все собственными глазами. В кафе с забойной музыкой, где собирались байкеры. Лиля была с одним из них, высоким брюнетом в джинсах и пижонской кожаной жилетке. Парню было едва за двадцать, и он балагурил и то и дело усаживал Лилю себе на колени и принимался целовать, а она хихикала, как девчонка. И была девчонкой.

– Не та Лиля, которую я знал, – Егор с силой потер рукой лоб, и над бровями выступило красное пятно. – Которая носила строгие юбки, читала отчеты санэпидемстанций вместо книг, качала пресс, не пропуская не единого дня, и ела на завтрак сопливую овсянку на воде, с медом, потому что сахар вреден. И даже не та, что нежилась в шезлонге где-нибудь в Доминикане, или была моим штурманом в очередной поездке... Она была счастливой, такой счастливой, какой я ее никогда не видел! Хохотала, дурачилась. Это было не пошло, не грязно, даже довольно мило. Если бы она не была моей женой. И я ушел. Несколько дней думал, что она сама заговорит о разводе, но она молчала. Тогда заговорил я. Мы поссорились. А назавтра она сказала, что у нее с тем парнем все кончено, и долго просила прощения.

– И ты простил? – впервые заговорила Лара. Она ощущала, как от прогремевшего мимо трамвая вибрация передалась мосту, на котором они все еще стояли, и по позвоночнику добралась до ее затылка.

Егор обдумывал вопрос. Потом положил локти на парапет, и кисти его

рук повисли красиво и безвольно. Лара вдруг спросила себя, когда именно его безымянный палец покинуло обручальное кольцо.

– Я хотел все склеить, исправить. Она все еще оставалась моей женой. Иногда мне казалось, что это невозможно. Но, что бы она ни натворила, она была мне небезразлична. Иногда я поражался, как свободно мы себя чувствуем за ужином, как болтаем, обсуждая поход в кино на выходных. Будто ничего не было! Она снова стала прежней. Если бы она соврала мне и продолжала свой роман на стороне, я бы почувствовал. Но она сказала правду. И я поверил, что мы справимся с этим. Свои сугубо мужские переживания на этот счет опускаю.

Он поморщился и сжал пальцами переносицу – точь-в-точь, как это всегда делала Лиля.

– Спасибо, что выслушала меня. Если бы ты сейчас не пошла за мной следом, я бы оставил тебя в этом городе. Вернулся бы в Москву, и ты никогда обо мне больше не услышала бы. Это была моя последняя попытка достучаться до тебя. Хотелось, чтобы ты поняла...

Когда на автовокзале Егор прервал себя на середине фразы, развернулся и медленно побрел прочь, у нее было время все обдумать. Несколько мгновений, но их хватило. Она видела его удаляющуюся фигуру, его плечи, обычно такие прямые, на которых в тот момент лежала какая-то невидимая глазу, но очень ощутимая ноша. Схватил он Лару за руку, она бы отбивалась. Потребовав ее внимания, Арефьев бы получил остервенелый отпор. Но он просто уходил. И Лара чувствовала, что не выдержит этого зрелища уходящего, оставляющего ее Егора. Мужчины, уносящего с собой что-то очень горькое.

В ее силах было услышать. И теперь она наконец услышала.

Но вместо сочувствия в Ларе поднималось раздражение. И слова благодарности только подстегнули ее:

– Зачем ты поехал? Через всю страну, чтобы высыпать прах женщины, которая тебе изменяла! Зачем ты все это рассказал? Довольно странно! Ты что, настолько сентиментален? Или мазохист? Или ты поехал, чтобы испортить мне жизнь, заставить усомниться во всем, что я знала? В моей сестре?

– Ты! Ты! Всюду ты или Лиля! – взорвался Егор. Проходящая мимо них старушка в страхе отпрянула, прижимая к груди тряпичную сумку. – А может, дело во мне! Может, я поехал, потому что так было надо – мне? Ты об этом не думала?!

Он хотел сказать еще что-то, но только резко выдохнул и отвернулся.

– И что же тебе надо, интересно? – чуть менее воинственно спросила

Лара. Она чувствовала, что не хочет делать Егору больно, но все равно делает.

– Я... Я не знаю. Или нет – я знаю. Ты и Лиля, вы всегда вместе. Через тебя, в этой поездке, мне кажется, я хотел узнать ее. Я ведь так и не разгадал ее, а она была моей женой шесть лет. Она умерла и не дала мне такой возможности! Как так получилось? Я просто хотел узнать как...

– И что – узнал?

Егор взглянул Ларе прямо в глаза. Потом отвернулся и зашагал обратно.

– Ну да, мы же еще не доехали... – пробормотала она вслед, но он уже не слышал.

Со стороны могло показаться, что все вернулось на круги своя. Снова дорога, снова едущий по ней автомобиль, Егор за рулем, Лара на заднем сиденье, а впереди рюкзачок с урной Лили. Снова хрупкая видимость мира. Снова молчание, наполненное мыслями, которые так громки, что их не надо озвучивать.

Но все это только иллюзия. Карточный домик, шатаемый ветром.

Лара замечала беспокойные глаза Арефьева, поминутно обращающиеся к ней в зеркале, как в прорези чадры, надежно укрывшей все остальное. Она ничего не говорила, ей хотелось забыть все человеческие языки, созданные, кажется, только для того, чтобы один человек мог солгать другому.

Казалось бы, ничего страшного не произошло. Егор просто рассказал ей, что ее сестра ему изменила. Велика беда! Такое случается, это жизнь, в ней много чего случается, и супружеская измена – не самое трагическое. Гордиться, конечно, нечем, но... Еще несколько дней назад Егор был для Лары почти незнакомцем. Если бы тогда, год назад, Лилия примчалась к ней и поделилась своими переживаниями, та спустилась бы в магазинчик за бутылкой вина, они поговорили бы по душам и все обошлось. Женщины, в конце концов, хранят и не такие секреты. Но Лилия не пришла. Потом Лара уехала на стажировку, и на вопрос, все ли в порядке, во время телефонных звонков из Англии получала от старшей сестры пространные заверения. Лилия менялась, даже не посчитав нужным сообщить об этом своей второй половине. Или, может, она не считала Лару таковой?

Это было предательство. И пусть Лара так и не нащупала среди миллионов слов именно этого, самого точного, – она чувствовала его разъедающий, синильный смысл внутри себя. Произошло то, чего не могло быть по определению.

Егор обернулся к ней.

– Я решил не слушать без тебя... Включить?

Лара кивнула после едва ощутимой заминки.

Лиля еще – или уже – ничего не знала.

– У нас тут снова подоспела достопримечательность, – как ни в чем не бывало сообщила она. – Пару сотен лет назад тут неподалеку обнаружили зловещую Огнедышащую гору, из-под которой валил дым. Джон Рональд Толкиен в те годы еще не родился, так что про Мордор никто не подумал, равно как и про разверстые адовы врата. Оказалось все довольно банально – уголь. Правда, очень много. В смысле – очень-очень много. Кузбасс собственной персоной. И у нас на пути один из его городов, Кемерово. Стала я рыскать в поисках чего-то интересного, чтобы развлечь нас в дороге. Оказывается, есть еще одно Кемерово – номер 2140. Это малая планета, объект в Главном поясе астероидов, который находится между Марсом и Юпитером. А вот тут стоп. Я хорошо училась в школе, я люблю учиться. Но в школе нам ничего про главный пояс не рассказывали, нам говорили, что Земля третья от Солнца, а за Марсом идет Юпитер, Уран, Нептун и Плутон. Этот самый Плутон, как позже выяснилось, и не планета вовсе, и его из списка выбросили. А про пояс астероидов вообще ни гу-гу. И тут я задумалась... Собственно, что я узнала в школе? Математику и правописание, которые калькулятор и Word знают намного лучше? Вырастаешь, и оказывается, что выдающиеся физики ищут частицу Бога и годами бьются над вопросом, на который досадливо ответил тебе учитель физики в девятом классе, да еще и к доске вызвал за лишнюю любознательность. Так и я. Когда-то мне казалось, что я во всем разобралась. Очень смешно и очень самонадеянно... короче, это я к чему? К тому, что мы приехали в Кемерово, которое на Земле. И если уж есть второе Кемерово, то, что на небе, так, может, есть и другие мы? Альтернативная реальность, где наша жизнь складывается совсем по-другому... Хорошо бы так и было.

«Альтернативная реальность? – чуть не закричала Лара. – Зачем тебе другие миры, когда их и тут предостаточно?» Лиля умерла три месяца назад, но все еще существовала здесь, на лазерной гладкости диска, в словах Егора, в сердце сестры, в ее обиде. Она была тем самым пресловутым котом Шредингера, одновременно и мертвым, и живым. Альтернатива самой себе, противоречие и незнакомка. И Лара вовсе не была уверена, что сможет с этим примириться.

Мальчишки обступили навороченный велосипед со всех сторон, и

некоторые даже осмелились водить пальцем по его раме, залепленной, как чемодан, яркими наклейками со всего света, и щупать тормозную колодку заднего колеса. Вряд ли сам по себе велосипед произвел бы такой фурор, скорее, впечатление на них произвел его хозяин, сейчас отошедший: судя по всему, какой-то путешественник издалека. Лара мимо стайки ребятни направлялась в магазинчик с белесой растяжкой «Продукты», где изображение большой бутылки кока-колы настолько выцвело, что было едва различимо, и слышала обрывок их разговора:

– Стопудов, из Америки!

– Ага, умник. А океан он как, переплыл, что ли?

– Самолеты есть, вообще-то! Ты же сам видел, он негр. Значит, из Америки.

– Слышь, их нельзя неграми называть... Ну ты придурок!

Лара не могла сдержать улыбку, проходя рядом с ними, и мальчишки притихли. Войдя в вагончик, выполняющий роль магазина, она увидела и виновника их спора. У прилавка стоял жилистый темнокожий парень в удобном велосипедном костюме с зажатым под мышкой ярким шлемом. И на английском языке пытался донести что-то до продавщицы. Та взирала на него с суеверным ужасом и выставляла на прилавок то одно, то другое – угадать, что именно спрашивает чудо-покупатель, у нее не получалось. Лара невольно задумалась, что пугает продавщицу больше: незнакомый язык, непривычная ситуация или то, что парень не переставая улыбается, радостно и белозубо, даже несмотря на ее полнейшее непонимание.

Сжалившись, Лара предложила свою помощь. Оказалось, что велосипедисту нужно средство от комаров и батарейки. В продуктовом ни того, ни другого, конечно, не было, но воспрянувшая духом продавщица велела ждать и выбежала вон, с порога вопя на всю округу:

– Нина!

Пока она разыскивала неведомую Нину и репеллент, Лара разговорилась с велосипедистом. Оказалось, что Филипп француз и он едет по России вот уже второй месяц.

– Ты рискованый парень! – беспокойно покачала головой девушка.

– Мне все так говорят. Мама через день плачет в трубку, думает, меня тут споят водкой или разорвут медведи, – блеснул зубами Филипп. – Но ведь это моя жизнь, я сам решаю, как поступать. И пока ничего страшного не случилось. Люди у вас отзывчивые. Вот ты, например. Только никто не улыбается.

Лара засмеялась:

– Тебе бы тоже умерить пыл.

– Зачем? – искренне изумился парень. – Я здоров, каждый день вижу новые места. По-моему, все замечательно. Я ведь именно за этим и пустился в путь. За впечатлениями. На прошлой неделе жил пару дней у одной доброй старушки, бабы Оли. Она кормила меня пельменями и борщом. Борщ – это такой странный свекольный салат с мясным бульоном, знаешь?

– Мне ли не знать, – давясь от смеха, заверила его Лара.

– И еще баба Оля меня все время называла... Как же... Сейчас, я даже записал.

Он вытащил из нагрудного кармана блокнот и прочел по слогам:

– Бед-ньяж-ка. Что такое «бедняжка»?

– Бедный мальчик. Это она тебя так жалела.

– Странно... – озадаченно нахмурился Филипп.

Вернувшаяся продавщица, гордая собой, выложила на прилавок баллончик репеллента и батареек. Лара быстро расплатилась за пару сдобных булок и бутылку минеральной воды, и они с Филиппом вышли на улицу. Мальчишки, до сих пор изучающие велосипед француза, пугливо расступились.

– Спасибо тебе, Лара, – парень протянул ей руку, розовой ладонью вверх. – Удачной дороги. Если все сложится хорошо, я тоже увижу Байкал, правда, позже, чем ты.

– Может... – заколебалась она. – Тебя подвезти, хоть немного?

– Велосипед не влезет в багажник. Да и какой смысл? Это моя дорога, я по ней еду сам. Размышляю... Только так и понимаешь, в чем смысл пути, разве нет?

– Смысл – добраться до пункта назначения, – отозвалась она. Филипп пожевал губы, обдумывая ее слова.

– Пункт назначения важен, это ведь цель, иначе никто никуда бы вообще не пошел и не поехал. Но дорога, она все меняет. Есть время подумать. Кажется, настоящее одиночество теперь можно поймать только на оживленной трассе, где никому до тебя нет дела. Я уже чувствую, что изменился. И буду меняться еще. Мне нравится.

– Только не расслабляйся, а то так изменишься, родная мама не узнает... – озаботилась Лара. – Не оставляй велосипед без присмотра, а то уведут. И не показывай никому, сколько денег в кошельке. И на ночевку останавливайся не в лесу, а...

– Не волнуйся, все будет хорошо, – пообещал с какой-то удивительной, неколебимой уверенностью Филипп. Еще раз сверкнул улыбкой, водрузил на голову шлем и покатил прочь.

Лара и Егор нагнали его через километр. Лара опустила стекло и помахала на прощание, и Филипп вскинул руку, затянутую в перчатку, в ответном жесте. Его ноги с рельефными мышцами без устали крутили педали. Лара, обернувшись и опершись подбородком на спинку сиденья, все глядела на крохотный удаляющийся силуэт через заднее стекло, пока тот не остался за холмом.

– Непуганые европейцы, – проворчала она с беспокойством. – Все им кажется, что мир уютен и приветлив, и они чувствуют себя везде как в гнездышке...

– Думаешь? Это ты видишь, что он весь такой беспечный и расслабленный, – отозвался Егор. – Ты говорила с ним пять минут и не знаешь, от кого или от чего он убегает. Ты не знаешь его...

Вряд ли Егор сказал последнюю фразу с намеком, но Лара вздрогнула. Она стала сплошной оголенной проводкой, все сказанное так или иначе относилось к тому главному, что она загнала в самую глубину. Лара вглядывалась в лес у дороги, слушала музыку, обсуждала с Егором нового знакомого и еще тысячу бессмысленностей, и даже улыбалась, но внутри ее что-то щелкало, поминутно давая знать о себе ржавым привкусом ноющего зуба.

– Помню, году в девяносто первом один мамин знакомый рассказывал, как ему в американском посольстве не дали визу, – поведал Егор. – Его спросили, как он относится к темнокожим, а он их тогда ни разу в жизни не видел, он же не в Москве жил... Он возьми да и ответь – никак, я их не видел. А посольские посчитали, что он расист, потому что игнорирует людей другой расы. И визу не дали.

Лара хмыкнула. То, что дома она посчитала бы байкой, в самом сердце Сибири воспринималось, особенно после знакомства с Филиппом, вполне правдоподобно. Только лучше бы Егор не старался развлечь ее своими рассказами... Она ловила на себе внимательный встревоженный взгляд, но, несмотря на желание заверить, что все в порядке, продолжала помалкивать.

Вскоре они проехали Мариинск. Слева от дороги остался мемориал жертвам сибирских лагерей, куда Арефьев предложил заглянуть на полчаса. Но для Лары это было бы уже слишком, и она категорически отказалась: сейчас не хватало только смотреть на расстрельные стены со следами от пуль и бараки, где долгие годы истязали и мучили людей.

Лара не могла избавиться от ощущения, что все вокруг стало другим. Более жестким и резким. Конечно, изменился ландшафт, но дело было не только в этом. Здесь она видела совсем другую жизнь. По встречной полосе

то и дело проносились, гроыхая, огромные лесовозы, груженые бревнами, и из-под их колес градом летели каменные брызги, с колючим звоном оставляя сколы на кузове джипа. Мелькали заборы с колючей проволокой, опоясывающие исправительные колонии. Тучи таежной мошкеры коричневыми и желтыми кляксами бились о лобовое стекло, и в салоне то и дело спиртово-сладко пахло жидкостью стеклоомывателя – ее стало уходить столько же, как и во время какого-нибудь декабрьского путешествия по грязно-снежной хляби центральной России. Лара подумала, как, наверное, сильно это раздражало бы Лилю, будь она здесь – при ее-то нелюбви к заляпанным стеклам.

Все чаще навстречу из клубов пыли стали выныривать загадочного вида машины, праворульные, замотанные скотчем или лейкопластырем по самые окна. Они ехали по левой полосе – правая была безнадежно разбита теми же самыми лесовозами, и соскальзывали на причитающуюся им полосу, только сблизившись с джипом Арефьева, а потом снова занимали чужую сторону, пока позволяла пустынная дорога. Про правила дорожного движения тут не помнили. Водители таких машин, все как на подбор в солнцезащитных очках, с бородами и дымящимися сигаретами, напоминали Ларе дальнотойщиков, только в легковушках. Оказалось, она почти не ошиблась.

– Это перегоны, – пояснил Егор. – Гонят «японок» из Владивостока, это в разы дешевле, чем покупать тачку у нас в стране. А качество японское. Был у меня один знакомец, перегон. Не расставался со своей «Сайгой».

– Что за сайга? Как антилопа? – не поняла Лара.

– Как карабин. Охотничий. Мало ли кого встретишь в дороге... – добавил Егор, отвечая на озадаченный взгляд спутницы. – Лежал у него в спортивной сумке под сиденьем.

– Надеюсь, у тебя ничего подобного в багажнике не завалялось?

Арефьев усмехнулся и не посчитал нужным отвечать.

Лара чувствовала, что и сама стала резче. Из всего мира вокруг прежним, кажется, остался только Егор. Он все так же вел машину, редко пуская Лару на водительское место. Она уже знала, что он предпочитает рулить, небрежно положив левую руку сверху, там, где на циферблате были бы двенадцать часов, вместо того чтобы держать обе руки на руле – на десять и два часа, как полагается. Большим пальцем он постукивал по кожаной оплетке руля в такт Лариной музыке, как и раньше, одинаково терпеливо принимая и Black Sabbath^[5], и Бон Джови с Бобом Диланом^[6], и это почему-то трогало ее.

Она не уловила, в какой именно момент перестала видеть ореолы вокруг Егора. Совсем. Видимо, в ее голове что-то замкнуло и перегорело, выбило предохранители. Неудивительно и довольно закономерно – после всего услышанного в этой поездке. Она рассудила, что так даже лучше: все-таки они с Егором провели наедине почти неделю, и разобрать его сложные дымчатые настроения с каждым разом становилось все труднее, так что это даже начинало нервировать. Теперь можно было расслабиться и оставить попытки.

Но, странно, без ореолов она видела Егора четко, до рези в глазах, словно впервые. С ямочками на щеках, которые наверняка еще лет десять назад делали его похожим на озорного ангела, кем он вовсе не являлся. Годы успели стереть из его черт юношескую мягкость, но она затаилась в его улыбке и теплых орехово-зеленых глаза, вокруг которых уже собирались морщинки. Лара припомнила, как переживала за душевный покой сестры, когда отдавала ту замуж за Егора – хотя Арефьев и не давал повода в нем сомневаться. Кто же мог предположить, что волноваться надо было не за это...

Теперь любая Ларина мысль про сестру заканчивалась очередным «но», сомнением, вероятностью новой ошибки. Потому что та Лиля, с которой она выросла бок о бок, деля кровать, стол, все мысли и весь мир, обязательно бы примчалась и рассказала про свой роман на стороне. Не чтобы похвастаться или исповедаться, а потому, что терпеть такое внутри самой себя невыносимо, и, если не поделиться переживаниями, можно сдетонировать и взрывом разнести половину своей мирной, обустроенной жизни. Лилия бы уж точно взорвалась – та, которую знала и помнила ее младшая сестра. У той Лилии муж был первым и единственным мужчиной в жизни, и она безумно волновалась перед свиданием, на котором все должно было свершиться. Лара помнила, как успокаивала и подбадривала сестру в тот день – предстояло ведь настоящее Событие, не то что Ларин первый секс в общежитии мединститута. Так что представить себе Лилю, изменившую Егору и при этом хранящую хладнокровное молчание, было решительно невозможно. Слушая на мосту Арефьева, Лара ловила себя на том, что перед глазами встает образ не ее сестры-близняшки, а абсолютно чужой женщины с незнакомым лицом и нутром. Лилия никогда бы не стала встречаться с мужчиной, будучи замужней, да еще и с байкером, да еще и младше нее, да еще и тайком от сестры. Все это было против правил, а Лилия постоянно ставила правила во главу угла.

И тут снова возникало это пресловутое «но»: Арефьев не лгал.

Лара видела в атласе автодорог новые пометки, сделанные Лилиной

рукой, хотя и утаивала это от Егора. Наверняка там нет ничего жизненно важного, уговаривала она себя, не замечая, какими дикими показались бы эти мысли еще вчера. Еще вчера слышать родной голос было главной отрадой, неслыханным подарком. А сейчас хотелось затаиться, заснуть, ни о чем не думать, не слышать, не вспоминать. И, кажется, это уже стало входить в привычку из ряда самых дурных.

На закате Егор и Лара остановились в небольшой гостинице в Емельяново, неподалеку от красноярского аэропорта. Перспектива рыскать по большому городу, чьи приметы обозначались с каждым километром все явственнее, казалась более пугающей, чем несколько часов кряду слушать гул самолетов, заходящих на взлеты и посадки. Опуская голову на подушку в жесткой до хруста наволочке, Лара чувствовала облегчение и благодарность за то, что кто-то мудрый создал ночь, время передышки в нескончаемой битве. Прошедший день был тяжелым. Одним из самых сложных в ее жизни – хотя любой человек со стороны сказал бы, что сегодня не произошло ничего, кроме разговора на мосту.

Глава 9. Гагавка

Здесь все было неумное, резкое, бескрайнее и величественное, никакой умеренности – одни экстремумы. Невероятный Енисей, оставшись позади, все еще не шел у Лары из головы: в списке «великих русских рек» даже Волга ему проигрывала. Редкие человеческие жилища не портили картины, и Лара, ведя машину, вдруг ощутила себя первооткрывателем, ступившим на неизведанную часть суши, таящую красоту и опасность. И, как все первооткрыватели с начала времен, тут же осознала, что никакими усилиями не сможет овладеть здешней природой или даже приручить ее. Только смиренно склонить голову и попытаться подстроиться: Сибирь как божество, грозная мыслящая субстанция, никому не подчинялась и не принадлежала.

Нарушая восторженные и довольно пространные размышления Лары, Егор вдруг выключил музыку и прислушался.

– Что такое? – Лара тоже навестила уши.

– Пока не знаю. Давай-ка прокатимся в тишине.

С машиной что-то происходило. Без музыки Ларе тоже стало слышно, как при наборе оборотов двигатель ласково шуршит, будто в нем завелось два десятка пташек, хлопающих крохотными крыльями. Только вот автомобиль не подходящее место для таких существ, весело подумала Лара и, вместо того чтобы разволноваться, неожиданно восхитилась: надо же, Егор смог различить трепещущий звук сквозь громкие аккорды – самой ей

это уж точно не под силу.

Несколько километров спустя Арефьев удрученно покачал головой, и Лара по его просьбе все-таки остановила машину на обочине и заглушила мотор. Егор отправился инспектировать пташек под капотом, Лара вышла следом. В автомобильных двигателях она ровным счетом ничего не понимала, сразу же припомнив, что именно благодаря Арефьеву не отправилась в путь на своем стареньком «Опеле», и вздохнула, представив его до сих пор понуро стоящим у ее московского подъезда. Когда они вернутся, надо будет прижать к стенке несносного Егора – пусть чинит то, что сломал. И хотя этот образ согрел ее сердце, она уже уяснила: заставить Егора невозможно. Зато, вероятно, можно просто попросить...

Пользуясь случаем, она расчехлила фотоаппарат и сделала несколько кадров. Словно по заказу, из ближних кустов с порывом дремотного летнего ветерка поднялось в воздух и замельтешило бледно-желтое облачко бабочек-лимонниц.

– Что я могу сказать... – выглянул Арефьев из-за капота. Он нетерпеливо смахнул со лба упавшую прядь, и над бровью осталось грязное пятнышко моторного масла. Лара успела щелкнуть затвором. – Дальше мы не едем.

– Шутишь? – отозвалась она и, лишь оценив сосредоточенность на его лице, сообразила:

– Не шутишь...

Егор задумчиво постукивал по губе указательным пальцем.

– Но разве ты не можешь ее починить? Мне казалось, ты...

– Всемогущий? Жаль тебя расстраивать, – мягко улыбнулся он. Егор был озадачен, но не расстроен, и уж тем более не напуган – Лара не могла себе представить, что должно случиться, чтобы этот мужчина действительно испугался. Нападение медведя? Стая волков? Явно не поломка двигателя посреди незнакомой глухомани. Чутко настроившись на его волну, она позволила зародившемуся волнению утихнуть. Но крышку на объектив все-таки вернула:

– Что стряслось-то? Можешь толком объяснить...

– Вытекло все масло. Не пойму, в чем дело. Но на сухую ехать нельзя: если сгорит поршневая, мы застрянем тут на несколько дней, а то и больше.

Ларе стоило быть посерьезнее, но она никак не могла сосредоточиться. Ее жутко отвлекал масляный след на лбу Егора. Повинуясь порыву, она шагнула к нему и осторожно потерла пятнышко. И тут же отдернула руку, смутившись. Поспешно выпалила:

– Так что, обратно в Красноярск, в сервис?

Егор рассеянно коснулся пальцами лба, словно ощупывая то место, которого она только что касалась. Потом сощурился, пытаясь разобрать цифры на синем столбике у дороги.

– До него... сто три километра. Боюсь, не дотянем. Дай мне подумать.

Он распахнул дверь и устроился на сиденье, принявшись изучать карту. Лара, сбитая с толку, побрела в сторону березовой рощицы совершенно идиллического вида. Ей и самой неплохо бы подумать, только вот боязно...

– Эй! – окликнул ее Егор. Лара нервно обернулась и едва успела поймать летящий в руки зеленый баллончик аэрозоля. – Побрызгайся, не то клещей нацепляешь, их тут уйма. Кстати, хорошая реакция! Обычно у девчонок руки-крюки!

И с этими словами Арефьев с завидной беспечностью снова уткнулся в карту.

Возвращаясь, Лара еще издали заметила трактор, тархтящий возле арефьевского джипа. Мужичок-тракторист, помятый, жизнью потрепанный и даже побитый, если судить по давно свернутому набок носу, на пару с Егором разбирался с поломкой и, завидев девушку, улыбнулся щербато и хитро:

– С такой-то компанией не грех и застрять!

И обтер тряпкой руки:

– Так что, едем?

Видимо, в ее отсутствие Егор успел о чем-то договориться. Лара нахмурилась, ожидая объяснений.

– Лар... Нас Митяй хочет до их деревни дотащить, а там будем разбираться. Ты как, согласна?

– Может, все-таки эвакуатор? – засомневалась она.

– Вот москвичи! – словно даже обрадовался ее вопросу Митяй. – Чем тебе мой тракторец не эвакуатор? Ты даже не думай, красавица, тут недалеко. Трос имеется?

На большом пальце его правой руки проступала чернильная татуировка, буква «Й», и чего только не пришло в голову Ларе, прежде чем она разглядела буквы на остальных пальцах, сложившиеся вместе в имя «Митяй».

Не успела девушка опомниться, как уже сидела рядом с Егором, а трактор Митяя бодро тянул джип на сцепке. Они безо всяких указателей съехали с трассы на проселок и тряслись теперь по бездорожью, все углубляясь в чащобу. Днище поминутно с неприятным скрежетом цепляло

гребень колеи. На карте по-прежнему не отыскалось никаких примет близкого населенного пункта. И когда в голове все же стали возникать подозрения относительно чистоты Митяевых помыслов, лес посветлел, а вдалеке показались избы, одной улицей-подковой вытянувшиеся у подножья невысокого темного лесистого холма. Над ними возвышался остов колокольни, не то недостроенной, не то разрушенной, в строительных лесах, почерневших от времени и непогоды.

Митяй протащил джип по улице, распугивая кур и мимоходом перекидываясь приветствиями с соседями, глядевшими на гостей с настороженностью и интересом. Лара заметила несколько изб с заколоченными крест-накрест окнами и перекосившимися калитками: деревенька явно переживала не лучшие свои годы. Впрочем, если судить по отсутствию желтой газовой трубы, прежние времена были не многим благополучнее.

Распахнув двери огромного, ангароподобного сарая, Митяй велел Егору загонять джип внутрь, а сам исчез на несколько минут и возвратился уже не один, а с высокой, ширококостной женщиной в застиранном цветастом платье. Она на ходу сдернула с головы косынку и проворным движением пригладила волосы.

– Пойдем ко мне, пусть мужики сами разбираются. Я Вера, – просто, без лишних вступлений проговорила женщина и кивнула на ближайший дом. Лара в поисках поддержки оглянулась на Егора, но тот уже суетился вокруг машины.

В доме у Веры висела духота, пахло испеченным хлебом и застарелым папиросным дымом. То и дело отодвигая ногой пару мяукающих кошек, хозяйка усадила Лару за стол, обитый клеенкой, и, ничего не спрашивая, поставила перед ней трехлитровую банку молока, стакан и большое блюдо с шанежками^[7]. Деловитая, неторопливая, немногословная Вера сразу понравилась Ларе. Отвечая на ее вопросы, женщина коротко поведала, что деревенька называется Гагавка, и раньше народу здесь было куда больше, потому что в речке Свире, что за холмом, мыли золото. Но золотоносного песка теперь отчего-то совсем мало, баловство одно, и кончилось тем, что все подались в большие города, а деревенька захирела. Даже магазина нет, «буханка»^[8] с продуктами приезжает три раза в неделю.

– Может, и хорошо. У нас ведь как? – вооружившись мухобойкой, Вера ловко прихлопнула пару надоедливо гудящих мух. – Есть магазин – есть разврат и пьянство. Нет магазина – нет разврата.

Не успела Лара допить молоко, как в избу заглянула соседка Марина,

крепкая, пышногрудая и красивая. Заскочила она будто бы за солью, но Лара ничуть не обманулась: вороные глаза с поволокой горели любопытством – точь-в-точь черный гранит с искрами слюды. Опасаясь, что это не единственная любопытствующая особа в деревне, Лара поблагодарила Веру и вышла на улицу. Егор с Митяем все еще возились с машиной, так что, оглядев знакомый, озадаченно взъерошенный затылок, Лара отправилась прогуляться по деревне.

Смотреть тут особенно было нечего, и вскоре она добрела до старой колокольни, по одну сторону от которой лежало кладбище, а по другую – поляна, заросшая пахучим белым и желтым донником по пояс. В деревянных пролетах колокольни свистел ветер. Лара задрала голову и, сощурившись от яркого солнца, принялась разглядывать стропила и балки. И обомлела – на верхней площадке, на самом краю балансировал подросток. Чуть раскинув руки, словно ища и не находя опоры. Лару пронзил ужас, она совершенно отчетливо представила себе, что случится в следующий миг: шаг в пустой воздух. Кончики пальцев неприятно закололо.

– Эй! Эй, подожди! – закричала она. – Стой!

И бросилась карабкаться на колокольню. Она не думала о занозах, остающихся в ладонях, о том, что трещат хлипкие прогнившие доски. В голове красной мигалкой с визжащей сиреной пульсировала только одна мысль – спасти, спасти. Лара взлетела на предпоследнюю площадку строительных лесов, не опуская глаза, бездумно, безумно, как в детстве на вышку ЛЭП, натужно гудящую под напряжением. И с замирающим дыханием заглянула на верхний ярус.

Подросток стоял на самом краю, так что носки великоватых ботинок нависли над пустотой. Одной рукой он уцепился за вертикальную стойку, а второй ловил ветер, всей растопыренной пятерней. И, кажется, совершенно не обратил внимания на Ларино появление.

– Эй-эй-эй, подожди, послушай меня, не надо... – голос у нее сел, и вышло довольно хрипло. Плечи паренька вздрогнули, он обернулся и шагнул в сторону, так что у Лары чуть не разорвалось сердце. «Лет двенадцать, совсем ребенок...»

– Стой. Не двигайся. Послушай меня... – собираясь с мыслями, она медленно выдохнула. – Что бы там ни случилось... Это же не выход. Столько людей наверняка тебя любят. Мама, папа...

Лара проклинала себя за то, что несет чушь и околесицу, как в плохом кино, вместо того, чтобы действительно сказать что-то стоящее. Но ей нужно было выиграть время и переключить внимание паренька на себя. Так

что она продолжила:

– Они, наверное, волнуются за тебя. Думают, где ты гуляешь... Как тебя зовут?

Подросток не ответил. Он напоминал новорожденного жеребенка, лопоухий, с несуразно длинными руками-спичками, худыми лодыжками, белеющими из коротких штанин, и огромными, совершенно синими глазами. Выражение в них было то ли наивное, то ли отсутствующее, Лара точно не поняла.

– Меня вот зовут Лара. Мне тоже иногда приходится нелегко и грустно, но я всегда знаю, что это не выход. Все меняется, знаешь? Сегодня, кажется, все плохо, а завтра утром проснешься, и солнце светит, и вроде можно жить и справляться со всем. Что бы ни случилось. Понимаешь, о чем я?

Она говорила, только чтобы не молчать, машинально и не очень вслушиваясь в смысл сказанного. Где-то на периферии сознания мигнула издевательская улыбка внутреннего беса. Чтобы не сбиться на него, она сосредоточилась на всполохах настроений стоящего перед ней паренька. Цвета были чистые, непривычно звонкие, настоящая радуга, и на секунду Ларе показалось, что поездка с Арефьевым свела ее с ума. Не может человек задумать самоубийство и при этом испытывать такие салатные и оранжевые чувства. Надежда? Радость? К чему это все? Лара окончательно запуталась.

– Давай спустимся? – предложила она, особо не надеясь на успех. Подросток погрузился и взглянул с укором, как смотрят маленькие дети, когда взрослые не понимают их игр. Продолжая хранить молчание, он подошел к стропилам и проворно, по-обезьяньи слез вниз, хватаясь за перекрытия и балки. Не дожидаясь Лары.

У той спуск занял намного больше времени. Теперь, когда угроза миновала, она заметила и саднящие ладони, и головокружительную высоту, и ветер, пронизывающий высокие пролеты колокольни. Почувствовав под ногами твердь земли, Лара подавила подкатывающую тошноту.

Паренек все еще был здесь. Долговязый, нескладный, он стоял, задрал голову, и с приоткрытым ртом следил за редкими быстрыми облаками. Уголки его мягких, крупных губ недоверчиво вздрагивали, будто кто-то, дергающий за невидимые вязочки, не мог решить: растягивать ли губы к ушам или оставить в покое.

– Лара... – пробормотал он, заметив девушку краем глаза. Она с облегчением кивнула.

– А я Владик, – он широко улыбнулся, мгновенно забыв огорчение. – Мама говорит, мне туда нельзя. Но мне там нравится. Я смотрю, как летают птицы. Я тоже хочу летать, но мама говорит, я не умею. Когда я научусь, тогда, наверное, можно. Я у нее спрошу. Я смотрю на птиц каждый день. Они умеют летать. А ты?

На вид Владика было не меньше двенадцати, а судя по речи – не больше шести лет. Он говорил, неуклюже растягивая гласные и делая между предложениями долгие паузы. Лара, сообразив, в чем дело, легонько вздохнула.

– Нет, Владик, люди летают только во сне. Тебе же снятся сны?

– Космонавты. Они люди, и они летают. И еще летчики. У меня папа летчик, и я буду.

И паренек, распластав в стороны руки с широкими, уже по-мужски крупными ладонями, побежал в сторону домов, изображая самолет и громко жужжа. За ним, как распахнутый плащ, развевался шлейф чистейшего ликования.

Вернувшись к ангару Митяя, Лара снова заметила черноглазую Марину. Та крутилась возле хозяина и Егора, и мужчины были не против. Митяй стрелял глазами по аппетитной фигурке, Егор о чем-то шутил, и тогда Марина заливалась громким сыпучим смехом, вся в алом ореоле. Эта картина Ларе категорически не понравилась. Она едва сдержалась, чтобы не подойти ближе. Но что она могла сказать? Обвинить Арефьева в несерьезном отношении к ремонту? Смешно, в самом деле. «Все здесь взрослые люди, и каждый волен делать, что ему заблагорассудится», – стиснув зубы, решила Лара. Еще никогда либеральный подход к флирту не делал ее более несчастной, чем в эту минуту.

Словно стремясь ее добить, Марина быстро метнула в ее сторону беззащитный взгляд и шагнула к Егору, мило воркуя. Он ответил лучезарной улыбкой, той самой, что заставляет любое сердце пропускать удар. Лара сделалась почти нездоровой.

Чувствуя себя забытой и покинутой, она присела на завалинку дома Веры. Окно над ее макушкой тут же с треском распахнулось, и оттуда свесился довольный Владик. Над верхней губой белели сметанные усы, которые он слизывал красным языком:

– Приве-ет!

– Владик, а ну сядь за стол, ешь, – донесся из глубины комнаты Верин

голос. Лара поднялась и заглянула в дом из-за трепещущей тюлевой занавески. Тут же заметившая ее Вера подошла ближе.

– Так Владик твой сын? – Лара посмотрела мимо женщины на паренька, за обе щеки уплетающего шанежки. Вера кивнула.

– Я видела его на колокольне, – Лара умолчала о подробностях. – Это ничего, что он туда залез?

Вера вздохнула:

– Да как «ничего»? Уже замучилась говорить... Первый раз, когда увидела, чуть не околела. А потом привыкла. Он почти каждый день там торчит, вбил себе в голову, что хочет летать. Два года прошу мужиков: не доводите до греха, разберите вы эту чертову колокольню. Кончится все тем, что сама с топором пойду...

Тут Вера внимательно взглянула на Лару, потом на ворота сарая Митяя, и ее узкие губы дрогнули:

– А из-за Маринки не переживай. Это ее обычное состояние.

– Да я и не... – начала Лара, чувствуя, как горят уши.

– Красивая баба, но отчаянная, не знаю, что хуже. Муж у нее в том году умер. С приятелем в Бараново, тут недалеко, напились паленой водки. Нет бы нашего самогончика, родного – так чужую бурду выхлебали, а там кто разберет, как ее гнали, из чего... В общем, траванулся насмерть. Год со свадьбы, ребенку их тогда всего два месяца исполнилось... А жизнь-то идет дальше. Теперь Маринка со Славиком живет, он работает сутки через трое в Канске. Надеется она совсем в город перебраться, да пока тут кукует, ждет то ли Славика, то ли кого позавидней. Так что ты на нее не злись, лучше пожалей.

– А что мне на нее злиться?

Вера хмыкнула.

К завалинке подошел Егор. Пока он пересекал улицу, обходил глубокую лужу, спугнув крикливую упитанную утку, Лара следила за каждым его движением, ощупывала взглядом, словно проверяя, не изменилось ли чего в его облике за эту пару часов. Она могла бы сказать, что испытывают все люди в деревне: Вера, Митяй, Марина и уж тем более Владик не были для нее загадками. Но не Егор. Не различая ни дуновения, ни вспышки вокруг него, она оказывалась совершенно беспомощна и растеряна перед ним. Что он чувствует, о чем думает? Тот ли это человек, что привез ее в Гагавку? Что был с ней неразлучно последние дни, отчитывая, смеясь и ссорясь насмерть... Все эти новые знакомые грубо вторглись в путешествие, нарушили хрупкое равновесие, и Лара мечтала скорее избавиться от них.

Однако Егор принес неутешительные новости. Починить машину оказалось не по силам даже рукастому Митяю, собравшему некогда свой трактор из кучи разрозненного хлама. Точнее, починить он мог, но лишь при наличии запчастей, за которыми придется ехать в город. А добраться до города можно будет только после возвращения Славика – у него единственная машина на ходу в деревне.

– Вот такая сложная схема, – заключил Егор.

– А когда вернется этот Славик?

– Марина говорит, к вечеру. Ты уже знакома с нею?

Самообладания Лары хватило только на то, чтобы выдавить:

– Да.

Чтобы не растравливать душу, она без дальнейших расспросов и бесед вооружилась фотоаппаратом и принялась снимать все подряд. Камера в руках делала ее свидетелем, а не участником, жизнь через объектив не трогала и не задевала.

К вечеру Лара знала Гагавку наизусть. Все здесь было иначе. Лица людей, как и окружающая природа, были суровее, в их чертах сквозила неуступчивость, выживание – даже у Марины, у которой вкрадчивая ласковость вошла в привычку. И Лара не могла точно сказать, то ли это наследие ссыльно-каторжных и золотодобытчиков течет в их крови, то ли сам климат заставляет местных обитателей подстраиваться. Речь у всех была быстрая, четкая, ни московской тягучести, ни оканья – словно вообще без местечкового говора.

Заглядывая поверх заборов, Лара видела кое-где удивительные дворы с сохранившимся деревянным настилом прямо поверх земли, которые так удобно мести и о которых раньше она только читала. Видела крепких женщин с красивыми лицами, которые сами кололи дрова, носили воду, крыли замысловатым матом пастуха, некоторые даже дымили вонючей махоркой. Вера уже успела объяснить ей, что привычка эта – лагерная, не столько ради курения, сколько для отпугивания мошкары.

Завидев Лару с фотоаппаратом, Митяй норовил ухмыльнуться и стать в позу поинтересней, Вера смущалась и отмахивалась, и только Владик вел себя совершенно естественно, не обращая внимания на такие мелочи. Лара поняла, что его голова занята множеством разных дел, он с одинаковым упоением рисовал на вросшем в землю бетонном колодезном кольце рыжим кирпичом, пускал щепки-кораблики в доверху наполненной водой бочке и собирал на огороде жуков в банку керосина. Еще несколько лет назад о такой напасти, как эти полосатые жуки, здесь не слышали, и, по выражению Митяя, «их завезли с Запада, как и всю заразу».

Маринкин ухажер Славик, детина с огромными руками, сплошь испещренными синими, как контурные карты, наколками, приехал уже в сумерках. Договорившись отправиться в город завтра с утра, Митяй и Славик без промедления сели пить в сарае, зазывая к себе Арефьева. Ни у кого не возникло и мысли, что москвичи собрались ночевать в машине. Видя Ларину озадаченность, Вера уговорила пойти спать к ней.

– Постелю вам тут? – женщина проводила ее в дальнюю комнату и кивнула на высокую панцирную койку, заваленную подушками. – Поместитесь вдвоем?

Лара вспыхнула:

– Нет, что ты! Я лучше на полу лягу. Мы... мы не вместе.

– Разве? – отозвалась Вера.

– Да, мы... брат с сестрой. Двоюродные.

– Ах, вон как...

По ее виду было ясно, что она ни на секунду не поверила Лариным словам. Но спорить не стала, вытащила с антресолей свернутый старый матрас, залитый чем-то желтым, и бросила на пол.

– Ты ляжешь тогда на кровати, а на полу уж пускай твой... братец.

Сетка на койке качалась и поскрипывала всю ночь, при каждом Ларином движении, но она все равно хорошо выпалась. Даже комары, умудрившиеся просочиться в избу, не донимали ее – возможно, потому, что перед сном она сбрызнула аэрозолем уши, ведь обычно ее тревожили не укусы, а нудный надоедливый писк. Тело привыкло к дальней, нескончаемой дороге, и неустроенность с каждым днем сносилась легче, так что, едва открыв глаза под крик петухов, Лара уже готова была ехать дальше. И только потом вспомнила Гагавку и вытекшее машинное масло, а значит – вынужденный простой.

В маленькие окна бил солнечный свет и растекался по дощатому полу. Матрас был аккуратно скатан в рулон и отодвинут к стене, и Лара улыбнулась, представив, как Егор сопел на нем ночью и как осторожно двигался утром, чтобы ее не разбудить. Возможно, все происходило совершенно иначе, но думать именно так было приятнее всего.

Она застала Егора на кухне, завтракающего вместе с Верой и Владиком. Парнишка с ногами забрался на ящик с комбикормом и при виде Лары стеснительно потупился.

– А, проснулась, – кивнула Вера. – Чего сделать, чаю или кофе?

Лара выбрала кофе и вскоре пожалела: горячая коричневая жидкость в чашке пахла цикорием, кошками, чем угодно, только не кофе. Но капризничать было бы наглостью, так что она отхлебывала мелкими

глотками, обжигаясь и почти не чувствуя кислого вкуса. Владик, поглядывая на нее, покачивался из стороны в сторону и ладонями скатывал в шарик хлебный мякиш – точно так же когда-то в детстве делала маленькая Лиля. От резкого воспоминания Лара вздрогнула и плеснула кофе на клеенку.

В окно стукнул Митяй, и Егор, залпом допив чай, вышел во двор. Лара, заторопившись, выскочила следом, испуганная, что он так просто и уедет, не попрощавшись, ничего ей не сказав. Поездка в город должна была занять не так уж много времени, но впервые за последнее время Лара столкнулась с необходимостью не по своей воле потерять Егора из вида. Пусть даже на несколько часов, но они расходились в разные стороны – и ей это не понравилось.

У калитки она вкратце поведала о своем вчерашнем знакомстве с Владиком. Егор покачал головой:

– Лара, Лара. Ты как Чип и Дейл, вечно спешишь на помощь. Сначала спасаешь, потом спрашиваешь, надо ли.

– Но было полное ощущение...

– В том-то и дело. Со стороны все может казаться совершенно не тем, чем является. Но ты делаешь скоропалительные выводы, торопыга... А поскольку ты еще и добрая, как мы помним... – зеленые с охристыми крапинками глаза Егора, обратившись к ней, расплескали озорное тепло.

– Если бы ты знал, что я иногда думаю... Я не добрая, – вздохнула Лара.

– Еще какая. Ты, наверное, можешь встретить на улице знакомую, которую не видела лет пять, а назавтра уже соглашаешься посидеть с ее ребенком. Ведь так? Скажи «да».

Лара энергично замотала головой из стороны в сторону.

Митяй гаркнул через всю улицу, что он и Славик готовы ехать. Егор зашагал в его сторону, остановился, замешкался, возвратился к Ларе и пристально оглядел ее. Она тут же ощутила его и свой рост, маленькую себя и большого его, и осторожно подняла глаза. Когда Егор молча передал ей ключи от джипа – просто так, на всякий случай, – было в его случайном прикосновении что-то такое, из-за чего она едва удержала брелок негнуцими пальцами и растерянно сморгнула.

– Я скоро, – пробормотал он.

Когда «уазик» Славика, гроыхая и дребезжа, скрылся в клубах дорожной пыли у кромки дальнего леса, за которым, за пределами этого мирка, тянулась трасса к большим городам, Лара зашла в незапертый Митяев сарай и взяла с переднего сиденья джипа рюкзак с урной. Он

пролежал здесь всю ночь, оставленный, но не забытый. Лара знала, что вчера повела себя по-детски, но никак не могла с собой совладать: она оставила Лилин прах здесь в отместку. После рассказа, поведенного Егором, она была обижена на сестру. А сегодня по привычке уже чувствовала неловкость перед нею.

– А вот и врешь! И не краснеешь! Дурак! Ничего ведь не соображаешь, а еще врешь! – донеслось с улицы гневно и звонко. – Отдай!

– Но это же мое... – Лара узнала в озадаченном отклике голос Владика и выглянула наружу.

Бойкий мальчишка лет восьми что-то отнимал у Владика, несмотря на то что был ниже его на две головы. Владик не отпускал вещь, издав напомиनावшую желтую тряпочку, и тянул на себя.

– Отдай шлем... – тянул он плаксиво. – Папа правда летчик.

– Ага, летчик! У тебя вообще нет отца и не было никогда! – мальчишка брал нахрапом.

Рот Владика выгнулся коромыслом. Паренек выпустил из пальцев желтую тряпочку, отступил, ссутулился, сразу становясь меньше ростом. Лара поняла, что он сейчас расплачется. Это же понял противник и среагировал мгновенно: отскочил в сторону, схватил с земли засохшую коровью лепешку и запустил ею в голову Владика, ловко закрутив, как закручивают фрисби на белых калифорнийских пляжах. Владик успел увернуться, и мальчик нагнулся за очередным кизяком, входя в раж.

Лара оказалась рядом с мальчишкой мгновенно. Она схватила его за шиворот и сильно встряхнула.

– Ты что творишь, а? Ну-ка отдай сейчас же! Слышишь?

Мальчик ойкнул и от неожиданности послушался: сунул ей в руки тряпочку и по-заячьи отскочил. Лара смерила обоих грозным взглядом и снова обратилась к обидчику:

– Не смей больше говорить ему гадости. А то его папа...

Мальчишка ухмыльнулся:

– Ага, папа... Хорош гнать...

– Я-то с его отцом хорошо знакома, – сощурилась Лара в гневе. – А ты? Он летает на истребителе СУ-27. И я обязательно ему передам, что ты обижаешь его единственного сына. Что-то мне подсказывает, он надерет тебе задницу. Так что неделю сидеть не сможешь. Понял меня?!

Мальчика как ветром сдуло. Лара повертела в руках предмет ожесточенного боя, который оказался старой, советского образца резиновой шапочкой для плавания, и протянула подошедшему Владика. Тот смотрел на спасительницу с обожанием. Потом расплылся в улыбке и напялил

шапочку на голову.

– Он в меня кизяком кинул. Это обидно. Но не больно. И я все равно летчик!

– Да, очень похож, – она поправила ему завернувшееся внутрь резиновое «ухо».

– Ты знаешь моего папу? – с надеждой затаил дыхание паренек. У Лары не повернулся язык соврать ему:

– Нет, Владик, не знаю. Я так сказала, потому что не хотела, чтобы он больше тебя обижал.

– Ты добрая. Мама говорит, врать нехорошо.

– Она все правильно говорит.

Владик наморщил лоб, обдумывая сказанное ею. А она размышляла о том, что за сегодня он уже второй, кто говорит ей о доброте.

Ближе к обеду, слоняясь по деревне, Лара стала замечать, что все чаще косится на дорогу, гадая, не появится ли там «уазик» Славика. Она убеждала себя, что ей просто не терпится продолжать путь на Байкал, чувствуя, как рюкзачок за плечами наливается тяжестью. Нигде было не спрятаться от этой маеты и неприкаянности, так что, когда от калитки ее окликнула Марина, Лара уже не испытала вчерашней неприязни к этой женщине – она была рада отвлечься. Марина рассказала ей ровно то, что та уже знала от Веры, и про мужа, и про маленькую дочку, и про стремление перебраться в город неподалеку. Москва для Марины была местом мифическим, невероятным, одновременно страстно желаемым и горячо ненавидимым, о котором она слышала каждый день в новостях, но в реальное существование которого почти не верила. Мысли о городах поблизости наполняли ее надеждой, правда, не салатовой, а какой-то безрадостной, цвета жухлой травы.

Так они и сидели у калитки, на грубо сколоченной скамейке под облепихой, и Марина говорила без умолку своим глубоким, грудным голосом, покачивая ногой ветхую коляску, в которой посапывала дочь, а когда-то, вероятно, и она сама. Лара знала, что Марина не просто так вышла, она сбежала от свекрови, с которой только что поцапалась, и от очередного старческого покашливания, доносящегося из прохладной глубины избы, плечи Марины поджимались. Потом она вдруг спохватилась:

– Боже, совсем забыла, воды-то нет. Посидишь тут с Ленкой, я до колодца сбегаю?

Лара кивнула. Марина очаровательно улыбнулась ей:

– Я мигом.

И загремела ведрами.

Лара проводила ее взглядом до самого конца улицы. И в тот момент, когда Марина опустила первое ведро в колодец, столб пыли возвестил о возвращении Славика, Митяя и Егора. Лара живо встрепенулась, приподнялась, то ли стремясь разглядеть машину и ее пассажиров, то ли собираясь броситься навстречу. Но в коляске продолжала спать Маринина дочка, и Ларе пришлось утихомириться. Она с пронзительной зоркостью следила, как Егор выходит из машины, скорее угадывая его походку, чем видя ее отчетливо. Марина, возвращаясь от колодца, поравнялась с машиной и поставила ведра в пыль. Мужчины заговорили с ней. Их голоса ветер уносил в другую сторону, так что Ларины глаза превратились в щелки, пытаясь рассмотреть происходящее. Она видела, как Марина обмахивается косынкой, как Егор, пользуясь предложением, зачерпывает из ее ведра и пьет с пригоршни. И злилась. И злилась, что злится. Осознав, что попала именно в ту западню, о которой говорил Егор еще утром, она пыхла и клокотала, как чайник на горелке.

Казалось, прошли века, прежде чем Марина дошла до своей калитки и сообщила, что поездка «мальчиков» в автомагазин увенчалась успехом. Лара едва попрощалась с ней и, не вслушиваясь в слова благодарности, заторопилась к сараю Митяя.

Егор и Митяй как раз спорили об оплате за ремонт. При появлении Лары Митяй кивнул, а Егор улыбнулся одними глазами, но так, что у нее отлегло от сердца.

– На что мне твои деньги? Привыкли, всюду деньги и деньги. Мне тут куда их засовывать? А вот бензин – другое дело, – настаивал Митяй. – Лучшая валюта.

– Сказал бы раньше, на заправке бы купили! – не соглашался Егор. – Зачем сливать?

– Видел ты наши заправки? То-то же. Либо слей мне своего бензина, либо сам чини чудо враждебной техники! – тракторист поставил вопрос ребром. Егор пожал плечами и открыл бензобак джипа. Митяй поколдовал что-то со шлангом, опустил один конец в бак, а второй сунул в рот и принялся посасывать. Последний раз Лара видела эту процедуру лет двадцать назад. Они с Егором переглянулись.

– Эх, с бодуна бензинчик не пошел, – крикнул Митяй и сплюнул, морщась и придерживаясь рукой за стену. Бензин зажурчал из шланга в канистру. – Ничё вы, московские, не понимаете. Услуга за услугу лучше, чем услуга за бабло. Баш на баш... Понял?

Уладив финансовую сторону дела, мужчины с воодушевлением

принялись за починку джипа, и Ларе хотелось сесть рядом и смотреть на них. Смотреть на Егора, на его сведенные брови, между которых появлялась морщинка сосредоточенности, на длинные умелые пальцы. Он словно нарочно поигрывал гаечным ключом, и дошло до того, что Лара покраснела, глядя на это движение. В голову лезли всякие мысли, в которых нельзя признаться даже самой себе. И только появление красавицы Марины, от которой нигде не было спасу, заставило Лару взять себя в руки. Марина вынесла мужчинам перекусить, Егор спросил, с чем пирожки, и женщина ответила таким волнующим голосом, будто перечисляла вовсе не начинки. Даже у Лары, и той вдоль позвоночника пробежали мурашки. Она вскочила и вышла, оставив Егора с Митяем и Мариной.

Арефьев окликнул ее и нагнал за воротами сарая.

– Я кое-что привез тебе.

– Аленький цветочек? – резковато отозвалась Лара. Егор посмотрел на нее странно, но все же протянул батончик гематогена в яркой обертке:

– Решил порадовать свою верную попутчицу, которая так стойко сносит все тяготы пути и промедления поломок.

– Вот как, попутчицу? Спасибо, обойдусь.

– Лара...

Она видела батончик в протянутой руке Егора, а поверх его плеча, там, позади – Марину, насмешливо глядящую на них из полумрака сарая.

– Отдай. Кому-нибудь другому! – бросила она и грубо отодвинула от себя его руку. Егор, не ожидавший такой реакции, выронил гематоген, и тот плюхнулся в пыль. Бесконечную секунду оба смотрели на неуместную яркость фантика в дорожной рытвине. Потом Лара круто развернулась на пятках.

Зашагав прочь, она уже жалела об этой сцене: «Вот позорище... что на меня нашло?»

Вскоре, не находя себе места, Лара увязалась за Владиком в лес – за папоротником. То, что представилось ей мистическим действием и навевало мысли о фантастическом цветке, распускающемся ночью на Ивана Купалу и сулящем исполнение тайных желаний, на поверку оказалось почти сбором грибов. Под горой, с северной ее стороны, по склонам сырого оврага, среди сочного мха, мягкого, как диванная обивка, и россыпи поздних ландышей, завернутых в темные кульки собственных листьев, Владик ловко выискивал зеленые кочки папоротника-орляка. Он собирал упругие молодые побеги, кучерявые верхушки которых напоминали хвосты морских коньков, красивые в своей неестественной орнаментальности. Потом их, со слов Веры, надо было варить, жарить или солить в банках

впрок, но Владику все это было безразлично, он скакал от кочки к кочке, словно ловил бабочек, издавая при этом восторженные звуки, и с величайшей осторожностью срезал стебли, высунув от усердия кончик языка. На комаров, так докучающих Ларе, он не обращал внимания, отгоняя звенящих насекомых, только если они собирались перед лицом в тучку. Некоторым он даже терпеливо позволял напиться своей крови – «им ведь тоже надо кушать, а еды тут мало».

На обратном пути они долго стояли у колокольни. Владик догадался, что при Ларе лезть наверх не стоит, но долго увлеченно смотрел, как за верхний ярус строения цепляются облака. В пронзительной синеве стремительно таял след от реактивного самолета.

– Смотри, ниточка, – Владик указал пальцем на след. – А я за нее схвачусь и полечу. А потом сам. Буду руками махать быстро-быстро. Вот так.

Он показал. Лара серьезно кивнула. Если забыть, что Владику двенадцать с половиной лет, во всем остальном он производил впечатление маленького ребенка. С непосредственной и неумной фантазией, прерывистой, но вполне складной речью. Быстро увлекаясь, он перескакивал с темы на тему, и иногда уследить за его мыслью было сложно. Но Лара не испытывала к нему жалости: из всех знакомых людей он единственный ни разу не вздохнул и не посетовал на жизнь и ее тяготы. Он казался ей самым счастливым. Мир полнился чудесами, и можно было не опасаться, что когда-нибудь он перестанет в них верить или замечать, как делают взрослые.

– Можно и не махать руками. Знаешь, как летают птицы? Они ловят воздушный поток, – поделилась с парнишкой Лара. – Когда птицы стаяй летят в дальние края, им иногда хочется спать. Тогда те, что летят с краю, перемещаются в центр стаи. Расставляют крылья и просто ловят потоки воздуха, которые образуются от махания крыльями соседних птиц. И спят. А выспавшись, снова меняются местами, и тогда спят другие.

Владик задумался:

– Надо найти много людей, которые умеют летать. Они будут лететь, а я с ними, да?

– Наверное... – уклончиво ответила Лара. Владик вдруг несмело тронул ее запястье, и уши у него стали пунцовыми:

– Когда я вырасту, и они научат меня летать, я прилечу и женюсь на тебе. Можно?

К вечеру машина была готова. Когда Арефьев сообщал об этом Ларе, она не могла поднять на него глаз. В голове зацикленной видеопленкой

вертелась недавняя дурость с гематогеном. Хуже всего было то, что за это время никто из деревенских так и не подобрал его с земли, и, проходя мимо (а в деревне семь раз на дню таскаешься одной и той же дорогой), Лара не могла его не замечать. Даже отвернувшись в другую сторону, она все равно знала, что батончик валяется там, в грязи.

– Так что, – Ларины глаза не решались подняться выше груди Егора и встретиться с его взглядом, – поедем прямо сейчас?

– Нет. У меня еще кое-какие дела. Да и на ночь глядя ехать глупо. Тебе уже не терпится?

Лара нервно повела плечами. Заметив, что к ним направляется Марина, она предпочла ретироваться, но за Вериной калиткой замерла и, не удержавшись, посмотрела наружу сквозь выпавший сучок в доске забора. Егор наклонился к женщине и что-то зашептал. Марина с загадочной полуулыбкой кивала, вокруг нее вспыхивала розовато-пурпурная дымка удовольствия.

– Только попозже. После ужина, – проговорила она громче.

– Давай. Буду ждать.

Марина оглядела Егора, явно желая съесть. Но что же он чувствует в ответ? Лару трясло от осознания, что ее дар не действует на Арефьева. Почему именно он, почему именно сейчас? Этот человек будто специально создан, чтобы выводить ее из себя! Когда Марина легонько коснулась арефьевского плеча и сняла несуществующую соринку, Лара в тени калитки едва сдержала рвущийся из груди вздох.

За пару часов до этого Вера затопила баню, и теперь сизый дым из трубы стелился туманом по двору, суля непогоду. Заметив Ларино отчаяние и не спрашивая о причинах, женщина почти насильно загнала ее в парилку:

– Вот увидишь, попаримся, погреем косточки, хандру как рукой снимет. Перед завтрашной дорогой самое то.

В волнах влажного жара было сложно думать. Чесались комариные укусы, тело исходило потом, покрываясь его соленой блестящей глазурью. Лара скромно присела на полок, глядя, как Вера плещет на раскаленные камни воду, зачерпывая ее из ведра эмалированным ковшиком. Она совершенно не стеснялась наготы, двигаясь уверенно и без суеты. Пар с громким шипением валил к низкому потолку клубами, заволакивая желтый электрический свет, терпко и мирно пахло сосновой древесиной, заваренным березовым веником и дымом.

– Ох и худющая ты... Не кормят вас, видать, в Москве вашей, или это она вами питается. Владька мой тебя не замучил сегодня? – Вера деловито намыливала голову. Мыло пахло дегтем.

– Нет. Он у тебя хороший.

– Он у меня блаженный. Раньше думала, мне это за грехи молодости. Как наказание. А теперь смотрю на него и понимаю, что наоборот. Он ведь не всегда таким был, в шесть лет энцефалитом переболел. Клещ укусил... Другой бы вырос, женился, уехал. Еще хуже – спился бы. А Владик со мной навсегда, никогда не бросит. Навсегда малышом останется. Других ведь детей у меня не будет, застудилась на трассе, – Вера невесело усмехнулась. – Издержки профессии, штаны-то не наденешь, а зимой морозняка.

– А кем ты работала? – не поняла Лара.

Вера покосилась на нее, потом закатила глаза:

– Ну ты даешь, подруга. С Луны ты, что ли, свалилась... Говорю же, на трассе. Неужто тебя еще добрые люди не просветили на мой счет?

Лара уловила сиреневатый Верин стыд, и только тут сообразила. Спросила робко:

– Так, значит, нет никакого отца-летчика?

– Каждому нужно во что-то верить. Правда ведь не всегда на пользу. Верит Владька в летчика – и дай бог.

Пока Вера споласкивала волосы и пена утекала в щели пола, Лара украдкой оглядывала ее белое, крепкое тело. Чувствовала себя обывательницей, но не могла не смотреть: обычные женщины всегда испытывают интерес к проституткам. Презирают, называют их продажными и жалкими, но ни одна из них не отведет взгляда, пока не осмотрит все детали облика девушки с трассы. Однако Лара не замечала ничего особенного, прежнее занятие не оставило на теле знакомой никаких видимых следов, никакого клейма. Удивительно, что Вера вообще заговорила с ней об этом. Перед Ларой стояла все та же деревенская женщина, управляющаяся с большим хозяйством, без сетований и жалоб, но с любовью воспитывающая умственно отсталого сына и в позапрошлом году похоронившая одного за другим обоих родителей. Не озлобленная, не желчная и уж тем более не порочная.

Лара думала о своей сестре. И присутствие этой женщины вдруг влило силу и отвагу в ее кровь. А может быть, все дело в опаляющих шлепках березового веника, которым Вера от души отхлестала узкую Ларину спину.

Егор ушел сразу после ужина. «К Марине», – екнуло сердце. По телу еще бродил тяжелый банный жар, и, когда Лара задремала, ей чудились голые тела: плотная Вера, грациозная Лиля, сытная Марина. И Егор, улыбающийся лукаво и ослепительно, как победитель, выигравший обманом.

Проснувшись в темноте, Лара нащупала телефон и включила подсветку – половина десятого по московскому времени, значит, здесь уже полвторого. Матрас Арефьева многозначительно пустовал. Ворочаясь так, что одеяло коконом обматывалось вокруг ее холодеющих ног, Лара уговаривала себя, что Егор взрослый мужчина и волен делать все, что угодно. Развлекаться как ему угодно. В сущности, он ведь вчера определил, кто она для него – попутчица. Ведь правда, через два дня, если ничего больше не случится, они доедут до Байкала. Этот исход некогда казался ей более достижимым, чем сейчас, когда от пункта назначения их отделяло полтора дня пути. Скоро все закончится. Какая-то часть ее бормотала, что ведь есть и дорога домой, и она будет ничуть не короче. Но все это было не так важно, как зияющий пустотой матрас, приготовленный для Егора – и игнорируемый им. Но не ею. И это причиняло боль. Как невозможно не думать про белых слонов, если тебе повелели про них не думать, она не могла выбросить из головы видение Егора и Марины, там за порогом, где-то в темноте неподалеку, конечно, сливающихся в самом неправдоподобном и самом вероятном действии на земле – а что же им еще делать этой ночью? Ларе хотелось встать, распахнуть окно и прислушаться, но она просто не имела права. И с каждой минутой ей становилось только хуже.

Но утром разбудил ее именно Егор. Он щекотал ей нос ее же прядью волос. Лара открыла глаза и чихнула. Егор улыбнулся и вышел, еще до того, как она вспомнила ночные терзания.

Завтракал он как ни в чем не бывало, ни неловкости, ни смущения, в таком приподнятом настроении, что было тошно смотреть, и выскочил во двор прежде, чем Лара допила чай. Из открытого окна тянуло еще прохладой – дни здесь были жаркие, а ночи студеные.

– Ну как, успел? – Маринин голос с зазывной хрипотцой не узнать было невозможно. Лара застыла, обхватив обеими ладонями чашку в тщетной попытке согреться.

– Да, все сделал, – отозвался Егор. – Спасибо за помощь, без тебя я бы не справился.

– Помощь... всего-то тканью поделилась. Покажешь, как получилось?

– Пойдем с нами, сама все увидишь.

– Пойду... – Марина помолчала, а когда заговорила, голос стал глуше и насмешливее. – Значит, сестра? На сестер так не смотрят. А если и смотрят, то потом за такое сажают. Если мне не изменяет Уголовный кодекс...

– Она двоюродная.

– Ну-ну. Если тебе так легче. Хороший ты мужик, Егор...

– Да и ты хорошая.

– А что толку...

По паузе Лара поняла, что Марина вздохнула, махнув рукой, и этим окончила разговор. Лара метнулась в другую комнату, и не зря: Арефьев заглянул в окно снаружи:

– Лар, ты здесь? Выходи, и Владика с собой возьми!

Теряясь в догадках, они вышли за калитку, позвав и Веру. На небе еще дремала опаловая мгла, подсвеченная слабым солнцем, как сквозь матовое стекло.

Егор не мог сдержать улыбку предвкушения. В руках у него было что-то огромное и плоское, завернутое в тряпку из старой простыни. Лара совсем продрогла, он заметил это и накинул ей на плечи свою толстовку, впитавшую оживленный жар его тела. Для этого ему пришлось передать таинственный предмет Марине, и Лара раскололась надвое, на признательность и обиду. Да кто ему эта женщина? Судя по разговору, все-таки не любовница, тогда откуда такое доверие? В чем она ему помогала?

Лара брела вслед за остальными, к поляне за колокольной по ту сторону от кладбища. На все расспросы Егор только качал головой и твердил о сюрпризе и о том, что скоро они все увидят сами.

На поляне он остановился. Обвел всех присутствующих ясным взглядом и присел на корточки перед Владиком, так что тот оказался намного его выше.

– Владик, у меня есть для тебя подарок.

– У меня сегодня день рождения? – насторожился паренек и беспокойно оглянулся на мать.

– Нет, – Егор тронул Владика за локоть, возвращая к себе его внимание. – Просто мне хочется познакомить тебя с другом. Теперь он будет твоим. Ты можешь научить его летать.

Владик выпучил глаза, улыбнулся недоверчиво:

– Я не умею...

– Он пока тоже. Но с твоей помощью научится. Сегодня, сейчас. Только вот он не сможет летать с колокольни, как тебе хочется научиться. С колокольни он упадет и сломается. Запомни это хорошенько. Такие, как он, взлетают только с земли.

Говоря это, Егор глядел на Владика серьезно, а произносил слова веско, так, чтобы каждое впечаталось в память. И разворачивал тряпку, пока она наконец не упала в траву. И в руках у него остался огромный, желто-зеленый, как попугай в экваториальных лесах, воздушный змей.

Лара тихо ахнула. Владик смотрел на змея пристально, очевидно не сразу осознав, что это такое. Егор затаил дыхание.

– А я зна-аю! – протянул парнишка через несколько секунд, и на его губах, крупных и ярких, словно у героя пластилинового мультфильма, заиграла улыбка. Он громко выкрикнул:

– А я знаю, знаю! Это воздушный змей!

Владик выхватил подарок из рук Егора и, прижав его к груди, понесся по поляне. Егор со смехом бросился догонять его.

Пока они вдвоем учились запускать змея, пока диковинное существо оживало, падало, пикировало и ловило ветер парусиновыми крыльями, пока Владик издавал нечленораздельные вопли восторга и досады, катался по земле, приминая ароматный донник и пачкая спину пылью, Вера, Лара и Марина застыли у колокольни. Они не смотрели друг на друга, не искали подходящих слов. Они молчали.

И наконец змей взмыл в воздух, высоко, свободно, безмятежно. Утренняя мгла истончилась, не сдерживая больше горячий летний свет, и он заполнил собой все, так что защипало глаза.

Прощание заняло совсем немного времени. Егор и Лара больше не принадлежали Гагавке, снова плененные большой дорогой. Митяй крепко пожал Арефьеву руку и хлопнул по плечу, отмочив рискованную шутку, Марина улыбнулась с затаенной грустинкой, Вера обняла обоих, крепко, с неожиданной порывистостью. Ее глаза все еще сухо и лихорадочно горели на побледневшем лице.

Владика совершенно невозможно было оторвать от воздушного змея. Они моментально срослись. Даже провожая Лару и Егора, он переводил взгляд со змея на поляну и обратно, и чуть не подскакивал от нетерпения.

– У меня теперь нет времени на тебе жениться, – признался он Ларе тихо, когда та поцеловала его в лоб. – Хорошо?

– Хорошо, – засмеялась она.

После заминки, которую заметил, конечно, только Арефьев, Лара забралась на переднее сиденье и торопливо пристегнулась, словно боясь передумать. Джип выехал из сарая, Егор на прощание коротко нажал на клаксон, и Лара помахала в окошко. Вера и Марина смотрели им вслед, а Владик какое-то время бежал за машиной, размахивая одной рукой, а второй крепко прижимая к туловищу зажатого под мышкой попугаечного змея. Но вот он тоже отстал, а вскоре и вся деревенька, подковой лежащая у темного лесистого холма, пропала вдалеке.

Выехав на трассу, Егор утопил педаль газа. Джип радостно заревел, как выпущенный на волю волкодав.

– О да, дружок, помчали, – довольно пробормотал Егор в ответ. По его лицу блуждала улыбка.

Глава 10. Шаман-камень

Лара не могла выбросить из головы все свои ошибки. Сколько можно ошибаться? Вот и Егора она еще час назад подозревала в интрижке с Мариной, а оказалось, та просто помогла сделать воздушного змея. Дело это небыстрое – наверняка Егор потратил полночи, чтобы смастерить подарок.

– У тебя есть двоюродные сестры? – все-таки вырвалось у нее.

– Насколько мне известно, нет.

Быстрый веселый взгляд на нее (выдала себя с потрохами!), потом снова на дорогу. Она поняла, что все еще сидит в арэфьевской толстовке, принюхивается к терпкому запаху, затаившемуся в складках флиса, и почувствовала горячий ком в горле. Ее руки нервно оглаживали кожу Лилиного рюкзака, покоящегося у нее на коленях.

– Я должна попросить прощения за свое поведение...

– Не-а.

– Что?

– Ничего ты мне не должна, – беспечно пояснил Егор. – Ты вела себя так, как считала нужным или правильным, или просто так чувствовала. В тот момент. Смысл теперь извиняться? Просто веди себя иначе, если хочешь, и все будет отлично.

– Я так не могу.

– Можешь, – жестко оборвал он ее. – Перестань себя жалеть. И перестань сожалеть. Иди вперед. Если бы мы с тобой сожалели о каждом оставшемся позади километре из этих четырех тысяч – мы бы когда-нибудь оказались здесь? Сомневаюсь. А смотри, как красиво...

И правда, красиво. Дух захватывает. Местность становилась все более пересеченной, скалистой, неуступчивой. Земля щерилась зубами белесых сопок. Джип был последним островком комфорта, но после происшествия с двигателем Лара стала воспринимать его хрупким и ненадежным. Тот же попугай из экваториальной области. Не для этих дорог, не для этой жизни: вон как грозно перекатываются под днищем камни, колотясь о карданную защиту.

– То, что ты сделал для Владика... – продолжила Лара.

– Такая малость. Хотя и вышло здорово, – Егор довольно хмыкнул. – Они будут дружить, Владик и змей. Помню, у меня тоже был в детстве друг. Братьев и сестер не было, а друг был. Дюдюка. Вязанная коричневая

игрушка. Забавно, но она была у меня задолго до того, как про нее сделали мультик. Она всегда сидела в кресле, а я, пока родители не слышали, рассказывал ей кучу разных вещей, советовался. Она знала мои сны, мои мысли и не боялась того, чего боялся я. А потом папа собрал те игрушки, которыми я не играл, и отвез их в детский дом. И Дюдюку тоже. Он подумал, что она мне не нужна, потому что я никогда с ней не играл – в его понимании. А я-то считал, что с друзьями не играют, а дружат... Забавно. Не знаю, почему я вспомнил. Вроде взрослый уже...

Егор усмехнулся и беспокойно взглянул на Лару – не смеется ли она. Она хмурилась. Тогда он продолжил:

– Дети и взрослые – мы в разных весовых категориях. Дети зависимы. Но зато, если взрослый достаточно внимателен, он может исправить любое детское горе, восполнить любую нехватку. А потом... Потом мы вырастаем. И то, что мы можем сделать друг для друга – настолько крохотно...

– Как посмотреть.

– Да как угодно! Все главное, самое важное человек делает для себя сам. И хорошее, и плохое, и помогает себе, и губит себя. С одной стороны, это хорошо – вроде как отвечаешь за свою жизнь. А с другой стороны – некого обвинить в своих бедах.

Лара, по новому своему обыкновению, к которому только привыкала, всматривалась в лицо Егора, пытаясь по рисунку его черт прочесть, о чем он думает. Бывает, что дети пытаются разобрать мысли родителя, чтобы выгадать удачный момент, но внимание Лары было другого толка. С недавних пор ей жизненно важно было знать, о чем он думает и, что еще важнее, как чувствует.

Егор настроил кондиционер, очистил лобовое стекло от успевшей налипнуть на него мошкары и только после этого добавил:

– Я хочу до тебя донести, что в том, что происходит с другими, мы не виноваты. Более того, мы почти не имеем к этому отношения.

– Говори прямо.

– Ты и так знаешь, о чем я. Но тебе непременно нужно, чтобы я сказал это вслух? Да? Ладно, – он вздохнул. – Ты не виновата в том, что происходило с Лилей.

– А кто виноват? Лиля? – отозвалась Лара, ощущая привычную потребность огрызнуться, когда разговор заходил о Лиле, но почему-то не находя на это нужной энергии.

– Виноват – вообще неподходящее слово. Просто все, что она делала и что чувствовала, делала и чувствовала она. Не ты. Не я. Она.

И прекращая дальнейшие споры, он вставил в магнитолаху самый

важный в этой поездке диск и перекрутил на нужный трек.

– Мы уже в Сибири, правда? Сижу я сейчас перед компьютером и одновременно еду и кручу головой по сторонам. И вижу перед собой эту самую Сибирь. Я заметила, в иностранном кино очень любят показывать Россию как Сибирь, для них ведь словно не существует ни нашего юга, ни нашей средней полосы, всюду одна Сибирь, потому что она непонятная. Огромная. Страна в стране. Она всегда меня так манила. Возможно, она уже объяснила мне то, чего я не знала раньше. Надеюсь на это, иначе зачем было все это затевать? – рассуждала Лиля. – Надеюсь, мы с ног до головы обрызганы репеллентом, иначе нас сожрут клещи, или комары, или мошкара, или все вместе. Надеюсь, в баке полно бензина, а то я читала, что после Красноярска нет толковых заправок, и можно застрять у обочины, голосуя с поднятой канистрой. Я вообще много на что надеюсь.

Лиля хихикнула и без предупреждений включила музыку. Это была совсем незнакомая, другая Лиля. Теперь она говорила о том, о чем обычно молчала, и даже музыка у нее была иная, непривычная. Вот сколько на диске было записано классики? Пара треков? Сейчас заиграла песня, которую Лиля никогда не ценила, в отличие от Лары. Пронзительная, грустная, но неизменно дающая силы надеяться. Заезженная, но по-прежнему волшебная «Knocking on heaven's door»^[9]. Раньше Лиля считала ее слащавой.

– Лара любит эту песню, – задумчиво проговорила Лиля, словно отвечая на вопрос. – В последнее время я понимаю почему. Я вообще начинаю осознавать, что мы с сестрой похожи куда больше, чем говорим. Только она смелая, а я трусиха. Так всегда было. Помню, однажды, в шестом классе, мы влюбились...

Встрепенувшись, неловко столкнув под сиденье мобильный телефон, Лара потянулась к магнитоле и нажала «стоп». Егор покосился на нее вопросительно, и она покачала головой, не желая ничего объяснять. Историю, которую хотела рассказать сестра, она и так знала отлично – а ему знать незачем.

В шестом классе они влюбились в одного и того же мальчика. Стоило Лиле упомянуть про него, как Лара уже вспомнила: таких пушистых ресниц, как у Юры, она не встречала больше никогда. После гибели отца он быстро повзрослел, и даже родители одноклассников поражались, как быстро это произошло. В десять лет он стал старшим в семье, взвалив на себя заботу о довольно беспомощной, очаровательной маме и младших сестрах. Тогда-то вкус Лили и Лары совпал, единственный раз в жизни. Сначала они не знали об этом, потом выяснили и поссорились. Но долго

так продолжаться не могло. Их рассудил сосед-подросток, предложив каждой «на слабо» съесть горсть волчьей ягоды: кто съест, тот и победит в споре. Хорошо еще, сосед не знал о предмете спора, а близняшки молчали на зависть партизанкам. Обе помнили давний, еще мамин, наказ не есть этих ягод, чтобы не превратиться в волчонка. Но Лару, в отличие от сестры, это не остановило. Она набрала с куста с гибкими багровыми ветвями полную пригоршню мертвенно-белых, словно прозрачных, с голубоватым налетом ягод и ссыпала их в рот, а потом долго жевала, с замиранием сердца ожидая неминуемого: вот сейчас она покроется шерстью, у нее отрастут когти и желтые клыки... До сих пор она помнит на языке этот вкус, по-осеннему прохладный и довольно невнятный, ни сладости, ни горечи – и помнит ужас в глазах сестренки.

Все обошлось без последствий, даже без поноса. Верная слову, Лиля готова была отступить от мальчика с пушистыми ресницами. Но и Лара отступила – ради сестры. А Юра так и остался выигрышем, который никто не востребовал.

Собравшись с духом, Лара включила следующую запись.

– Коль уж с нами, вероятнее всего, нет моей любимой сестры, придется мне и дальше выполнять вместо нее роль сказочницы. Хотя я, пожалуй, даже вошла во вкус. Теперь-то я понимаю моего Кузнечика. Это непередаваемое ощущение, когда ты уже знаешь легенду, она тебя будоражит, и хочется пересказать ее кому-то, донести до любимого человека и увидеть, как она завлекает и его. Как перед его глазами восстает из небытия. В этом вся суть фольклора – его не читают, а пересказывают. Им делятся. Куда там литературе, мы все такие же первобытные поселенцы, которых зачаровывают истории, рассказанные друг другу ночами у трескучего костра.

Мне не терпится оказаться на Байкале, представляю, как мы вымотались за эту дорогу. Точнее, не представляю. И пока мы все еще едем, я расскажу про него и про Ангару. Она ведь единственная река, вытекающая из озера – а впадает их больше трех сотен... Так вот. Давным-давно в каменном дворце жил могучий богатырь Байкал, и была у него красавица дочь Ангара. Ни в нарядах, ни в украшениях не знала она отказа, и все любили ее за добрый, хотя и непокорный нрав. И вот однажды отец задумал выдать Ангару замуж. Многие к ней сватались, а лучше других показался Байкалу витязь Иркут. Стал он уговаривать дочь быть благосклонной к Иркуту, но Ангаре тот не приглянулся. И когда на соревнования со всех земель съехались молодые воины, сердце Ангары пленил красавец Енисей, прибывший из-за гор. Лучшее всех стрелял он из

лука и скакал на лошади, а победы все посвящал ей.

Когда же разъехались гости, загрустила девушка. Настойчивее Байкал уговаривал ее дать согласие Иркуту, но Ангара продолжала упрямиться, и тогда отец заточил ее в подземелье, а сам отправил гонцов к Иркуту, чтобы тот к свадьбе готовился. Ангара умоляла своего стража Ольхона выпустить, пощадить ее, но тот был непреклонен. И тогда девушка взмолилась всем ручейкам и речушкам, чтобы высвободили они ее из плена. Настала ночь, заснул Байкал, заснул неуступчивый страж Ольхон, а ручейки принялись за дело. И к утру подточили гранитные уступы, пробили каменные стены девичьей темницы.

Вырвалась на свободу девушка и бросилась бежать. Избавилась она от сомнений и страха, выбирая вместо темниц новую, неведомую вольную жизнь там, впереди. Окликал ее отец, требуя вернуться, а когда она не послушалась, швырнул что есть силы ей вослед скалу, Шаман-камень. Но камень не причинил ей вреда. И Ангара понеслась дальше, махнув на прощание Иркуту. Витязь не стал ее догонять, хоть и не смог сдержать слез. А красавица все бежала и бежала, и рассыпала во все стороны нитки волшебных бус в дар людям. А когда очутилась во владениях Енисея, надела самые красивые бусы и такой предстала перед ним. Енисей кинулся ей навстречу, и больше они уж не расставались... Прошли века. Стал Байкал великим озером, реками обернулись влюбленные Енисей с Ангарой и грустный Иркут. И только бесчувственный страж Ольхон превратился в камень.

Лиля сделала музыкальную паузу, а после продолжила:

– Здорово, правда? Когда с местами знакомишься как с людьми, с ними уже не расстаешься, они навсегда с тобой. Кстати! Когда мы были в Красноярске, я совсем забыла упомянуть про Царский мост через Енисей, к которому сбегала Ангара. Чудо инженерной мысли. Когда-то на Всемирной выставке он разделил с новехонькой Эйфелевой башней главный приз и золотую медаль. Между прочим, с формулировкой «за архитектурное совершенство и великолепное техническое исполнение». Потом его много раз упоминали в списках чудес света, чудес России – короче, всяких чудес. Говорят, и правда зрелище грандиозное, великий мост через великую реку. Ну, а в 2007 году его разобрали и сдали на металлолом. Такой вот современный подход к чудесам. А могли бы придумать парутройку легенд и экскурсии водить. Салаги... Мне ужасно не по себе от этого. Такая красивая легенда, такой красивый мост. Но легенда – просто выдумка, а мост – просто куча хлама. Если подобная участь постигла настоящий шедевр, всеми признанный, то что уж говорить... обо всем

остальном? О нас? Я смотрю на себя, и... и иногда мне кажется, я такая же грудка металлолома. Пусть не сейчас, но скоро. Время уходит, а мне нечем за него уцепиться...

И тут Лиля шмыгнула носом. Этот всхлип, по-детски мокрый, так отчетливо донесся из-за занавеса, сотканного из недель, расстояний и погребального савана, что у Лары сжалось горло, будто под гортанью на шее сомкнулись чьи-то костлявые пальцы. Из магнитолы доносилось тихое змеиное шипенье. Лара нажала на кнопку перемотки и перелистала треки, но все они были музыкальные, а не голосовые. И тогда она вытащила диск, заперла его в бардачке, торопясь, словно захлопывала ящик Пандоры, и откинулась на сиденье.

Бензин на древней, ветшающей заправке действительно оказался скверный, двигатель ревел и не желал тянуть машину вперед.

Егор заговорил глухим голосом:

– Я до сих пор не все рассказал тебе о Лиле.

– Да ты издеваешься...

– Я долго думал об этом в Гагавке. То, что там происходило...

– Что именно?

– Неважно... В общем. Я понял, что если и рассказывать, то сейчас, потому что потом может быть слишком поздно, и ты меня не услышишь, или услышишь слишком хорошо... Или я сам потом не смогу рассказать, и это останется висеть где-то тут, – он взмахом руки обвел пространство между собой и ею, и Ларе показалось, что у него дрожат пальцы. – Уже навсегда.

– Я слушаю, – через силу пробормотала она.

– Через четыре месяца после твоего отъезда в Англию Лиля забеременела. Но мне не сказала. Я узнал случайно, искал в шкафу загранпаспорт среди вороха бумаг и наткнулся на ее медкарту. Там был даже снимок с УЗИ.

– Что...

– Я говорю правду. Я всегда говорю тебе правду, потому что ложью я уже наелся. Она носила нашего ребенка. А потом избавилась от него. И ничего мне не сказала.

Егор опустил оконные стекла, и ворвавшаяся пыль завертелась по всему салону, до скрипа забивая горло.

– Я собрал вещи и ушел, и три недели прожил на работе, в своем кабинете. Она умоляла меня вернуться. И я вернулся. Собирать наши черепки.

Лара ждала подробностей и понимала, что не дождется. Это, пожалуй,

единственное, что она теперь понимала: что Егору больно и плохо, и было так уже очень давно, и никто не мог никому помочь. Какие уж тут подробности. Все то, что представлялось ей крепкой цепью, окончательно распалось в руках на искореженные звенья, расплзлось сгнившими волокнами, в беспорядке и без надежды на воссоединение.

Разговоры кончились, слова иссякли. До самого вечера, иногда подменяя друг друга за рулем, по дурной разбитой дороге они остервенело неслись вперед, будто спасаясь от адских псов. Но при этом ничего не говорили, кроме обыденных замечаний, вроде просьбы притормозить и вопросов, что купить в сельском магазине и сколько литров залить в бак.

Лара не брала в руки рюкзак с Лилиным прахом. Если бы сестра действительно предала ее, выболтала какой-нибудь самый нелицеприятный секрет всему миру, оклеветала бы, – даже это, наверное, потрясло бы ее меньше. То, что Лиля не позволила ей разделить с нею свой страх, свою боль и отчаяние, повлекшее за собой чудовищную ошибку, – вот что казалось Ларе самым непростительным из грехов. Лара боялась себя, изнутри похожая на котел ведьминого варева, в котором на медленном огне булькают, всплывая и погружаясь в раскаленную жижу, чувства настолько темных и грязных цветов, что им нет имен.

И только одному, чистому и яркому, не было места в котле, и потому оно всплескивало где-то рядом.

Иногда Ларе хотелось обратиться к Егору. Она протягивала ему свой взгляд, как руку без перчатки. И он отвечал одними глазами. Но слова исчезали, так и не родившись, а поверхность варева маслянисто пузырилась, и каждый пузырь лопался со жгучими брызгами: п-пх... п-пх...

После Тайшета от дороги осталось одно название, сплошной грейдер с комьями глины и крупно битого асфальта. Камушек от встречного лесовоза прилетел прямо в лобовое стекло, пустив паутинку трещин, но даже это никого в джипе не взволновало: как рыб внутри аквариума не взволновала бы трещина, пошедшая по стенке их стеклянного мира.

В темноте они остановились у поста ДПС, припарковавшись между двумя «Тойотами» перегонов, разложили сиденья и уснули.

Все горожане в мире похожи между собой. От сельских и деревенских их отличает именно то, что живут они в городе, и это структурирует все внутри них – иначе. Лара давно заметила: в какую бы местность она ни попадала, будь то Крым, Италия или Англия и русский Север, горожане

похожи друг на друга, а сельские жители в каждой местности свои, самобытные. Вот и в Сибири так же. Если гагавкинских она называла про себя сибиряками совершенно свободно и даже делала далеко идущие выводы об общих чертах всех сибиряков, то в Иркутске люди снова были горожанами. И если в ее детстве они хоть как-то различались, то с приходом сетевых магазинов и ресторанов, окутавших планету, кинотеатров и типовых торгово-развлекательных центров все стало удивительно похожим. Просто – цивилизация. Телефон, Интернет и кофе в стаканчиках с пластиковой крышкой и неудобной палочкой, которой невозможно размешать сахар.

Лара не ожидала, что так сильно отвыкла от всего этого. Во время поездки она сбрасывала старую, малую ей шкуру так часто, что уже и не понимала, где во всем, что она чувствует, находится она сама. Исчезла ее принадлежность какой-то из общностей людей, к прошлому, о котором она, как выяснилось, не имела никакого представления. И она стала принадлежать лишь дороге, фотоаппарату и Егору Арефьеву.

После вчерашнего, последнего, признания у нее на языке вертелись вопросы, которые на самом деле были одним-единственным вопросом. Выпадала тысяча возможностей, чтобы задать его, но каждый раз она замирала. Он не касался Лили или горя от ее смерти. Впервые за всю поездку вопрос, мучивший ее, имел отношение не к ней с сестрой. «Ты, только ты и Лиля...» – бросил ей обвинения Егор, там, на мосту через Томь. И вот наконец теперь она готова была это опровергнуть.

«Как ты смог пережить? Как ты смог простить ее за то, за что не простил бы ни один мужчина в мире? Что ты чувствовал и что чувствуешь? Тебе больно? Сколько тебя осталось в этой красивой оболочке? Может быть, это разрушило тебя? Или ты узнал из нашей поездки что-то новое, и теперь нашел в себе силы? Ты нашел то, за чем поехал, за чем отправил на поиски меня и себя?» – Она смотрела на Егора и молча взывала к нему. А он не облегчал задачу, потому что ничего не отвечал.

Лару переполняло отчаяние. Сестра стремительно превращалась в «миф о Лиле», из настоящего человека становясь сводом впечатлений, ощущений нечестной, предвзятой памяти, образом, истинным лишь отчасти – или не истинным вовсе. И Лара не могла совладать с гневом, обращенным к сестре, к тому, что от нее осталось: когда общий знаменатель утерян, сложить все воедино уже не представляется возможным, и Лиля разлеталась, распылялась по Вселенной миллионом осколочков, пылинок разного цвета, размера, температуры и форм. Прекрасно, просто прекрасно... Умереть и оставить ее, свою родную

сестру, своего близнеца, расхлебывать, разбираться в ее жизни вместо себя... Если бы Лиля была погребена, кажется, Лара вооружилась бы лопатой и выкопала ее гроб, достала бы из-под земли, вцепилась и вытрясла бы из нее все объяснения. Если бы она только могла!

Лара так жаждала быстрее добраться до Иркутска, что упростила Егора пустить ее за руль. Накормив ее завтраком почти насильно – за неимением общепита они разделили банку тушенки и печенье и съели все это, запив простой водой, – он согласился, прекрасно понимая ее порыв. Лара не могла сидеть без дела, ей хотелось самой давить на педаль газа.

Утекали последние километры их пути. Егор выудил из бардачка Лилин диск, и Лара скосила на него глаза:

– Зачем это?

– Там есть последняя запись.

– Откуда ты знаешь?

И по глазам, по тому, как виновато дрогнул темный пух его ресниц, узнала ответ: он слышал. До нее, раньше, быть может, сразу после Лилиной смерти, или месяц назад. Он заранее знал все, что записано на диске.

Что ж, у него было право. Теперь она это признавала. Они в пути девять дней. Наверное, самые долгие и длинные поминки в истории... И если девять дней назад она бы наорала на Арефьева, обвинив во всех грехах, то сейчас Лара не почувствовала ни малейшего протеста. У него было право, и он воспользовался правом, вот и все.

Последний трек на диске начинался с тишины. Почти минуту слышались только шорохи, далекое, потустороннее постукивание, шипение микрофона, записывающего пустоту. Потом Лилия вздохнула глубоко, собираясь с мыслями, и Лара увидела ее как живую. Сидящую за столом, боязливо зажмурившись. Так знакомо!

Лара притормозила у обочины и открыла дверь. Было жарко, в низкой, выжженной ранним зноем траве и кустах трещали кузнечики, а редкие сосны, торчащие из каменистых саянских отрогов, напоминали спички.

– Егор... – заговорила Лилия и откашлялась. – Ты говорил, что все образуется, что мы сможем это пережить, что все будет как прежде. Но я пробовала, пробовала до сего дня и буду пробовать до того дня, когда ты услышишь эту запись. Но если ты ее слушаешь, значит, у меня все-таки не получилось. Дело не в тебе, дело во мне. Наверное, я люблю тебя не так сильно, как следует, как должна. Ха... Опять я вру... Ты знаешь, что я должна сказать. Я знаю, что должна... Я. Тебя. Не люблю.

В наступившей паузе стала слышна трескучая ругань сорок, сидящих на согнутой сосне у обрыва.

– Иногда я вытаскиваю из почтового ящика квитанции и вспоминаю: только что ведь оплачивала счета, а уже новые. Значит, месяц долой. И сын Светки Ключенко уже заговорил, а старший на будущий год в школу пойдет. Это не моя жизнь, я стала не тем, кем хотела быть. И что, мне теперь доживать свой век вот так, с этим осознанием? Ну уж нет, дудки! Я могу все исправить, все изменить, но только без тебя, Егорка. Без тебя я легче, невесомее, мне так проще. Это жестоко, прости, что приходится говорить так. Но это правда, я больше не могу тебе врать. И так уже много врала, ты знаешь об этом. Прости, что тебе пришлось через все это пройти, я столько всего натворила. На том свете я буду гореть в аду, наверное. Я очень виновата, и мой грех всегда со мной. Но я просто не знала, что мне делать. У меня даже нет сил попросить прощения лично, я не могу смотреть тебе в глаза и говорить все это. Я сейчас наверняка отвернулась к окну или вообще вышла из машины, потому что даже слушать собственные слова у меня нет сил. Но теперь я начну новую жизнь. Это правильно, что я решила уйти. Пока я есть у тебя, хотя бы номинально, а ты есть у меня, эти места заняты. А в мире живет кто-то, кто ищет тебя, и кто-то, кто ищет меня. И пока мы с тобой вместе – они не смогут быть рядом с тобой и со мной. Конец! Надо освободить оккупированную территорию. Я ухожу. Если я включила эту запись, значит, я прождала целых полгода, прежде чем все обдумала и набралась-таки смелости. Но это значит также и то, что в кармане у меня билет на самолет. Я не поеду с тобой обратно. Прости за еще одно предательство, из всех моих предательств это – самое маленькое. Не хочу мучить тебя своим присутствием, и себя тоже. Я улечу сегодня...

Лара ждала еще каких-то слов сестры, но диск зациклился и начал с первого трека, радостным далеким «Привет-привет! Ну что, значит, Байкал?..». Она торопливо нажала «стоп», чувствуя, что волосы на загривке готовы встать дыбом.

– Ты травишь меня ядом, – призналась Лара, повернувшись к Егору. – Или, скорее, приучаешь глотать его дозировано, чтобы не хватануть сразу смертельную дозу.

– Если это яд для тебя...

Наступил лучший момент для того, чтобы задать вопрос, что грыз и жег ее последние сутки:

– Как ты вынес?.. Все это?

Егор усмехнулся:

– А как ты думаешь? Сначала было больно, ясное дело... Злился, ненавидел ее и себя. А потом знаешь что я понял? Если не клеится, надо

просто перестать клеить. Потому что, если не клеится, значит, клея в тюбике не осталось, или он предназначен для склеивания каких-то других материалов. После того, как она изменила, и после того, как избавилась от нашего ребенка... И самое страшное знаешь что? Я мог бы это простить ей, я чувствовал, что могу. Сначала. А потом стало все равно. Почти все равно. Если бы она не умерла... Мы бы все равно не поехали на Байкал, и я бы не услышал эту запись. Поговорили бы по душам и разошлись раньше. Она так мучилась, так металась. Она все верно сказала, у нее бы не хватило сил признаться мне. Но я бы не стал издеваться над ней. Уж поверь мне, нет ничего приятного в том, чтобы видеть рядом с собой несчастного человека. Я бы просто отпустил ее, потому что больше не мог любить.

Лара вышла из машины и остановилась у обрыва, отделенного от трассы бетонной плитой. Села на плиту, ощущая ее шершавое пыльное тепло ладонями и ягодицами даже сквозь джинсовую ткань. Егор присел рядом.

– Так жарко... – пробормотала она. – Я всегда думала, в Сибири холодно.

– Холодно зимой, а также осенью и весной! Все по-честному. А летом жарко. Потому что климат резко континентальный.

– Резко континентальный, – повторила Лара, щурясь от солнца. – Мне нравится. Мне нравится все резкое. Умеренность – это скучно.

– В этом вся ты. Никогда не была святой.

– Вот уж спасибо.

– Нет, правда! И ты не стремилась быть монахиней, это ведь так скучно. Посмотри на себя – ты другая. Когда тебе хочется есть, ты ешь, да так, что бигмак целиком в рот помещается. Хочется мужчину – ты его получаешь. Лара, мы знакомы шесть лет, за это время я много о тебе услышал, много увидел. А ты знаешь, я внимателен.

– Иногда даже чересчур, – она сидела совершенно пунцовая. Но у Арефьева даже в мыслях не было осуждать ее. Она видела по взгляду: глаза Егора не знали стыдливости. Понимающие, чуть-чуть лукавые, с искринкой, они не давали никаких оценок, а просто глядели терпеливо, изучающе, тепло, словно Егор стремился понять, кто перед ним, *увидеть* его по-настоящему.

– Прости. Когда я говорю, что ты не святая, я лишь имею в виду, что ты никогда не стремилась сажать себя на цепь. Ты любишь свободу, иначе тебе сейчас не было бы так плохо. Одна близость Лилиной несвободы уже душит тебя.

– Лилия была хорошей!

– Кто ж спорит... – Арефьев пожал плечами. – Более того, умной. Умным ведь не живет спокойно. Она пыталась найти ответы. Ты любила ее, пыталась защитить, но ей нужно было другое. Она хотела понять, кто она. Как ей жить и что делать, и правильный ли путь она выбрала, и не поздно ли все переиграть. Это важные вопросы, но... Она сперва оттянула маятник в одну сторону, жила так много лет, а потом задумалась, правильно ли это. И отпустила маятник, так что он закачался как безумный... Не травми себя. Ты не могла знать.

– Она моя сестра, она ведь мой близнец... – у Лары вдруг задрожали губы. Егор привлек ее к себе, и она уткнулась ему в грудь. Его руки обвили ее плечи, а подбородок коснулся макушки, пахнувшей дегтярным гагавкинским мылом.

– Она человек. Кем бы она ни была для тебя, она отдельный человек. И ты отдельный.

И вот теперь они добрались до Иркутска. В торговом центре, где сплошь кафель, плитка, блеск витрин, запах парфюмерного магазина, картошки-фри и попкорна. Лара попросила Егора не идти за ней, дать ей полчаса времени, а теперь и сама не понимала, зачем ей это понадобилось. И зачем она попала в этот бесчувственный кондиционированный товарный рай. После долгой дороги, в потной майке и затертых, пыльных и давно нестираных джинсах стоять посреди большого холла, крытого стеклянным куполом, было довольно дико.

Какое-то красочное пятно на периферии зрения вдруг привлекло ее внимание. Она повернулась налево и увидела маму с маленькой дочкой. Одной рукой девочка держалась за мамину руку, а другой за нитку воздушного шара, и вдруг отпустила. Воздушный шарик, невыносимо-красный, стал подниматься все выше и выше. Лара окаменела. Она была не в силах пошевелиться и даже не заметила, как кто-то из покупателей задел ее плечом. Толпа стала обходить ее, размываясь, обтекая и не замечая, видя в ней только неудобство, препятствие для своего бездумного хаотичного движения.

А она стояла и, задрав голову вверх, смотрела на шарик, выпущенный детской рукой. Ему предназначено было взмыть ввысь, но он остался под прозрачным куполом торгового центра, скитаясь среди металлически блестящих перекрытий стеклянной кровли, обреченный сдуться и упасть на пол грязным резиновым лоскутком, так и не добравшись до неба. Лара все стояла и смотрела на него. И в эту самую секунду, вот прямо так, ярко, с обжигающей льдинкой в пищеводе, ужасающе отчетливо она осознала, что ее сестра умерла. Она ушла навсегда, прикрыв за собой дверь. И ей

остается только повернуть в скважине ключ до щелчка, чтобы не пустить в дом незваных гостей с холода.

Перед тем как вернуться в машину, Лара зашла в туалет. Запершись в кабинке, она вытащила из кармана джинсов флакончик со снотворным. Покрутила пальцами, открыла. Флакончик был полон белых, невинных таблеток, суливших покой – хочешь – на ночь, а хочешь – и навсегда.

Лара перевернула его, стараясь не замечать соблазна, нехорошо зашевелившегося в затылке. Таблетки падали в унитаз, булькая, и сразу тонули.

Напрямую до байкальского порта Листвянка было всего шестьдесят километров по отличной дороге. Когда показалось озеро, Лара чуть не вскрикнула от облегчения и радости. Все было как во сне, но при этом до остроты настоящее. От невысоких гор, поросших шерстью лесов, открывался вид на настоящее море в обрамлении туманных сопок, словно отрисованных по небу синим грифелем. Она выскочила из машины и на бегу задышала глубоко-глубоко, стремясь пропитаться насквозь здешним воздухом. Пахло близкой водой, от коптилен на набережной тянуло дымом и рыбой. Тушки знаменитого омуля, закопченного до цвета темной меди, покачивались на ветру у палаток торговцев, гирляндами нанизанные на нитки, и туристы, весело хохоча, ели рыбу прямо на капотах своих машин, разложив газеты вместо тарелок.

Повсюду шла бойкая торговля: банки с брусникой, солеными груздями и рыжиками, оставшимися еще с прошлой осени, тряпичные мешочки кедровых орехов, которые наверняка уже изрядно подпортились, потому что вообще плохо хранятся, но сбывать которые еще не теряли надежду предприимчивые продавцы. Тут же палатки с сувенирами, украшениями и шкатулками из чароита^[10], в сиреневых прожилках от лавандового до фиолетового, и бурятскими фигурками бородатого старика Бурхана – духа и хозяина озера.

А рядом с людской суетой раскинулось огромное пространство волнующейся воды. Прибой лизал седые камни, волны ложились на берег одна за другой, непрерывной неторопливой чередой. Чайки то садились на озеро, пятная его белыми веснушками, то беспокойно взлетали и кружили, выпрашивая улов у рыбаков, и кричали им пронзительно, тоскливо и обиженно, будто ябедничая на кого-то.

Лара глядела на горы и расходящееся ущелье, ставшее берегами Ангары. Здесь, именно в этом месте, река брала свое начало в озерных водах, и Лара шарила по водной глади глазами, пока не наткнулась на камень, зубом торчащий в самом истоке.

Она знала, что Егор стоит рядом, чувствовала его присутствие, но все равно при звуке его голоса от затылка по позвоночнику побежали сладкие мурашки.

– Самый широкий в мире исток реки... – сказал он задумчиво.

Впервые услышав легенду о побеге Ангары, Лара представляла себе Шаман-камень огромной скалой. А это и правда – камень. Соринка, крошка хлеба в речном горле, которую Ангара, сбегая к возлюбленному, сглотнула и не заметила.

– Ты знала, что в Иркутске регистрируется до 304 землетрясений в год? Это ведь разлом в земной коре, и берега постоянно расходятся, все шире и шире...

– Ты где успел набраться познаний? – усмехнулась Лара. Егор шутливо прихватил зубами нижнюю губу:

– То есть мое образование тебя не устраивает? Ладно, подловила. Туристы говорят слишком громко.

Людей и правда было много, чересчур много. Когда первый восторг утих, Лара даже растерялась: вон он, Байкал – так что же, ей достать урну с прахом Лили и высыпать? Куда? Как? Но озвучить сомнения она не захотела. Ей стало не по себе оттого, что Егор может подумать, будто она не хочет развеивать прах Лили, морочит ему голову, а поездка изначально была бесцельна. Она оробела от этой мысли, разволновалась и почувствовала... что почему-то боится Егора. Одному богу известно, что думает про них с сестрой этот мужчина, особенно если учитывать все, что ему довелось по их воле вытерпеть.

– Думаю, Байкал большой... – подслушал Егор ее мысли – хорошо, если не все. – Нам надо найти подходящее место.

Лара закивала с облегчением.

Глава 11. Имена вещей

Пока Байкал был идеей, пунктом назначения их дальнего пути и Лара знала его, как их общую цель, все было просто и понятно: ехать на Байкал. Теперь перед ней раскинулось чудо природы размером с Бельгию. Как найти нужное место, если даже точно не знаешь, что ищешь?

Когда Егор увидел Ларину растерянность, его словно подменили. Не успела она и глазом моргнуть, как он уже разжился подробной картой озера и окрестностей, принялся куда-то звонить, что-то выяснять, выйдя в Интернет через телефон. Поминутно аппарат пиликал, Егор отвечал на звонок и отходил подальше, так что слов его было не разобрать. Утвердительно кивал и хмурился, устремив глаза к горизонту. Во всем

облике почувствовалась уверенность, деловитость, жесты были сдержанны и точны. Он превратился в занятого человека из Сити, к которому боязно обратиться, подойти или чем-то отвлечь, и Лара стояла, неотрывно наблюдая за ним и робко переминаясь с ноги на ногу. Сейчас он снова был – Лилин муж. Ведь, в сущности, тот Егор, что проехал с ней всю Россию, дрался в Челябинске и чинил машину в Гагавке, был совсем не тем, кого она знала многие годы до этого. А сейчас перед ней снова был бизнесмен – того и гляди из ветра будет соткан ладно скроенный, такой привычный ему костюм, а рядом из пустоты возникнет тяжеловесный стол с пресс-папье и секретарша с чашкой кофе.

Ларе стало тоскливо и одиноко, грустно, будто она потеряла друга. Что бы ни происходило в дороге, это только дорога, и скоро они вернутся в Москву, их пути разойдутся. Она, вероятно, все же займется фотографией и вернет – постарается вернуть – былые позиции и завоевать новые, а он снова окажется успешным, деловым. Чужим... Но тут Егор, прижимая трубку телефона к уху и что-то говоря собеседнику, взглянул на Лару поверх ребятни из экскурсионной группы, только что вышедшей из Лимнологического музея, и подмигнул ей. Как-то очень просто, по-доброму, словно говоря: не скучай, я сейчас все улажу и снова вернусь к тебе.

И Лара ощутила, что само ее сердце незаметно подмигнуло ему в ответ. Смутившись, она тут же принялась фотографировать, нарочно демонстрируя полное увлечение работой, а не своим спутником. Как будто ему было до нее дело...

Пять минут спустя Егор вернулся, пряча телефон в карман.

– Как ты оставил свою работу? Мы ехали девять дней. Никто тебе не обрывает телефоны... За это время кто-нибудь мог захватить власть и сместить тебя... Всякие интриги, перевороты, а? А ты прохлаждаешься... – весело поинтересовалась Лара. Лицо у нее при этом было совсем как у любопытной белки.

– Ничего подобного. Хотел бы я тебе сказать, что хороший бизнес сам себя регулирует, но... это все бред. Просто я не спускаю с него глаз.

– В смысле?

– Если ты не видишь, как я работаю, это еще не значит, что я не работаю. Я знаю, как вчера прошел тендер, в котором мы участвовали. Знаю даже, что во вторник в четыре часа «упал» сервер, а в полшестого его все-таки «подняли». А сегодня у нашего главбуха день рождения, и ей уже доставили от меня букет цветов.

Лара вытаращила глаза. Егор зашуршал картой:

– Итак. Есть целебные источники, а есть белые песчаные пляжи. Есть священная пещера с шаманскими наскальными рисунками. Есть тупиковая ветка старинной железной дороги, прорубленная в береговых скалах.

– И куда мы отправимся? – Ее согрел собственный вопрос, и это «мы».

– Куда пожелаем. – Егор принял загадочный вид: – Но, если позволишь, это будет сюрпризом.

И Лара поняла, что позволит.

Листвянка, парадные ворота Байкала, разительно отличалась от селений, стоящих на отшибе, как и трасса к ней отличалась от разбитых дорог в округе. Все равно что гостиная от чердака, чулана и балкона – но именно там было все самое интересное. Они проезжали по отвесным серпантинам и распадкам, по которым струились бурливые горные реки, неглубокие, стремительные, среди валунов взбивающие в пену ледниковую воду. Проезжали целые рощицы, деревья в которых были сплошь увязаны разноцветными лентами и тесемками по бурятской традиции, так что не видно стволов.

Озеро осталось в стороне. Но, отвечая на взволнованный взгляд Лары, Егор уверил ее, что там, куда он ее везет, Байкал «будет видно». Она ломала голову, что бы это могло значить, охваченная оживлением. И волнением.

Она все чаще открывала рюкзак и трогала пальцем глиняную гладкость урны. Она уговаривала себя не питать иллюзий: как бы ни выглядело сейчас их путешествие по окрестностям Байкала, оно имеет только одну цель: найти место, чтобы развеять прах Лили. Место, где в этой истории будет поставлена точка. И от одной мысли об этом Ларе становилось страшно, так что холодели руки, и она поворачивалась к Егору, словно в поисках защиты или ободрения.

Наконец проселочная дорога уперлась в шлагбаум. Со всех сторон подступал лес, корабельные сосны, лиственницы и огромные черные тополя, в вершинах которых бормотал ветер.

Турбаза была небольшая. Всего шесть однокомнатных деревянных домиков, и седьмой служебный, в котором Лара и Егор отыскивали Бориса, сурового бородача в свитере не по сезону, видом своим напоминавшего просоленного морского волка или Хемингуэя со знаменитого портрета, только лет на десять моложе. Когда Лара сказала ему об этом, мужчина кивнул без тени улыбки:

– В точку. Я вообще-то маячник. Работаю на маяке в дельте Селенги. А тут подменяю друга, у него жена в Иркутске рожает.

Борис напоил их чаем с чабрецом и проводил к домику.

– Вон у того дерева начинается тропа, – указал он. – Она идет между двух озер на Соболиную сопку. С сопки открывается вид на ту сторону хребта, на Байкал. Если хотите купаться, то можно окунуться в озере, которое будет слева. Это Живое озеро. А справа – Мертвое, туда лучше не соваться.

– Почему? – насторожилась Лара.

– Там даже рыба не водится. Говорю ж, Мертвое. А с погодой вам повезло. Шелонник со вчерашнего дня дует с Хамар-Дабана^[11]. Будет тепло.

Через час они вдвоем отправились в путь. Вокруг шумела тайга, и солнечный свет, пробиваясь сквозь густую листву, разбегался по траве яркими пятнами. По берегам Живого озера распускались цветы купальницы, или, как их тут называли, «жарки», оранжево пламенея среди зелени. Егор тронул Лару за локоть и, приложив палец к губам, глазами указал на неприметный спуск к воде. Затаив дыхание, она увидела, как пять мохнатых зверьков, напоминающих котов или куниц, вышли к озеру на водопой. Их темно-шоколадная шерсть поблескивала на солнце.

– Это соболи, – прошептал Егор ей на ухо, и она ощутила, как его дыхание опалило кожу. Лара неловко отшатнулась, под ногой громко хрустнул валежник, и зверьки тут же юркнули в лесную чащу.

С тропы было видно оба озера, о которых упомянул Борис. Но правое, с топкими болотистыми берегами, казалось необитаемым. Вокруг него даже птицы не пели, а зеркальную колдовскую гладь не тревожила ни рыба, ни мошкара.

– Пойдем скорее, – проговорила Лара, не сумев скрыть, что ей не по себе.

Тропа взбиралась в гору. Лес по обе стороны был непроходимым, заваленным буреломом, с темным таинственным нутром, словно глядящим на странников сотней незаметных глаз, так что Лара жалась к Егору и боролась с искушением вцепиться в его руку.

А потом деревья расступились, и им на смену пришли каменистые уступы и скалы, поросшие красным и серым лишайником. Тут царила первобытная дикость, камень громоздился на камне, из горы били ключи, сливаясь в ручеек и с шелестом падая отвесно вниз. И с каждым шагом вершина сопки была все ближе и ближе. Лара попросила Егора остановиться на привал. Она долго смотрела, как Егор плещет в лицо родниковую воду. Между лопаток на его футболке темнело пятно пота, на руке розовела царапина, а когда он, фыркнув, выпрямился, на бровях у него нависли водяные искорки. Все это она отмечала про себя, одновременно и

отстраненно, и пристрастно, вбирая в себя каждую мелочь, каждую подробность. Ей хотелось ухватиться за время, но оно расползлось, утекало и не желало останавливаться.

Они почти не разговаривали, лишь изредка перебрасывались ничего не значащими фразами. Глядя на вершину сопки, Лара чувствовала, как сердце начинает колотиться в груди, и ремешки рюкзака впивались в плечи, словно врастая в них. В желудке глухо и холодно бродило волнение. Но нога все равно делала следующий шаг.

Последние метры забираться пришлось почти по-альпинистски, цепляясь за осыпающиеся камни и скалистые выступы. И наконец Лара и Егор оказались на самом пике Соболиной сопки, на узенькой площадке, где места хватало лишь им вдвоем, а третий бы уже не поместился.

Вид отсюда открывался такой, что захватывало дух. От высоты, от красоты и от оглушающего, ошеломляющего простора. По одну сторону хребта шумело и волновалось темно-зеленое таежное море, с двумя осколками озер, Живого и Мертвого, лежащих далеко внизу. А по другую слюдянисто блестел Байкал.

Это было то самое место.

Егор осторожно взял руку Лары в свою. Девушка взглянула ему в лицо, ожидая слов, которые за этим последуют.

– Вот и все. Теперь я тебя оставлю, подожду на тропе, там, пониже.

– А ты... Не будешь прощаться? – заволновалась она. Егор улыбнулся и, поймав прядку ее волос, которую ветер выудил из небрежно сплетенной косы, мягко заправил за ухо. Его глаза при этом были совершенно зеленые, как июньская тайга внизу.

Он легонько пожал ее пальцы и стал спускаться, оставляя Лару на самой вершине сопки, наедине с Лилей.

Лара сидела на теплом выступе скалы, сухом, покрытом жестким лишайником и выбеленном ветром. И несколько минут просто смотрела на огромное озеро. Потом, собравшись с мыслями, все же распустила шнурок рюкзака и вытащила из него урну.

– Видишь, Ли, мы все-таки на Байкале. Ты с детства об этом мечтала. Правда, «мечта» – это мое слово, ты говорила, что просто ставишь перед собой цели и умеешь их добиваться. Хорошо, пусть так, ты ведь старшая, тебе положено... А я бестолковая младшая. Так или иначе, мы здесь...

Лара так часто представляла этот момент в последние дни, что знала досконально, словно прожила его уже много раз до этого. Она сунула руку

в карман, привычно ожидая нащупать там пузырек со снотворным, но вспомнила, что избавилась от него утром. Вместо него она вытащила оттуда свои наручные часы. Повинуясь новому, внутреннему своему требованию, она перевела стрелки на пять часов вперед, так что впервые за девять дней совпала с окружающим ее миром. И наконец очутилась в байкальском времени. В настоящем.

– Все изменилось до неузнаваемости, – проговорила она, продолжая обращаться к сестре. – Даже то, что ты старшая, уже неправда. Я старше тебя на три с половиной месяца, и мне скоро тридцать. Не нам, Лиля, а мне – потому что тебе всегда будет двадцать девять. А ты можешь больше не бояться времени, возраста. Ты уже остановила время. Этот страх сделать все неправильно... Это осознание, что все уже не понарошку, а всерьез, что все экзамены давно сданы, оценки получены, и главная задача теперь просто жить. Что ничего не отменить и не переиграть – но можно много чего успеть. Я успею, Ли, я тебе обещаю. А ты не успела... И я даже не знаю, что именно ты хотела успеть и не успела.

Лара стиснула зубы так, что заняла челюсть.

– И весь ужас в том, что ты умерла, и вместе с тобой исчез весь твой мир. А я так ничего о нем и не узнала! Твои мысли, страхи. Ты так сильно боялась... Все эти подробности, все, что ты скрывала от меня. От меня! Теперь я вообще сомневаюсь в том, что могла его когда-то узнать... Я могу сейчас кричать, что, если бы ты была со мной, мы бы с тобой говорили и говорили без конца, чтобы узнать друг друга. Но это все неправда, все ложь. Потому что, сколько бы времени мы ни провели вместе, мы бы так и были... ты и я. Отдельно. Так страшно это говорить... ты же понимаешь меня, правда?

Над озером сквозь ее слезы дрогнул закат. Ветер свистел в ушах, ничего не отвечая. Лара со злостью вытерла глаза ладонью:

– Ведь это я, я всегда видела, что чувствуют другие! Я! Это всегда было только моим. Ты знала, что я так вижу, но никогда не видела мир моими глазами. А я не видела твоими. Так страшно... Я ведь будто даже не знакома с тобой! Помнишь маму? Я совсем ее не помню, только ощущения. Смутные, как во сне. Мы не были с ней знакомы, кажется, да? Она вот тоже ушла однажды. И не вернулась. И ты не вернешься. Никто не возвращается.

Ее трясло, зубы стучали, и никак не получалось вздохнуть, выходила только череда судорожных стиснутых всхлипов. Собрав все свои силы, Лара открыла урну.

– Я очень тебя люблю, Ли... Мне нужно это сказать. Ты самое дорогое, что у меня... было. Теперь тебя нет. А я остаюсь. Прости, что я остаюсь. И

за все остальное тоже.

Одним движением она опрокинула урну. Порыв ветра подхватил бело-серый пепел – и его не стало.

Лара встала на ноги, рассеянно оглядывая внезапно ставшие бесполезными рюкзачок и урну и не зная, куда деть их. Они были как скинутые оболочки, опустевший кокон легкокрылой бабочки.

Продолжая серьезно, даже слишком серьезно раздумывать над этим вопросом, она шагнула в сторону тропы, не глядя. В голове гулко стукнуло, перед глазами покачнулось, поплыло и перекошилось на один бок. И, оступившись, Лара стала падать.

Это происходило, конечно, почти мгновенно, но ей казалось, время растянулось, провисло гамаком. Вот ее глаза оказываются на уровне той площадки, где только что стояли ступни, вот уже ниже, и она хватается руками за острые пыльные камни. Камни выворачиваются с корнем, как зубы. «Корни, бывают ли у камней корни?» – всерьез размышляет Лара. Крошево, крупные осколки и почти пыль, летящая в глаза, все падает вместе с ней, почему-то беззвучно, в пустынной тишине. И руки, действуя без приказа, продолжают попытки уцепиться, ухватиться, замедлить падение. Лара как будто ползет вниз, на животе, суча руками и ногами – только вниз, а не наверх, вдоль скалы с чахлыми кустиками.

Ей все-таки удалось ухватиться за уступ, и, пошарив ногами, она нашла, куда встать самыми носочками. Она не знала, что там, ниже, сколько метров пустоты может поймать ее, если она ослабит хватку. Лара прильнула к скале, вросла в нее, не смея шелохнуться.

«Неужели вот так? Так все и кончится?» – эта мысль устроилась в ее черепе, змеей свившись в кольцо с хвостом во рту. Змеиная кожа была холодна и поблескивала сталью.

И тогда Лара выдохнула свою единственную причину:

– Егор...

Кажется, это был крик. Или она кричала, пока падала – но лицо Егора тут же возникло за выступом, прямо над ее головой. К ней тянулась его рука.

– Лара. Держись. Хватайся за руку.

Не вопль, а – приказ.

– Да.

Несмотря на ответ, она почему-то не могла заставить себя отпустить скалу.

– Лара, сейчас ты отпустишь камень и правой рукой схватишься за

мою руку. На счет «три», хорошо? Раз, два, три.

Ее тело в эту секунду, кажется, стало принадлежать Егору. По крайней мере, его оно послушалось, и на счет «три» правая рука Лары действительно разжала пальцы и ухватилась за его протянутую руку.

– Держу!

Лара почувствовала, как нечеловеческое притяжение, сильнее земной гравитации, тянет ее вверх.

Егор втащил ее на тропу, и они повалились в серо-желтую пыль. Он, тут же встав на колени и нависнув над Ларой, стал ее ощупывать и спрашивал, кажется, где больно. Она отвечала, сама себя не слыша, и только видела дырки на коленях и лохмотья, в которые превратилась ее футболка на животе и правом боку. Рваная ткань быстро пропитывалась кровью. Тогда Егор подхватил ее на руки и понес.

Когда ватная тишина схлынула, все стало как-то слишком громко – биение арэфьевского сердца прямо над ухом, крики птиц. Потом накатились ощущения: тепло широкой груди, запах пота, кровяная влага под грудью и боль. Как по отмашке, начало болеть везде. И застучали зубы.

Они добрались до турбазы довольно быстро, хотя в лесу уже сгустилась тьма. Часть пути Лара преодолела сама, давая своему спасителю передышку. Кровь еще сочилась, сворачивалась, но не засыхала. В домике Егор уложил Лару на кровать и вышел, а вернулся с бутылкой водки и аптечкой из машины.

Полстакана водки, жидкость, хлынувшая по пищеводу, как огонь по бикфордову шнуру. Егор стащил с Лары футболку и джинсы, и она оказалась в одних только трусиках быстрее, чем осознала это. Но на смущение не осталось сил. Кусками ваты, смоченными в водке так, что с них капало, Егор смывал пыль, грязь и схватывающуюся кровь. От груди до выступа тазовой кости весь бок Лары был располосован, будто его стесали наждаком, с глубокой бороздой посередине, оставленной каким-то каменным выступом. Ладони, локти, колени – всех ссадин касались белые куски ваты, быстро становясь грязно-коричневыми. Лара шипела, едва сдерживаясь от вскриков, и, чтобы не так сильно щипало, Егор прерывисто дул на каждую ссадину. Ледяная водка в ранах будто вскипала.

Арефьев действовал умело, но не торопясь. И без лишней жалости. Не боясь причинить неизбежную боль, не боясь тронуть там, где еще выступает сукровица. Обработав все раны и ссадины на животе и ногах, он промазал их зеленкой и наложил повязку. Замечая, что дело идет к концу и особо серьезных повреждений нет, он замедлил движения, переводя дух.

И тогда Лара почувствовала это. Свою наготу. Из приоткрытого окна тянуло ночной прохладой и дымом от костра, и кожа, пока с нее улетучивалась водочная влага, покрывалась мурашками. Егор теперь смазывал смоченным в зеленке ватным тампоном ее грудь, небольшие ранки, которые затянулись бы и без его помощи. Но он продолжал касаться, мягко и ритмично, как замороженный, не в силах прекратить пытку. И каждое его прикосновение оставляло зеленый отпечаток на Лариной коже и тут же отзывалось внутри болью, смешанной с жаром. Новое прикосновение снова влекло за собой жар, как тягучий укол. И еще. И еще. Клавиши, каждая из которых заставляла Ларино тело звучать, гудеть в нижнем регистре.

Их взгляды встретились. Глаза Егора были черными, почти страшными. А в следующее мгновение очень близкими.

Поцелуй оказался безжалостным. Яростно, припадая друг к другу, как изголодавшиеся звери, они целовались, пожирая друг друга, чувствуя на губах ржавый вкус крови. Ларино тело горело и саднило все целиком, снаружи и, что невыносимее, изнутри, и она впечатывалась в Егора с единственным желанием утолить, унять это чувство, которое росло и росло, неудобное, горячее, мешающее дышать. Все плыло перед глазами, пока отчаянное сердце прокачивало по венам смесь крови, адреналина и спирта.

И когда свежие раны снова открылись, этого никто не заметил. Боль смешалась с наслаждением, острым и неукротимым. Эта ночь становилась лавиной, обрушившейся внезапно и неминуемо, огнем лесного пожара, в котором сгорали живьем два человека.

Лара проснулась еще на рассвете. На ее теле не было ни одного живого места, если судить по ощущениям. То, что уцелело после падения со скалы, помнило сильные, почти жестокие пальцы Егора: они до сих пор оставались на ее коже темными пятнышками синяков, на бедрах, на запястьях. Но еще никогда она не чувствовала себя такой восхитительно живой, опьяненной жизнью, с искристым, дистиллированным восторгом, налитым в нее до краев.

Подперев голову рукой, Лара с улыбкой смотрела на спящего Егора. Расслабленный, с разгладившимся лбом, который ничто в эту минуту не печалило и не тревожило, он казался обманчиво мирным, с растрепанной медовой шевелюрой, в которую она еще недавно вцеплялась обеими руками, притягивая к себе его лицо, со стрелами пушистых темных ресниц, отбрасывающих на скулы легкие тени, с твердыми, четко обрисованными

губами. Над верхней губой виднелась засохшая кровавая капля, и Лара поняла, что это ее кровь. Этот человек так же, как и она, так же, как и простыни в коричневых и зеленых пятнах, хранил следы их неистовой схватки, где было больше боли, чем любви. И вот теперь Егор спал, напоминая ей льва после охоты. На мгновение прикрыв глаза, она навсегда запомнила это знакомое дыхание с присвистом на выдохе.

Лара вылезла из-под одеяла, осторожно и чуть не повизгивая от каждого движения. Стараясь не издавать ни звука, закусив губу, оглядела себя в небольшом зеркале. Тело выглядело как поле боя, так что Лара быстро отыскала в сумке и надела на себя свитер с длинными рукавами и объемным воротником. Когда все следы минувшего скрылись под крупной акриловой вязкой, Ларе стало немного спокойнее. Для верности она проглотила пару таблеток аспирина из распотрошенной аптечки. Забрав сумку и фотоаппарат, Лара вышла из домика и побрела в сторону железнодорожной станции, охая при каждом резком шаге. Остаться с Егором она не могла.

Она шла, почти не замечая ничего вокруг, и перед глазами вставали картины ночи, болезненной, разбитой, перебинтованной ночи, пахнувшей кровью, диким лесом и дымом чужого далекого костра. У нее не было сожалений или стыда, более того, она все прокручивала невероятные сцены одну за другой, намертво вбивая их в память. Никогда прежде ей не доводилось испытывать таких испепеляющих, всепоглощающих чувств, и, может быть, в другой реальности это могло бы послужить началом чего-то большего. Но только не здесь и не вчера. Потому что вчера она развеяла над Байкалом Лилин прах. Потому что Егор был Лилиным мужем, а она – Лилиным близнецом.

– Так надо, – твердила она вслух. – Так надо. Это конец.

И то, что она его любит, ничего не меняет. Минувшая ночь была ошибкой, которую Лара ни за что не согласилась бы исправлять, даже если бы выдалась возможность. Но наступило утро. Так что надо сесть на электричку, добраться до Иркутского аэропорта, купить билет на самолет и улететь восвояси.

Она убеждала себя вполголоса. А потом она вдруг остановилась. Что это, как не побег? И чем тогда она отличается от Лили? Та сбегала, и Лара сейчас бежит. Да, она не сможет остаться. Но ее ведь никто не уговаривает. Пусть Егор ничего к ней не испытывает, но... Разве он не заслуживает хотя бы объяснений? После всего, что было? Разве должен он ломать голову, куда она пропала и не разодрали ли ее дикие звери? Разве не достаточно он натерпелся от нее – и от Лили?

Она представила, как Егор проснется на окровавленных простынях, один. И эта картина ударила ее по лицу наотмашь. Тогда Лара решила вернуться.

Она не знала, чего ждать. Радостной улыбки, объятий? Хмурого взгляда? Неловкости, которая сразу разрастется в пропасть между ними? Только бы не унижительного разговора о том, что произошедшее ночью было ошибкой и надо забыть все это и остаться друзьями. Такого унижения она не вынесет.

Но Егор ничего не сказал. Не улыбнулся, не нахмурился. Просто кивнул, когда она замерла на пороге, и окинул быстрым проницательным взглядом:

– Привет. Чай будешь?

Конечно, он заметил и ее сумку, и выражение ее лица. Но предпочел не комментировать. Поставил на деревянный стол без скатерти два стакана чая и сел на скамью. Утренний ветер успел развеять их общий, такой откровенный запах, и Лара была рада, что Егор догадался открыть окна. Постель была застелена, а белье лежало у тумбочки, завязанное узлом.

– Я тут разузнал, – поделился он, пока Лара мелкими глоточками отхлебывала чай. – Ближайший рейс на Москву в десять, а потом в час. И вечером есть еще. Я довезу тебя до аэропорта. Если хочешь.

– Спасибо.

– Как ты себя чувствуешь?

– Жить буду, – отозвалась она.

– Это хорошо.

Сидя в кресле и через иллюминатор наблюдая, как по взлетно-посадочной полосе снуют технический транспорт и погрузчики, Лара размышляла. Она вспоминала слова, сказанные Егором два часа назад, но фактически – на прощание.

Они тогда стояли на железнодорожном переезде неподалеку от города. Дожидаясь, пока мимо пронесется поезд-товарняк и поднимется полосатый шлагбаум, Егор повернулся к ней. Колеса поезда перестукивали и громыхали на рельсовых стыках.

– Поезд очень напоминает жизнь, не находишь? – заговорил Егор негромко. – Ты можешь спокойно сесть в него на станции, со всеми своими чемоданами и комплексами. Можешь заскочить в последний вагон уже на ходу. Можешь сесть в электровоз, и стать машинистом, и решать, куда ехать, где останавливаться и, при известной удаче, даже можешь связаться со стрелочником и попросить передвинуть стрелку. Но все это требует

усилий, хотя бы мало-мальских. А без усилий ты просто стоишь на рельсах, и тебя неминуемо или собьет, или отшвырнет в сторону потоком воздуха, и поезд промчится мимо. А при этом люди с умным видом цитируют фразу «Делай что должно, и будь что будет», свято веря, что главная часть этого высказывания – вторая. Они ошибаются, и сами в этом виноваты. Не слушай тех, кто говорит, что ты не сможешь. Думай своей головой. Делай то, что решила, Лара. Живи своей жизнью, а не чужой. Пообещай мне это.

Тогда Лара взглянула ему прямо в глаза и кивнула.

И сейчас, когда шасси оторвалось от земли и самолет взмыл в небо, Лара была почти уверена, что все сделала правильно.

Эпилог

Больше они не виделись. По возвращении Лара с головой ушла в работу, точно для себя решив, чего хочет добиться. К ней вернулась зоркость, вернулось умение замечать сокровище и ловить это фотоаппаратом, как сачком, и вскоре работы ощутимо прибавилось. Думать, переживать, сомневаться – на это просто не осталось времени, и порой ей стало казаться, что все произошедшее в Сибири было лишь сном. Да и путешествие это ей просто привиделось. То, как на нее смотрел Егор, то, что она чувствовала к нему. Все-таки прошло полгода... Наверняка за это время жизнь его переменилась, он нашел женщину, которая оценила его по-настоящему, полюбила по-настоящему. Теперь она слушает его дремотное дыхание. И ее, чужие, подушки пропитываются его запахом.

Жизнь, снятая с паузы, пошла своим чередом. Лара помнила то, что пообещала Егору. Самой решать и самой жить. Подняла старые контакты, съездила на пару встреч, кинопремьер и закрытых мероприятий, давая всем понять, что вернулась из небытия, и вскоре уже выставляла свет в фотостудии и подбирала подходящие фоны для предстоящей съемки, пока пуховки и кисти гримеров порхали над безупречными лицами молоденьких моделей с острыми плечиками. Ларе не приходило в голову, что за время отсутствия о ней могли забыть, она была слишком сосредоточена на своей цели, чтобы сомневаться в собственных силах или поддаваться бесплодной рефлексии. Время сомнений прошло. Возможно, именно поэтому сейчас все давалось ей так легко.

Тут же пошли слухи, что эти месяцы она снова провела в Лондоне, и что даже будто бы у нее роман с мистером Крентом, который недавно развелся с третьей женой, и что именно эксцентричный британец так сильно повлиял на Ларин стиль, манеру съемки и ретуши. Редакторша

одного из журналов, принимая материал, сдвинула на кончик тонкого носа очки в черной оправе и сощурилась:

– Лара, это... Отлично, по правде говоря. Я поговорю с руководством о контракте. Скажем, на год. Как тебе?

Лара нервно поперхнулась смехом:

– Год? Я тебя умоляю! Ты можешь знать, что будет с тобой или со мной через год? Все может измениться за один момент, а ты говоришь – год...

Лара представила Лилю, которая год назад еще была жива. Редактор представила студию где-нибудь в Сохо. Так что вскоре поползли слухи, что Ларе Велесовой может быть предложен контракт не то в Лондоне, не то даже в Нью-Йорке.

Рита и папа объявили, что ждут прибавления. Сообщая новость, папа прятал глаза, как маленький мальчик, словно сам еще не верил в свое новое счастье. И Рита не верила. «Ничего, у них еще выдастся минутка на осознание. Во время смены подгузника...» – думала Лара с улыбкой.

Первое время по возвращении она вздрагивала от каждого телефонного звонка, но все они возвещали лишь о новом заказе, приглашении на презентацию или съемку. И она перестала ждать. Но каждый вечер, глядя в потолок, она видела лицо, черты которого не хотели стираться из ее памяти.

В один из выходных Лара разобрала отснятый в поездке материал и показала знакомой. Та – знакомой своей знакомой. Все как-то завертелось, защелкали шестеренки, и вот уже на первое декабря назначено открытие ее персональной фотовыставки в одной из столичных галерей. Невероятная удача.

Она долго выбирала название для выставки. Пока не вспомнила предсказание, о котором говорила Лиля. Цыганка сулила Лиле известность? Что ж, Лара могла подарить это своей сестренке.

Собираясь на открытие, она вертелась перед зеркалом, примеряя наряды. Ничего подходящего, конечно, не было, она ведь не из тех, у кого шкаф ломится от вечерних туалетов. Ну хорошо, пусть будут черные узкие брюки и кофточка, кокетливо обнажающая левое плечо, решила она и стащила футболку через голову. И тут же увидела свой шрам на боку, сразу под грудью. Пора бы к нему привыкнуть, но она все равно каждый раз чувствовала дрожь, замечая шрам, белесый, с розоватым неровным краем. Никто, кроме нее и еще одного человека, не знал об этом клейме, никто, кроме них двоих, не помнил ночь, в огне которой перековалась ее душа. Лара натянула кофточку, надежно пряча под ней себя.

И вот она уже стоит посреди галереи, и зал наполняется людьми. С потолка свисают причудливые светодиодные светильники. Дэвид Крент, только что с лондонского самолета, протянул ей бокал с шампанским, добавляя пицци для сплетен. Обходительный и говорливый, как и всегда, в самом оранжевом из настроений, даже с алыми вкраплениями флирта.

– Дэвид, не знаю, как тебя благодарить. То, что ты приехал...

– И мне приятно, и тебе реклама. – Дэвид тронул ее бокал своим, и в воздухе раздался деликатный звон. – За тебя. Отличная работа. «Путешествие с Лилей в поисках России»... Мудреное название для выставки, не находишь? Как бы то ни было, путешествие было занятным, а? Прокатимся как-нибудь с тобой по тому же маршруту?

– О нет, – засмеялась она в ответ. – Одного раза достаточно.

Они сделали круг по залу, разглядывая фотографии, навсегда пойманные мгновения жизни.

Облупленная остановка с нарисованным на бетонной стене волком из «Ну, погоди!», возле которой нахохлившиеся тетки грузятся в раздолбанный деревенский «пазик».

Двое мужчин у машины справляют малую нужду прямо на обочине, повернувшись спиной к дороге.

Старушка везет мешок картошки в старой детской коляске, приспособленной на манер продуктовой тележки.

Егор сощурил от яркого солнца один глаз, и вид у него донельзя плутовской.

Девочка в ярком платице сидит на корточках, в недетской задумчивости глядя на мороженое-рожок, только что выпавшее у нее из рук и оплывающее на асфальте.

Официантка старательным движением отличницы поправляет передник.

Егор протягивает кожаный рюкзачок вперед, к камере, и между бровей у него поселилась хмурая морщинка. Здесь Лара перемудрила с выдержкой, и все немного смазано, кроме лица, словно только оно имеет значение.

Вера, замешивая тесто, с полуулыбкой глядит через плечо. Руки у нее запачканы белой мукой.

Владик, в своем шлеме-шапочке, болтает ногами, сидя на поваленном на краю оврага дереве и жует шанежку.

Егор озадаченно склонился над картой.

Митяй, высунувшись из кабины трактора, пожимает протянутую Славиком руку и одновременно лыбится щербатым ртом в объектив.

Егор увлеченно говорит по телефону, устремив взгляд в байкальскую

даль, а на заднем плане один мальчик сует за шиворот другому рыбий хребет с хвостом.

Егор покусывает былинку, прислонившись плечом к иссохшей, выбеленной скале.

Егор.

– А этот мужчина, – указал Дэвид на фотографию Егора, озадаченно глядящего в открытый двигатель джипа и почесывающего в затылке. – Кто он?

– Мой попутчик.

Стремясь переключиться на что-нибудь более реальное и менее болезненное, она мельком оглядела присутствующих, считывая их настроения. Пара неверных супругов, зрелая, все еще кокетничающая напропалую дама в мехах, истерзанная диетой и завистью молодая Ларина коллега.

Дэвид проследил за ее взглядом и истолковал довольно верно:

– Тебе кажется, что все эти люди ничего не понимают в искусстве?

– Никто ничего ни в чем не понимает. Так и живем, – засмеялась Лара беспечно и вдруг замолчала. Она почувствовала на своем затылке, плече, спине пристальный взгляд. Взгляд мог принадлежать кому угодно, но безумная, отчаянная надежда выдала ее с головой.

Егор стоял у самого входа. Галстук, костюм, зажим для галстука с агатовой вставкой. Кипенно-белая рубашка. Руки заложены за спину, прямые плечи, стрижка короче, чем полгода назад. Невыносимо строгий и далекий.

Но когда она осмелилась взглянуть ему в глаза, там, в их зеленой глубине вспыхнули янтарные искорки и разгорались все сильнее, пока он шел к ней через зал, пока протягивал ей букет пронзительно-весенних белых тюльпанов.

– Привет, Лара. Поздравляю.

Она взяла букет и увидела батончик гематогена, торчащий среди упругих сомкнутых цветов.

– Если он упадет, я подниму, – предупредил Егор. – Хотя с пола есть нехорошо. Но можно.

К Ларе подходили знакомые, поздравляли, косились на Егора и отходили. Дэвид с другого конца зала все-таки заметил Лариного гостя и понимающе подмигнул. Она даже боялась предположить, что Крент имеет в виду.

А Егор все стоял и смотрел на нее, не отрываясь.

– Лара-Лара... – вздохнул он наконец. – Ты ведь обещала решать и

думать своей головой.

– Я думаю, – она вдруг испугалась, что чем-то разочаровывает его.

– Значит... Твои решения касаются только работы. Поставила крест на всем остальном? Как тебе это удастся...

Надо было что-то срочно сказать, но Лара все не могла придумать. Не правду же, в самом деле.

– А вот я не могу. Я не могу без тебя, – Егор договорил едва слышно.

– Ларочка, скоро подключат микрофон, я скажу пару слов, никуда не уходи! – подлетела к ним хозяйка галереи и тут же умчалась, не дожидаясь ответа. Она не заметила происходящего между Ларой и Егором. Справедливости ради, ее они не заметили вовсе.

Егор потянулся к своему затылку, и, хотя он тут же отдернул руку, Лара чуть не засмеялась от радости. Долой сомнения! Даже в костюме, даже в залитой огнями галерее, этот мужчина – тот же самый, что и на дороге. Те же глаза, та же улыбка, те же привычки, так нежно перебираемые ею в воспоминаниях. Она готова была до бесконечности изучать того, чьих настроений не видела глазами, но чувствовала всем своим существом. Ей захотелось покрыть его поцелуями, растормошить, закружить по залу и не отпускать никогда. Вдыхать его запах в ямке над крепкой ключицей, тереться носом о щетинистую щеку. Но что, что он сказал ей? Лара боялась переспросить.

– Я не могу без тебя, – повторил Егор, приближаясь к ней вплотную.

И тогда Лара зажмурилась:

– Значит, мне все это не приснилось? Не почудилось?

– Тебе всегда что-то чудится, – усмехнулся Егор и взял ее ладони в свои. – Иногда это на пользу, иногда нет. Но такая уж ты.

Так, посреди зала, переполненного людьми с бокалами шампанского, Лару и Егора настигло одно и то же чувство, сильное и огромное, как Ангара, что несется вперед по зову переменчивого речного сердца, нарушая все запреты и сокрушая на пути все препятствия валом кристальной воды.

notes

Сноски

1

Джон Бон Джови – американский музыкант, рок-исполнитель (*здесь и далее прим. автора*).

2

Чак-чак – выпечка, национальное блюдо тюркских народов из теста и меда.

3

«The only way is up» («Единственный путь – вверх») – популярная песня, существующая в исполнении Отиса Кляя и версиях других музыкантов.

4

«Heat of the moment» («Жар мгновения») – песня британской прог-рок-группы «Asia».

5

Black Sabbath – британская рок-группа, исполняющая главным образом хэви-металл.

6

Боб Дилан – американский рок-музыкант, актер, поэт.

7

Шанежки, шаньги – вид выпечки, распространенный на Урале, Севере и в Западной Сибири. Несладкие изделия из дрожжевого теста на бараньем или говяжьем жире, с начинкой, внешним видом напоминающие ватрушки.

8

«Буханкой» в народе иногда называют автомобиль УАЗ-452 и УАЗ-3741.

9

«Knocking on heaven's door» – знаменитая песня Боба Дилана, кроме прочего, прозвучавшая в одноименном фильме Томаса Яна «Достучаться до небес».

10

Чароит – минерал, используемый в ювелирном и декоративно-прикладном искусстве, единственное месторождение на Земле находится на границе Якутии и Иркутской области.

11

Хамар-Дабан – хребет Саянских гор у южной оконечности Байкала. С него в сторону озера дует шелонник, юго-западный ветер.

Table of Contents

Елена Вернер Грустничное варенье

Пролог

Глава 1. Марсианки

Глава 2. Муж. Враг

Глава 3. Начало

Глава 4. Когда меняется свет

Глава 5. Ограниченный доступ

Глава 6. Подводное царство

Глава 7. Ничего, кроме правды

Глава 8. На другом берегу

Глава 9. Гагавка

Глава 10. Шаман-камень

Глава 11. Имена вещей

Эпилог

Сноски

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11